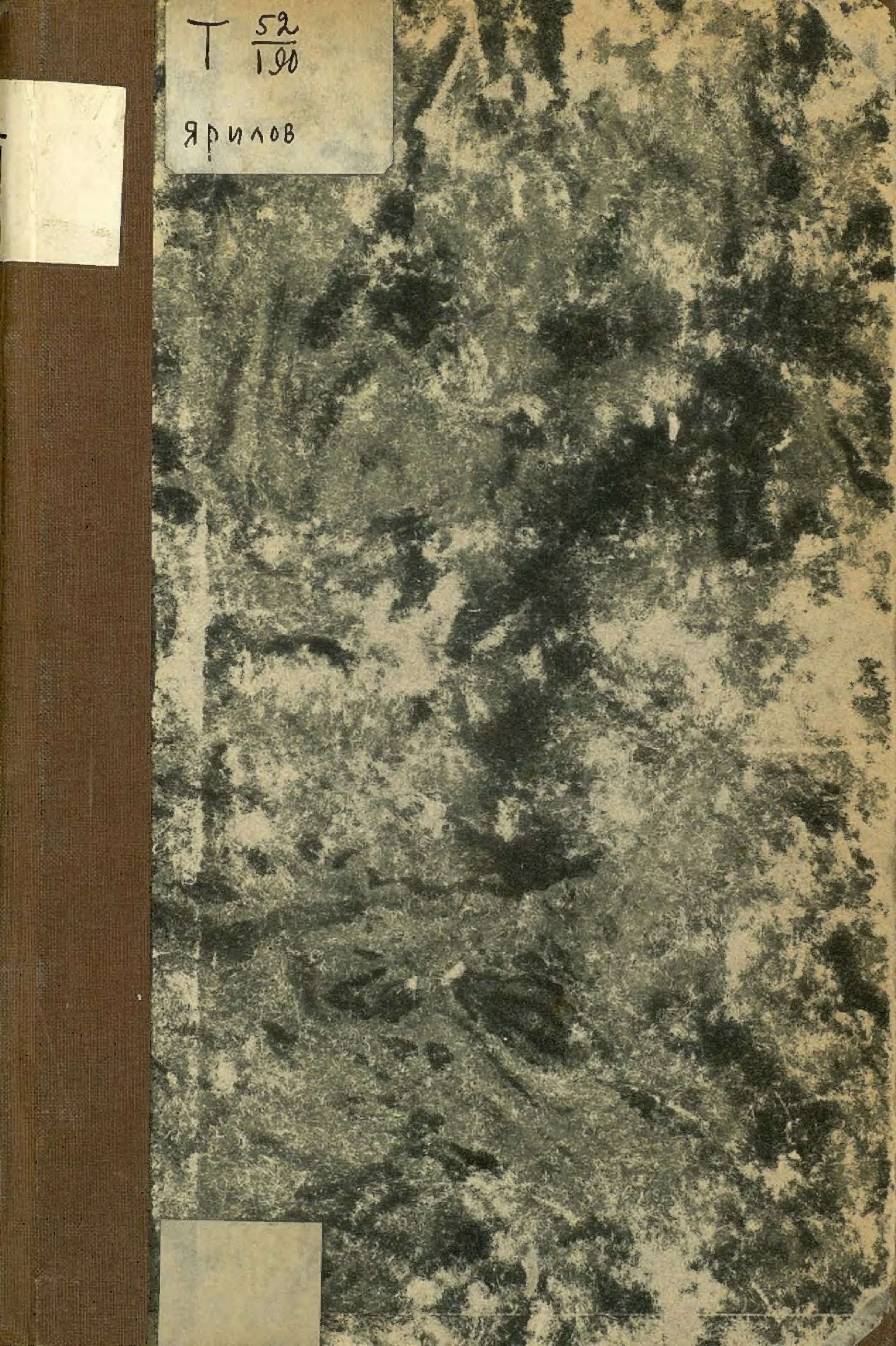

Т 52/190
Ярилов

Арсеній Яриловъ.

„Истинная", „русская", „самобытная" наука

и ея университетскіе представители.

> „Нужно страдать неисцѣлимымъ ослѣпленіемъ, чтобы не замѣчать быстраго пониженія научнаго уровня въ Россіи за послѣдніе годы".
>
> Вл. Соловьевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Герольда" (Вознесенскій пр. 3).
1906.

Арсеній Ярилов.

„Истинная", „русская", „самобытная" наука и ея университетскіе представители.

La „vraie", „russe", „originale" science et ses représentants aux universités

par Dr. A. Jariloff.

[Въ защиту науки и въ отвѣтъ на отзывъ спеціалистовъ физико-математическаго факультета Имп. Юрьевскаго Университета о работѣ: „Педологія, какъ самостоятельная естественнонаучная дисциплина о землѣ, ч. I"].

„Нужно страдать неисцѣлимымъ ослѣпленіемъ, чтобы не замѣчать быстраго пониженія научнаго уровня въ Россіи за послѣдніе годы".

Вл. Соловьевъ.

I.

Въ „научномъ отдѣлѣ" только что появившейся первой за 1905 г. книжки „Ученыхъ записокъ Имп. Юрьевск. Унив." помѣщенъ „отзывъ, составленный профессоромъ С. К. Богушевскимъ, по порученію физико-математическаго факультета И. Ю. У., о сочиненіи А. А. Ярилова, представленномъ въ 1904 г. для соисканія степени магистра агрономіи".

„Отзывъ" этотъ поражаетъ количествомъ обвиненій, сконцентрированныхъ на его 27 (полныхъ) страницахъ [1]):

Несолидность (2), публицистичность (2), отсутствіе добросовѣстности (3), неистинность (3), неполнота (3), односторонность (4), предвзятость (4), ненаучность (4), голословность (5), произвольность (5), излишняя повторяемость (5), невыясненность (7), бѣдность матеріала (7), общеизвѣстность излагаемыхъ фактовъ (10), краткость въ однихъ случаяхъ, пространность—въ другихъ (10),

---

[1]) Помѣщаемыя ниже въ скобкахъ цифры обозначаютъ страницы „отзыва" г. Б—го. Разрядка всюду (во всей работѣ), гдѣ это не оговорено, принадлежитъ мнѣ.

игнорированіе (11), замалчиваніе (11), несамостоятельность критики (11), дискредитированіе (11), введеніе въ заблужденіе не спеціалистовъ, напр. учащихся (12), тенденціозная односторонность (12), высокомѣріе (12), непозволительная смѣлость (12), неосновательные упреки (12), неумѣстная насмѣшливость (14), упреки за заслуги (14), чрезвычайная растянутость (14), обширность цитатъ (14), пространность не идущихъ къ дѣлу разсужденій (14, 27), излишнія и выходящія за предѣлы компетенціи и спеціальности разсужденія (14), неумѣстныя осужденія и порицанія (14), клевета на Вагнера (16), фантазія (19), умаленіе достоинствъ (19), иронія (21), суровость въ связи съ несправедливостью (21), безосновательное невѣріе (22), провозглашеніе эмансипаціи практика отъ теоретика (агрикультурхимика) (23), недостойное обращеніе съ агрикультурхимиками (23), неисторичность (23), непризнаніе чужихъ заслугъ (24, 27), недостаточная глубина изученія (24), ненужныя повторенія (24, 25), пренебрежительное отношеніе къ методамъ (24, 27), отсутствіе перспективы будущаго науки (24, 27), изобрѣтеніе произвольныхъ терминовъ (25), недостаточное вниманіе къ экономическимъ условіямъ (25), упорное умолчаніе заслугъ (26), непоучительность результатовъ (26), безполезная трата своихъ силъ (26), общія мѣста (26), безполезная ученость (26), неправильное освѣщеніе прошлаго науки (27), несправедливая оцѣнка (27), недостаточная обоснованность (27), огульныя осужденія (27), постоянная склонность къ насмѣшкамъ (27), обвиненіе людей науки въ негодности и тунеядствѣ (12, 17, 27), пристрастность (27), своеобразность воззрѣній (27), отрицаніе возможности совмѣстной работы ученыхъ разнаго направленія (28), не экспериментальность (28), отрицаніе въ принципѣ опыта (съ знакомъ вопроса) (28), вообще неоправданіе надеждъ г. Б—го (3-4.). . . . .

Вотъ тѣ обвиненія и упреки, которые я нашелъ въ отзывѣ г. Б—го. Вѣроятно, недостатокъ мѣста не позволилъ послѣднему, хотя сколько нибудь, обосновать его, частію весьма тяжелыя, обвиненія, а довѣріе къ авторитету своего сочлена-спеціалиста удержало факультетъ отъ предъявленія къ „отзыву“ г. Б—го требованій, вообще говоря, обязательныхъ для всякой сколько нибудь серьезной научной критики.

Факультету угодно было санкціонировать приговоръ, произнесенный надъ моею работой г. Б—мъ, не признавшимъ „означеннаго сочиненія достойнымъ искомой степени магистра“ (28).

Противъ моей работы оказались: 1) авторитетъ г. Б—го, 2) неотвѣчающее моему представленіе г. Б—го (и факультета?) о „научности“ и 3) несоотвѣтствіе представленной работы съ тре-

бованіями, предъявляемыми г. Б—мъ и факультетомъ къ диссертаціямъ на степень магистра агрономіи.

Въ силу указанной выше особенности ученаго отзыва г. Б—го, я не считаю для себя возможнымъ ограничиться однимъ лишь отвѣтомъ на него, а попытаюсь въ дальнѣйшемъ, насколько смогу, выяснить степень авторитетности г. Б—го въ области научной агрономіи, освѣтить разницу въ нашихъ съ г. Б—мъ взглядахъ на „научность“ и, наконецъ, отвѣтить на вопросъ о томъ, какъ представляетъ себѣ г. Б. сочиненіе, „достойное“ искомой степени магистра агрономіи.

Полученныя такимъ путемъ данныя всего лучше помогутъ намъ опредѣлить настоящую цѣнность произнесеннаго надъ „Педологіей“ г. Б—мъ приговора и всѣхъ его перечисленныхъ выше упрековъ и обвиненій по адресу пишущаго настоящія строки.

Намъ придется имѣть дѣло со всѣми агрономическими работами нашего оппонента, но наибольшій интересъ представитъ, разумѣется, та изъ нихъ, которая отвѣчаетъ требованіямъ, предъявляемымъ г. Б—мъ къ магистерскимъ диссертаціямъ. Она носитъ заглавіе: „Неурожаи и истощеніе земель. Изслѣдованіе по вопросу о причинахъ истощенія плодородія почвъ. Юрьевъ, 1900“. (XXXVIII + 214 стр.).

Предположимъ на время совершенно невѣроятный случай: не г. Б. даетъ ученый отзывъ о моей работѣ, а я о только что названномъ трудѣ г. Б—го, и приступимъ къ возможно краткому разбору этого послѣдняго.

II.

Стр. 1—4. Г. Б. занимается „объясненіемъ“ „противорѣчія въ воззрѣніяхъ“ Дегерена и Паньюля. Первый, на основаніи своихъ опытовъ, заключаетъ, что причины истощенія почвы сводятся, главнымъ образомъ, къ уменьшенію въ нихъ „какъ азота, такъ въ особенности гумуса“. По опытамъ же Паньюля, „не существуетъ, какъ будто, никакого истощенія почвъ въ отношеніи азота“. „По нашему мнѣнію—возражаетъ тому и другому г. Б.—это недоразумѣніе (?) объясняется нѣкоторой односторонностью изслѣдованій какъ Дегерена, такъ и Паньюля“. „Односторонность“ эту г. Б. видитъ въ томъ, что оба ученые концентрируютъ свое вниманіе на азотѣ, „не пытаясь параллельно съ этимъ систематически опредѣлять количество гумуса въ почвѣ“. „Между тѣмъ, по словамъ

Дегерена, неудобренная навозомъ земля уже въ теченіе 10 лѣтъ теряетъ до 50% своего гумуса...“ Ссылаясь затѣмъ на „изслѣдованія почвъ сухихъ мѣстностей сѣв. Америки Хильгарта“, показавшія, что „чѣмъ больше въ почвѣ гумуса, тѣмъ меньше имѣется въ послѣднемъ азота и наоборотъ“— г. Б. полагаетъ, что „изъ этихъ изслѣдованій можно вывести лишь одно заключеніе, что почва быстрѣе лишается гумуса, чѣмъ азота. По нашему мнѣнію, заключаетъ г. Б., и тотъ загадочный (!) результатъ, къ которому пришелъ Паньюль, о накопленіи азота въ голой и невоздѣланной почвѣ слѣдуетъ объяснять болѣе быстрымъ исчезновеніемъ изъ почвы гумуса сравнительно съ азотомъ“.

Воистину „загадочнымъ“ является тутъ лишь противопоставляемое опытамъ обоихъ изслѣдователей „мнѣніе“ г. Б—го: совершенно непонятно, какимъ образомъ фактъ болѣе быстраго, по сравненію съ азотомъ, „исчезновенія изъ почвы гумуса“ можетъ служить „объясненіемъ“ факта накопленія въ ней азота? Столь-же мало понятно, впрочемъ, и самое обвиненіе г. Б—мъ Дегерена и Паньюля въ односторонности: Паньюль работалъ надъ рѣшеніемъ совершенно опредѣленнаго спеціальнаго вопроса о „потеряхъ азота и обогащеніи имъ засѣянныхъ и незасѣянныхъ почвъ“ и не могъ, конечно, предвидѣть, что г. Б—му потребуются данныя относительно содержанія въ почвахъ гумуса; что-же касается Дегерена, онъ и въ началѣ опытовъ, въ 1878 г., и въ концѣ ихъ, 1888 г., опредѣлялъ содержаніе гумуса въ своихъ почвахъ и потому обвиненіе его въ „односторонности“, какъ она формулирована самимъ г. Б—мъ, возможно лишь въ силу „замалчиванія“ послѣднимъ указаннаго обстоятельства, „игнорированія“ его... Мало того, десятилѣтнія потери почвою гумуса („50%“), о которыхъ упоминаетъ г. Б. указаны Дегереномъ не на „словахъ“, какъ значится у г. Б., а на дѣлѣ: г. Б. взялъ ихъ изъ таблицы анализовъ почвъ (CBl. 1890, 23), столь же ясно подсказывающей и другой нужный г. Б-му выводъ: что „почва быстрѣе лишается гумуса, чѣмъ азота“. Присваивая этотъ послѣдній выводъ себѣ и обращаясь при этомъ къ содѣйствію изслѣдованій Хильгарда, г. Б. обижаетъ и Дегерена и Хильгарда. Изучая почвы сухихъ, влажныхъ и переходныхъ мѣстностей сѣв. Америки, Хильгардъ и Яффа обнаружили, что гумусъ сухихъ областей содержитъ больше азота, чѣмъ гумусъ влажныхъ областей или влажныхъ почвъ въ сухихъ областяхъ („Agricultural Science“ 1894). Отсюда г. Б. дѣлаетъ сначала выводъ, что „почва быстрѣе лишается гумуса, чѣмъ азота“, а затѣмъ, что полученное у Паньюля въ его глиняныхъ

горшкахъ „накопленіе азота" объясняется не чѣмъ инымъ какъ именно этимъ болѣе быстрымъ „исчезновеніемъ изъ почвы гумуса". Процессы образованія американскихъ почвъ „аридныхъ" и „гумидныхъ" областей привлекаются для объясненія измѣненій, происходящихъ подъ вліяніемъ культуры даже не въ гриньонскихъ почвахъ Дегерена, а въ горшкахъ Паньюля. Условія, дѣйствующія на заключенную въ послѣднихъ пригоршню почвы, измѣняющія ея составъ, приравниваются нетолько къ условіямъ сосѣднихъ полей, но и—„аридныхъ мѣстностей Америки". На стр. 43 г. Б. предлагаетъ намъ „имѣть въ виду, что при горшечныхъ опытахъ земля безъ растеній не можетъ быть уподобляема пару и въ особенности (?) черному пару"—а здѣсь, на стр. 3, она „уподобляется" самимъ же г. Б. сначала „голой и невоздѣланной почвѣ", т. е. „черному пару", а затѣмъ еще и почвамъ „аридныхъ" областей...

Такимъ образомъ, чтобы „объяснить" мнимое „противорѣчіе" и „недоразумѣніе", г. Б—му пришлось создать цѣлую цѣпь настоящихъ „недоразумѣній". Но самое главное „недоразумѣніе" г. Б—го въ томъ, что онъ сравниваетъ несравнимое: результаты, полученные Дегереномъ, съ результатами, добытыми Паньюлемъ; и методы изслѣдованія, и матеріалъ, и условія опыта въ томъ и другомъ случаѣ черезчуръ различны, чтобы допускать сравненіе. Мало этого: г. Б. „сравниваетъ" и примиряетъ, несмотря даже на то, что, въ сущности, и къ выводамъ Дегерена, и къ опытамъ Паньюля относится крайне скептически. На стр. 40 онъ называетъ выводы Дегерена „поспѣшными", а на стр. 202 (и др.) не только самъ произноситъ строжайшій приговоръ надъ опытами въ сосудахъ вообще, но и приводитъ еще добытый на основаніи работъ съ ними выводъ проф. Коссовича, согласно которому вегетаціонный методъ даетъ наименѣе благопріятные результаты какъ разъ при рѣшеніи вопросовъ, касающихся азота почвъ (опыты Паньюля). Спрашивается, когда-же г. Б. „вводитъ въ заблужденіе неспеціалистовъ (напр. учащихся)"—на стр. 1—3, гдѣ онъ, сравнивая несравнимое, крайне озабоченъ устраненіемъ несуществующаго „недоразумѣнія", или же на стр. 40 и 202, гдѣ имъ подрывается всякая вѣра въ „истинность" полученныхъ обоими изслѣдователями результатовъ.

Вторая половина стр. 3 занята изложеніемъ взглядовъ Ванъ-Бемелена. Послѣдній, по словамъ г. Б., „находитъ, что не потеря изъ почвы минеральныхъ веществъ, а скорѣе потеря (почвою) гумуса и утрата почвой благопріятныхъ физическихъ свойствъ виною тому, что теперь уже нельзя получить табаку лучшаго

качества“. Послужившая основаніемъ для приведенной цитаты фраза „Centralblatt'a“ гласитъ: „Въ 6 отдѣлѣ авторъ (Ванъ-Бемеленъ) приходитъ къ заключенію, что уменьшеніе плодородія почвы табачныхъ плантацій Дели и Явы объясняется не истощеніемъ почвы, такъ какъ урожаи табака еще достаточно велики, но качество его уже не прежнее . . . . . . почва утратила благопріятный составъ своего гумуса (die gute Zusammensetzung des Humus) и рыхлость . . . . . вѣроятно также и климатъ ухудшился“ (CBl, 1890, 732). Утрата гумусомъ своихъ благопріятныхъ свойствъ и утрата почвою гумуса—очевидно, двѣ совершенно различныя „утраты“. Всякому, сколько нибудь знакомому со „своеобразными“ взглядами Ванъ-Бемелена на почву и ея плодородіе, понятно, о чемъ онъ тутъ ведетъ рѣчь [1]). Измѣняя смыслъ послѣдней, „игнорируя“ указаніе на климатъ, г. Б., очевидно, повиненъ, по меньшей мѣрѣ, въ „неправильномъ освѣщеніи“ взглядовъ В.-Б—на. Слѣдующія 9 строкъ посвящены Уатнею. И его взгляды переданы г. Б—мъ не вполнѣ правильно. „Химическій составъ почвы можетъ интересовать насъ, по мнѣнію Уатнея, въ вопросѣ о плодородіи ея только въ томъ случаѣ, если неблагопріятная структура почвы обусловливается преобладаніемъ въ ней нѣкоторыхъ минеральныхъ веществъ“. Въ указанныхъ г. Б. источникахъ мы нашли только одно, хотя сколько нибудь напоминающее приведенную выше цитату мѣсто: Уатней—говорится тамъ—„утверждаетъ, что географическое (lokale) распредѣленіе растеній и соотвѣтствіе, наблюдаемое между извѣстными родами почвъ и покрывающею ихъ растительностью (besondere Eignung), зависитъ болѣе отъ той структуры почвы и отъ тѣхъ физическихъ условій, при которыхъ происходитъ ростъ растеній, чѣмъ отъ химическаго состава почвы—исключая тѣ случаи, когда этотъ послѣдній обусловливаетъ собою особенности структуры“. (CBl. 1894, 699).

„Такимъ образомъ—говоритъ, подводя итогъ изложенному имъ до сихъ поръ, г. Б.—цѣлый рядъ ученыхъ въ большей или меньшей степени отрицаетъ, что будто бы истощеніе почвъ, т. е. утрата ими питательныхъ минеральныхъ веществъ

---

[1]) „Для плодородія почвы“—пишетъ В. Бем. въ одной изъ своихъ статей—„чрезвычайно большое значеніе имѣетъ то, въ какой стадіи гумификаціи находятся ея органическія составныя части, сколько имѣется бурыхъ или черныхъ, болѣе или менѣе разложившихся или окисленныхъ, богатыхъ азотомъ или бѣдныхъ имъ, въ большей или въ меньшей степени растворимыхъ въ щелочахъ гумусовыхъ веществъ“. „Landw. Versuchsst.“ 37 (1890), S. 348. (р. м.)

подъ вліяніемъ культуры растеній, бываетъ причиной ихъ неплодія, а, напротивъ (?), приписываетъ неурожаи растеній неблагопріятнымъ измѣненіямъ физическихъ свойствъ почвъ". Гдѣ же этотъ „цѣлый рядъ", съ одной стороны „отрицающій", съ другой—„приписывающій"? Г. Б, назвалъ намъ пять именъ. Изъ нихъ Паньюль всю свою жизнь работалъ надъ разрѣшеніемъ агрикультур-химическихъ вопросовъ, Ванъ-Бемеленъ привлеченъ г. Б—мъ лишь по недоразумѣнію, такъ какъ въ цитированной статьѣ онъ обсуждаетъ не уменьшеніе урожайности, а ухудшеніе качества снимаемаго съ почвы продукта; „полемизирующій" съ Уатнеемъ Хильгардъ долженъ быть, съ точки зрѣнія г. Б., несомнѣнно отнесенъ къ агрикультур-химикамъ (ср. CBl., 1894, 699); остаются Дегеренъ и Уатней. Дегеренъ, правда, „приписываетъ" навозу гораздо большее значеніе, чѣмъ большинство агрикультурхимиковъ, однако не столько вслѣдствіе его благопріятнаго вліянія на физическія свойства почвы, сколько потому, что считаетъ гумусъ—какъ до него Ризлеръ, а позже Bréal, Joffre и др.—прямымъ питательнымъ веществомъ растеній, о чемъ г. Б. умалчиваетъ. Съ другой стороны, тотъ-же Дегеренъ полагаетъ („Jahresbericht üb. d. Fortschritte..... Agric.-ch." 5, 48), что помощью химическаго анализа можно устанавливать причины неплодородія почвъ, и считаетъ, что Франція въ 1894 г. получила, благодаря фосфатамъ и нитратамъ, настолько большой урожай хлѣбовъ, что ей не пришлось вовсе обращаться къ иностранному ввозу. (Дегеренъ, П. Удобренія и микроорганизмы почвы. Кіевъ 1896, стр. 6). Остается, такимъ образомъ, одинъ только, воплощающій въ себѣ „цѣлый рядъ", Уатней. Для правильной оцѣнки этого чрезвычайно талантливаго, но весьма односторонняго изслѣдователя, г. Б—му надлежало бы ознакомить читателя съ возраженіями и другой стороны, Хильгарда [1]), разъ ужъ онъ нашелъ возможнымъ составлять сужденіе о господствующихъ среди агрономовъ взглядахъ на основаніи ихъ полемическихъ статей.

„Цѣлый рядъ другихъ изслѣдователей", не менѣе достовѣрныхъ, чѣмъ приведенные выше—пишетъ далѣе г. Б.—отстаиваютъ однако другую точку зрѣнія..., стараются доказать, что почва лишившаяся плодородія, является одновременно съ тѣмъ лишенной нѣкоторыхъ и даже многихъ (?) минеральныхъ составныхъ частей" и дѣлаютъ затѣмъ „заключеніе, что данная почва потому неплодородна, что она лишилась тѣхъ или дру-

---

[1]) Wollny's „Forschungen". 16 (1893), S. 20; Ср. также „Deutsche landw. Presse" 24 (1897) S. 653—654.

гихъ полезныхъ для растенія веществъ. Напр., Грандо. . .“ Какъ тамъ „цѣлый рядъ“ сводился къ одному Уатнею, такъ здѣсь представителемъ опять таки „цѣлаго ряда“ является только Грандо. „Плохой представитель!“ -скажетъ всякій, знакомый съ ученіемъ Грандо объ органоминеральныхъ соединеніяхъ почвы, его matière noire и съ отношеніемъ къ этому ученію правовѣрныхъ агрикультурхимиковъ. (Ср. Pitsch, O. „Landw. Versuchsstat“. 26, S. 1—49).

III.

Стр. 5—13. Г. Б. самъ сознаетъ, повидимому, чрезмѣрную слабость своихъ „рядовъ“ и спѣшитъ усилить ихъ подкрѣпленіями. „Всего рельефнѣе однако, говоритъ онъ, борьба между сторонниками истощенія почвы и ихъ противниками выясняется въ спорахъ ихъ о причинахъ клевероутомленія и свеклоутомленія почвы“. Изложивъ въ дальнѣйшемъ общеизвѣстный взглядъ Либиха на причины клевероутомленія, г. Б. выражаетъ мнѣніе, что послѣ изслѣдованій Тиля надъ длиною корней клевера „само собою рушится, такъ сказать, главное основаніе, на которомъ Либихъ строилъ свою теорію удобренія клевера. Опыты кромѣ того показали и полную безуспѣшность удобренія подпочвы для клевера“. Работа Тиля помѣщена въ малодоступномъ провинціальномъ сельскохозяйственномъ изданіи, а потому вполнѣ понятна малая освѣдомленность о ней г. Б—го. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ учебникахъ она реферирована довольно подробно. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что работа Тиля съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ быть трактована какъ противъ воззрѣній Либиха на клевероутомленіе, такъ и въ пользу этихъ послѣднихъ. Если, съ одной стороны, она показала, что maximum корней (100) клевера находилось на глубинѣ до 25 cm., то съ другой—что корни эти простираются до глубины 1,45 m. и еще на глубинѣ 65 cm. встрѣчается значительное число ихъ (20). Характерно, что тѣ, кто во времена Тиля отстаивали противоположную Либиху точку зрѣнія, ссылались при этомъ не на изслѣдованія Тиля, а на неизвѣстную, повидимому, г. Б—му работу John'a. Во всякомъ случаѣ, какъ ни смотрѣть на данныя Тиля, они представляютъ результатъ единичнаго наблюденія, а для распредѣленія корней въ почвѣ опредѣляющимъ моментомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ является характеръ данной почвы и данной подпочвы, равно какъ распредѣленіе въ нихъ питательныхъ веществъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что Тиль не разрушилъ теоріи Либиха, служитъ живучесть

этой послѣдней вплоть до нашихъ дней: ея придерживались Дрекслеръ, Бломайеръ и др., ее послѣдуетъ, напр., Тэеръ („System der Landw.“ 1896, S. 203). Всѣмъ имъ, очевидно, также какъ и мнѣ, остались неизвѣстными упоминаемые г. Б—мъ опыты, показавшіе, по словамъ послѣдняго, „полную безуспѣшность удобренія подпочвы для клевера“. Очень жаль, что г. Б. умолчалъ о томъ, гдѣ можно найти свѣдѣнія объ этихъ опытахъ.— Впрочемъ, и изъ дальнѣйшаго изложенія самого г. Б—го оказывается, что, хотя основаніе, на которомъ построена была теорія Либиха, разрушено Тиршемъ еще въ 1870 г., тѣмъ не менѣе агрикультурхимики и до сихъ поръ все еще продолжаютъ упорствовать въ своихъ, теперь уже очевидно безпочвенныхъ, воззрѣніяхъ на клевероутомленіе; мало того: вплоть до нашихъ дней они „остаются еще непоколебленными въ своихъ сужденіяхъ“ (!!). Одинъ рядъ фактовъ „указываетъ какъ будто на то, что въ клевероутомленіи играетъ важнѣйшую роль . . . . абсолютное истощеніе“, другой рядъ фактовъ „съ неменьшею ясностью (какъ будто? А. Я.) говоритъ противъ существованія этого истощенія почвы“. Въ результатѣ опять таки образуется, по словамъ г. Б., „недоразумѣніе“, на почвѣ котораго „и держится до сихъ поръ въ литературѣ нескончаемый споръ о причинахъ клевероутомленія“. Конечно, г. Б. не можетъ не чувствовать на себѣ обязанности и на этотъ разъ — „разъяснить“ это недоразумѣніе, уничтожить встрѣтившееся ему „противорѣчіе“... Непонятно только, почему въ концѣ стр. 6 онъ говоритъ объ „абсолютномъ“ истощеніи почвы, когда никто изъ либиховцевъ не ссылался на послѣднее, какъ на причину клевероутомленія и когда вначалѣ той же стр. 6 сообщается даже, что поборники взгляда Либиха, Эммерлингъ и Р. Вагнеръ, „доказывали, что клевероутомленіе почвы бываетъ, такъ сказать, относительнымъ: тамъ, гдѣ красный клеверъ не родится, хорошо родится бѣлый“. Въ фразѣ, непосредственно предшествующей только что приведенной, г. Б. пишетъ: „Замѣчательно при этомъ (дѣло идетъ объ опытахъ Либшера и Кюна) еще и то, что въ то время, какъ свекла перестаетъ давать урожаи, другое глубокоукореняющееся растеніе, а именно цикорій, родится превосходно“. А вотъ что писалъ за 60 лѣтъ до г. Б—го Либихъ въ своей „Химіи въ прилож. къ земл. и физ. растеній“: „Во многихъ случаяхъ остается дѣломъ необычайной трудности вѣрно указать причины, отъ которыхъ зависитъ неплодородіе почвы для извѣстнаго растенія, напр. гороха, когда таже почва хорошо производитъ другія растенія, которымъ потребны тѣ-же питательныя ве-

щества, какъ и гороху, и часто еще въ большемъ количествѣ".

Далѣе, какъ можно заключить изъ только что приведенной цитаты, Либихъ допускалъ множественность причинъ, „отъ которыхъ зависитъ неплодородіе почвы для извѣстнаго растенія". Если на практикѣ онъ грѣшилъ противъ этого допущенія, то, хотя отчасти, это можно отнести—какъ и многіе другіе его грѣхи на счетъ той страстной и полемической формы, которую онъ избралъ для проведенія въ массы своихъ взглядовъ. Но чѣмъ объяснить, что г. Б. 60-ю годами позже „безполезно тратитъ свои силы", разыскивая одну единую, постоянную и повсюдную причину для клеверо-и свеклоутомленія почвъ? „Что же слѣдуетъ—вопрошаетъ г. Б.— . . . считать причиной какъ клеверо-утомленія, такъ и свеклоутомленія?" „...Мы и по настоящее время не знаемъ въ точности,—констатируетъ съ грустью нашъ авторъ—почему клеверъ не даетъ болѣе или менѣе постоянныхъ урожаевъ на одномъ и томъ же участкѣ земли. Ученые не занимаются болѣе строго научной и лабораторной (?) разработкой этого вопроса..." Такимъ образомъ, г. Б. ставитъ крестъ на всѣхъ работахъ агрикультурхимиковъ и не-агрикультурхимиковъ, касающихся клевероутомленія: они не дали нужнаго ему единаго общаго отвѣта.

Гильбертъ показывалъ когда-то Дегерену небольшой участокъ земли, приносившій изъ года въ годъ, въ теченіе болѣе чѣмъ 20 лѣтъ, обильные урожаи клевера. Стало быть, нѣтъ такого закона природы, чтобы клеверъ не могъ давать „постоянныхъ урожаевъ на одномъ и томъ-же" полѣ. Въ зависимости отъ ихъ силъ, характера производимой работы, отъ совокупности условій, при которыхъ она выполняется—„утомленіе" у людей наступаетъ то болѣе скоро, то менѣе скоро. Очевидно, что на вопросъ, отчего наступаетъ утомленіе, мы должны получить цѣлый рядъ отвѣтовъ. То-же самое и съ „утомленіемъ" почвы. Утомленія „вообще" нѣтъ также, какъ нѣтъ болѣзни „вообще". Дѣло вовсе не въ томъ что агрикультурхимики по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ—не умѣютъ найти, а въ томъ, что они, вмѣстѣ съ г. Б—мъ, не умѣютъ искать; дѣло въ томъ, что они все еще въ періодѣ симптоматическаго лѣченія болѣзней и вѣруютъ въ панацею, въ единое исцѣляющее и обогащающее средство, въ философскій камень; дѣло—въ методѣ исканія, въ основномъ способѣ лѣченія. . . . . „Единственнымъ средствомъ противъ клевероутомленія почвы пишетъ г. Б.—оказывается плодосмѣнъ. Такъ при плодосмѣнной системѣ Линде удавалось получать клеверъ въ теченіе многихъ лѣтъ даже безъ

удобренія. Относительно свекловицы и этого нельзя сказать: ни правильный сѣвооборотъ, ни долговременное воздержаніе отъ посѣвовъ свеклы, ни перемѣна сортовъ свеклы не возвращаютъ почвѣ ея плодородія по отношенію къ свеклѣ". Спрашивается: „какое основаніе имѣетъ" г. Б. „не вѣрить" Эммерлингу и Р. Вагнеру, что въ изслѣдованномъ ими случаѣ причиною клевероутомленія былъ дѣйствительно недостатокъ въ почвѣ кали и P_2O_5 и, что, соотвѣтственно съ этимъ, „единственнымъ средствомъ" тутъ являлось внесеніе этихъ веществъ въ почву съ удобреніемъ? Какое право онъ имѣетъ не вѣрить Кутцлебу, констатировавшему въ своихъ почвахъ недостатокъ кали? „Какое право имѣетъ онъ не вѣрить", что въ другихъ, не дошедшихъ до него, случаяхъ, такими „единственными средствами" могли быть увлажненіе почвы, удобреніе ея фосфоритами, известкованіе, внесеніе въ нее кали и извести, уплотненіе почвы, борьба съ вредителями (Tylenchus devastatrix, Peziza ciborioides etc.), вплоть до устраненія „избытка питательныхъ веществъ" (Шлифъ, Фримъ, Пассонъ, Либенбергъ, Крафтъ, Богдановъ, Зорауэръ и др.). Почему, оказавъ особое довѣріе одному только Линде, г. Б. не обратилъ ровно никакого вниманія на то чрезвычайно недовѣрчивое, критическое отношеніе, которое—въ противность обычаямъ журнала—обнаружилъ къ работѣ Линде ознакомившій съ ней г. Б—го референтъ „Centralblatt'a" (Флейшеръ)? По поводу основного вывода Линде, гласящаго: „раціональный плодосмѣнъ и хорошая равномѣрная обработка почвы гораздо важнѣе для земледѣлія, чѣмъ всѣ удобренія" — референтъ очень хорошо замѣчаетъ: „это положеніе, несомнѣнно вѣрное для того состоянія, въ какомъ находилось Вейхенштефанское опытное поле въ теченіе охваченныхъ изслѣдованіемъ лѣтъ, въ той общей формѣ, какую придаетъ ему авторъ, легко можетъ привести ad absurdum".

Съ своей стороны, г. Б—му, такъ-же какъ и Линде, хотѣлось-бы, чтобы „единственная" причина клевероутомленія заключалась въ живыхъ вредителяхъ. Къ сожалѣнію, доводы Линде настолько скомпрометтированы, что г. Б. не рѣшается опираться на нихъ; онъ приводитъ даже возраженія Кутцлеба, допуская, впрочемъ, при этомъ серьезныя неточности. Такъ, указываемые имъ, якобы со словъ Кутцлеба, „паразитные грибки", наблюдавшіеся „даже на живыхъ корняхъ клевера", на самомъ дѣлѣ никогда не водятся „на корняхъ", а только на листьяхъ — не даромъ ихъ даже величаютъ „Blattpilze" („Phacidium Trifolii"). Нечего и говорить, что Кутцлебъ тутъ не причемъ: г. Б. вполнѣ самостоятельно „думалъ", что рѣчь идетъ о корневомъ паразитѣ...

Скрѣпя сердце, г. Б—му приходится признать, что „до сихъ поръ не найдены еще паразиты, вызывающіе клевероутомленіе почвы“, а потому и „не удивительно, что сторонники истощенія въ почвѣ запаса питательныхъ веществъ остаются еще не поколеблеными въ своихъ сужденіяхъ“.

„Что касается выясненія важнѣйшей причины свеклоутомленія почвы,—говоритъ г. Б. на стр. 10—то въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ гораздо лучше, чѣмъ въ отношеніи клевероутомленія. Въ первомъ вопросѣ Ю. Кюнъ былъ гораздо настойчивѣе, чѣмъ во второмъ...“ „Теперь Кюнъ, можно сказать, вполнѣ научно разработалъ свою идею... Ю. Кюнъ нашелъ именно паразита . . . и изслѣдовалъ условія его существованія“.

Ободренный успѣхомъ Кюна и твердо уповая, что все дѣло лишь въ „настойчивости“, г. Б., въ свою очередь, приступаетъ къ рѣшенію „вопроса второго“ — о клевероутомленіи. „Намъ кажется, что уже съ конца 80-хъ г.г. у насъ нѣтъ болѣе повода (?) обходить молчаніемъ вопросъ о клевероутомленіи...“ Этотъ (?) поводъ уничтожили работы Гельригеля, Вильфарта, Бейеринка и др. о питаніи бобовыхъ растеній. Подъ вліяніемъ изслѣдованій Ноббе и Гильтнера, у г. Б—го „невольно рождается“ вопросъ: не могутъ-ли сами клубеньковые организмы иногда (?) служить причиной гибели клеверныхъ посѣвовъ? Правда, что въ обоихъ случаяхъ Н. и Г—мъ указывается на то, что полученные ими результаты находятся въ зависимости лишь отъ особой искусственной обстановки опытовъ. . . . На самомъ... дѣлѣ въ природѣ, говорятъ они, ... нельзя найти почвы, лишенной азота; затѣмъ въ почвѣ имѣется всегда достаточное количество разновидностей клубеньковыхъ бактерій и, наконецъ, вообще въ природѣ мы никода не имѣемъ дѣла съ такимъ форсированнымъ развитіемъ чистыхъ культуръ клубеньковыхъ организмовъ, какъ этого можно достигнуть въ лабораторіи. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, едва-ли кто можетъ утверждать, что нашими современными изслѣдованіями совершенно исчерпываются всѣ случаи неудачнаго развитія бобовыхъ растеній подъ вліяніемъ клубеньковыхъ организмовъ. Поэтому мы думаемъ, что послѣднія изслѣдованія въ области біологіи бобовыхъ создаютъ новую почву для цѣлаго ряда изслѣдованій по вопросу о причинѣ клевероутомленія. Иными словами, намъ кажется, что теперь пора было бы снова приступить къ разрѣшенію этого старишаго вопроса“.

„Вотъ кстати—говоря словами „отзыва“—образчикъ (одинъ изъ многихъ подобныхъ-же) сужденій“ г. Б—го. Предоставляю

читателю самому разобраться въ немъ: у меня рѣшительно не хватаетъ на это энергіи.

Мы видѣли выше, что въ вопросѣ о клевероутомленіи либиховцы, по словамъ г. Б—го, до сихъ поръ „не поколеблены“ потому, что „не найдены еще“ соотвѣтствующіе „паразиты“. Отсюда, казалось-бы, слѣдовало ожидать, что въ другомъ вопросѣ, въ вопросѣ о свеклоутомленіи, гдѣ Кюнъ „былъ гораздо настойчивѣе“ и открылъ нужную нематоду, либиховцы, съ ихъ „неистинными“ взглядами совершенно сконфужены. Оказывается, однако, иначе: сторонники Либиха и „въ дѣлѣ борьбы со свеклоутомленіемъ остались до конца вѣрными самимъ себѣ, пропагандируя во всѣхъ случаяхъ одни химическія средства борьбы съ неурожаями“. Они „горячо рекомендовали хозяевамъ удобреніе истощенныхъ почвъ фосфорнокислыми и въ особенности калійными удобреніями“. Первоначально обильное удобреніе почвы еще помогало хозяевамъ бороться со зломъ. Впослѣдствіи... нематода получила чрезчуръ широкое распространеніе и „даже ярые“ либиховцы не могли отрицать ея вліянія на урожай свекловицы. „Кромѣ того (?), и самыя затраты на пріобрѣтеніе значительныхъ количествъ искусственныхъ удобреній стали .... по мѣрѣ паденія цѣнъ на сахаръ, все менѣе и менѣе оплачиваться. Рѣшено было поэтому (?) рекомендовать хозяевамъ самыя радикальныя мѣры борьбы со свекловичной нематодой“ („ѣдкая известь, сѣрнистый углеродъ и т. п.“). Попробуйте разобраться въ этомъ „ученомъ“ ребусѣ: почему-же, въ концѣ концовъ, либиховцы, несмотря на открытіе Кюна, остались вѣрными своимъ „химическимъ средствамъ“? Почему, въ концѣ концовъ, удобренія отказались (?) помогать „бороться со зломъ“: виновата-ли тутъ нематода, или „паденіе цѣнъ на сахаръ“? Исключало-ли „рѣшеніе рекомендовать самыя радикальныя мѣры“ „горячую рекомендацію“ удобреній? И т. д., и т. д.

Очевиднымъ остается только одно: несмотря на разницу въ „настойчивости“, проявленную Кюномъ въ отношеніи обоихъ вопросовъ клевероутомленія и свеклоутомленія либиховцы, какъ тутъ, такъ и тамъ одинаково сохранили свои „химическія“ позиціи „не поколебленными“. Ихъ не убило ни открытіе нематоды, ни „ея широкое распространеніе“, ни „паденіе цѣнъ на сахаръ“.

Повидимому, и въ вопросѣ о свеклоутомленіи на сторонѣ либиховцевъ было не одно только ихъ упрямство („ярые“). Они опирались еще и на данныя опыта. „Въ то время какъ Ю. Кюнъ, въ сообществѣ со своими сторонниками, разрабатывалъ свою си-

стему борьбы со свеклоутомленіемъ, сторонники Либиха . . . . также не бездѣйствовали. Они произвели тѣмъ временемъ много анализовъ почвъ, какъ нормальныхъ, такъ и страдающихъ отъ свеклоутомленія, и нашли, что послѣднія, большею частію, уступаютъ первымъ въ содержаніи K_2O и P_2O_5". Мало того: на сторонѣ либиховцевъ были, какъ оказывается, и практическіе сельскіе хозяева и потому, что „первоначально" удобреніе помогало, и потому еще, что „это средство... избавляло ихъ отъ производства тщательныхъ изслѣдованій почвы и растеній по предписаніямъ Ю. Кюна, а также и не стѣсняло ихъ свободы въ посѣвахъ сах. свекловицы".

Почему же у г. Б.—говоря его языкомъ—„ни разу не срывается съ языка ни одной похвалы агрикультурхимикамъ" за ихъ „неустанные труды?" („отзывъ", стр. 25, 27). Почему и въ вопросѣ о свеклоутомленіи онъ отказываетъ имъ въ „истинности" результатовъ ихъ изслѣдованій, въ вѣрности ихъ „средствъ?" Почему г. Б. совершенно умалчиваетъ о пропагандѣ самого Кюна въ пользу удобренія подпочвы при культурѣ свекловицы, о соотвѣтственныхъ изслѣдованіяхъ Функе, Штаммера и др?.. Почему г. Б. „игнорируетъ" свидѣтельство ближайшихъ сотрудниковъ того же Кюна, что „авторитетные сельскіе хозяева продолжаютъ упорно держаться мнѣнія, что каліиныя удобренія если не уничтожаютъ, то, во всякомъ случаѣ, значительно ослабляютъ вредъ отъ нематоды" (Хольрунгъ)? Почему г. Б. ни словомъ не упоминаетъ о томъ что и учебники, и словари, и руководства признаютъ не одну единственную, а множественность причинъ, вызывающихъ свеклоутомленіе (также какъ и клевероутомленіе) почвы (Ср. учебникъ и словарь Крафта, словарь Богданова, руководства Бломайера, Зорауэра и т. д.)?

Въ одномъ только пунктѣ г. Б. находитъ необходимымъ сдѣлать уступку либиховцамъ — это въ отношеніи зерновыхъ хлѣбовъ. У этихъ послѣднихъ, говоритъ г. Б., „по скольку это извѣстно изъ зап. европейской литературы, нематоды ..., по крайней мѣрѣ, не вызываютъ сплошныхъ неурожаевъ. ... Съ другой стороны, насколько это извѣстно изъ той-же литературы, упавшіе урожаи зерновыхъ хлѣбовъ всегда (до извѣстной, конечно, степени) удавалось поднимать при посредствѣ удобреній. Слѣдовательно, причины упадка урожаевъ зерновыхъ хлѣбовъ на западѣ могутъ иногда обусловливаться также и тѣмъ, что, обыкновенно, называется истощеніемъ почвы". „Вотъ, слѣдовательно, и еще образчикъ сужденій" г. Б—го (Цитата изъ „Отзыва".

стр. 19). „Въ воззрѣніяхъ на причины сплошныхъ неурожаевъ картофеля сошлись, кажется, и сторонники, и противники Либиха. Со времени „Де-Бари“, открывшаго въ Phytophthora infestans „причину повальной картофельной болѣзни, никто, кажется, съ достаточнымъ основаніемъ не опровергалъ современнаго воззрѣнія на причины періодической гибели этого корнеплоднаго растенія.“

Такимъ образомъ, уступка въ отношеніи зерновыхъ хлѣбовъ съ лихвой компенсируется полнымъ пораженіемъ либиховцевъ въ вопросѣ о „сплошныхъ неурожаяхъ“ или, что то-же, „повальной болѣзни“, или, что то-же, „періодической гибели“ картофеля. Тутъ ужъ „упавшіе урожаи“, очевидно, даже и „иногда“ не могутъ „обусловливаться тѣмъ, что, обыкновенно, называется истощеніемъ почвы“.

Отождествленіе „сплошного неурожая“ съ „повальной болѣзнью“ и „періодической гибелью“ надо понимать, вѣроятно, такъ: картофельный жукъ причиняетъ въ Америкѣ „сплошные неурожаи“ картофеля, но это еще не „повальная болѣзнь“; мыши въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири являются причиной „періодической гибели“ урожая, но и тутъ, очевидно, не можетъ быть рѣчи о „повальной болѣзни“; съ другой стороны, „курчавость“ есть несомнѣнно „повальная болѣзнь“, но если отъ нея гибнетъ даже 20% посѣва, то это еще не есть сплошной неурожай“. . . . . . Словомъ, какъ ни разсуждай — „единосущность“ причины „не поколеблешь“. . . .

Не правда ли: „борьба между сторонниками минеральнаго истощенія и ихъ противниками (между агрикультурхимиками и агрикультурфизиками) въ спорахъ ихъ о причинахъ клеверо-утомленія и свеклоутомленія выяснилась всего рельефнѣе?“ . .

IV.

Стр. 14—26. И здѣсь, какъ въ обѣихъ предыдущихъ частяхъ работы г. Б—го (стр. 1—4 и 5—13), мы не перестаемъ оставаться все на той-же почвѣ „недоразумѣній“. И здѣсь, какъ тамъ, г. Б. только по недоразумѣнію упрекаетъ въ „недоразумѣніи“ другихъ. Повиннымъ въ недоразумѣніи оказывается на этотъ разъ М. Меркеръ, по признанію самого г. Б—го („Отзывъ“, стр. 11), одинъ изъ первыхъ въ ряду агрикультурхимиковъ; всѣ означенныя выше 13 страницъ посвящены цѣликомъ критикѣ работы Меркера „объ истощеніи плодородной почвы подъ вліяніемъ продолжительной химической культуры“. Г. Б.

ознакомился съ работой по реферату ея автора въ „Jahrbuch d. Agricult.-chem. Vers.-Stat. zu Halle“ 1896, S. 79—86. Въ концѣ этого реферата сказано: „результаты настоящаго изслѣдованія подробно и на основаніи произведенныхъ имъ также и вегетаціонныхъ опытовъ изложены авторомъ въ изданной H. Пареемъ въ 1896 г. брошюрѣ „Zusammensetzung und Düngerbedürfnis Oldenburger Marscherden und deren Bewirtschaftung“.

Г. Б. не только не внялъ предупрежденію Меркера, онъ даже измѣнилъ на этотъ разъ своему излюбленнѣйшему источнику, Biedermann's „Centralblatt'у“, не заглянувъ и въ него. . . . А между тѣмъ, на работѣ Меркера г. Б. останавливается не просто какъ на одной изъ многихъ, нѣтъ: „работа эта, говоритъ онъ, въ методологическомъ отношеніи заслуживаетъ, можетъ быть, особеннаго нашего вниманія“. „Особенное вниманіе“ да еще къ „методологической“ сторонѣ работы налагаетъ, очевидно, большія обязанности на критика. Такъ — возможно, что я и ошибаюсь — мнѣ представляется не совсѣмъ понятнымъ, какъ можно оцѣнивать методъ, какимъ производилась та или другая работа, будучи знакомымъ съ послѣдней лишь по краткому о ней реферату. Тѣмъ болѣе, что г. Б. произноситъ, въ концѣ концовъ, чрезвычайно строгій приговоръ работѣ Меркера. „Главнѣйшая исходная точка“ ея и основы, на которыя она опирается, признаются „невѣрными“, „самостоятельные выводы Меркера преждевременными или даже неправильными“. Меркеръ, оказывается, повиненъ въ „предвзятомъ сужденіи“, въ „противорѣчіяхъ и неожиданныхъ выводахъ“, въ серьезнѣйшихъ упущеніяхъ . . . Въ головѣ „читателя“ рождается рядъ противорѣчій и „разногласій“. Меркеръ „упускаетъ изъ виду“, „навязываетъ безъ серьезнаго основанія“, тщетно „пытается оправдать“. . . . „Чѣмъ совѣтовать . . . . слѣдовало-бы вникнуть въ самую сущность“ — рекомендуетъ, въ заключеніе, Меркеру г. Б—ій. . . .

Переходя къ аргументаціи г. Б., я долженъ оговориться, что и у меня подъ рукой нѣтъ названной выше брошюры Меркера, а потому мои замѣчанія на критику г. Б—го, будутъ далеко не полны; кромѣ источника г. Б—го мною принятъ во вниманіе еще лишь краткій (на 3 страницахъ) отчетъ о работѣ Меркера, помѣщенный въ „Centralblatt“ 1896, S. 799—802.

Волны залива Яде (Ольденбургъ) отлагаютъ большія количества морского ила (Seeschlick). Мѣстное населеніе, огораживая постепенно плотинами уже покрывшіеся на извѣстную высоту иломъ участки берега, отвоевываетъ такимъ путемъ у моря все новыя и новыя площади суши. Меркеръ изслѣдовалъ почвы

и полученные съ нихъ продукты урожая пяти такихъ, въ разное время (1659, 1732, 1780, 1822 и 1852 г. г.) отнятыхъ у моря, участковъ. Почвы ни на одномъ изъ участковъ не получали еще никакого удобренія („Raubbau“). Обычный сѣвооборотъ былъ слѣдующій: 1) озимый ячмень или озимая пшеница, 2) бобы, 3) овесъ, 4) бобы, 5) овесъ, 6) паръ. На участкахъ, недавно отвоеванныхъ у моря, является возможнымъ проводить этотъ сѣвооборотъ отъ 2 до 3 разъ (12—18 лѣтъ) безъ пара; на болѣе старыхъ участкахъ примѣненіе пара становится необходимымъ; въ дальнѣйшемъ и содѣйствіе пара оказывается недостаточнымъ: приходится прибѣгать къ посѣвамъ клевера и травъ съ оставленіемъ затѣмъ полей, въ теченіе приблизительно 12 лѣтъ, частію подъ сѣнокосъ, частію подъ выгонъ („Grünland“). Только послѣ такого продолжительнаго „отдыха“ почва пріобрѣтаетъ вновь и то лишь на 12—8 лѣтъ—способность давать—при условіи сохраненія указаннаго сѣвооборота съ паромъ—достаточные урожаи хлѣбовъ. Вслѣдъ за тѣмъ снова долженъ слѣдовать 12 лѣтній „Grünland“ и т. д.

Вотъ то, что узналъ Меркеръ отъ владѣльцевъ изслѣдованныхъ имъ участковъ. Единственный выводъ, который позволяютъ сдѣлать эти данныя, тотъ, что почвы ольденбургскихъ маршей съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе утрачивали свою производительность. Г. Б. думаетъ, однако, иначе. По его мнѣнію, „правильный ходъ сужденій, казалось бы, долженъ быть слѣдующій: Ольденбургскіе хозяева заявляютъ, что урожаи на ихъ участкахъ маршей, отгороженныхъ отъ моря въ разное время, періодически повышаются и падаютъ . . . Причинъ упадка урожая . . . . можетъ быть по крайней мѣрѣ двѣ: или недостатокъ въ почвѣ запаса удобоусвояемыхъ питательныхъ веществъ, вслѣдствіе утраты ею первоначальной дѣятельности и чувствительности по отношенію къ атмосфернымъ агентамъ вывѣтриванія, или-же совершенное отсутствіе въ почвѣ одного или нѣсколькихъ питательныхъ веществъ, требующее непремѣнно удобренія ея“. Г. Б. считаетъ (?) „вѣрною“ первую причину, уступая защиту послѣдней своему противнику. . .

Усматривая „несомнѣнныя черты постепеннаго истощенія запаса питательныхъ веществъ въ маршевой почвѣ Ольденбурга“, Меркеръ, по мнѣнію г. Б—го, „упускаетъ однако изъ виду, что всѣ указанныя имъ перемѣны въ полевомъ хозяйствѣ Ольденбургскихъ земледѣльцевъ скорѣе заставляютъ думать, что ихъ почва утрачиваетъ мало по малу благопріятныя физическія свойства (въ зависимости отъ потери ею

надлежащаго строенія или же въ зависимости отъ потери гумуса), а отнюдь не питательныя минеральныя вещества. Въ противномъ случаѣ, какъ могли бы мы объяснить себѣ то обстоятельство, что маршевыя почвы періодически пріобрѣтаютъ первоначальное плодородіе безъ посредства какихъ-бы то ни было удобреній“.

Приведенныя выписки вскрываютъ передъ нами во всей полнотѣ лабораторію мысли и научныхъ конструкцій г. Б—го. „Ольденбургскіе хозяева“, не реальные, а созданные воображеніемъ г. Б—го, „заявляютъ“ ему, г. Б—му, что ихъ урожаи „періодически повышаются и понижаются“. Это „заявленіе“, въ свою очередь, „скорѣе заставляютъ думать“ г. Б—го, что почва маршей теряетъ „надлежащее строеніе“ или же „гумусъ“, а съ тѣмъ вмѣстѣ и „благопріятныя физическія свойства“. Но „причинъ упадка урожая . . . можетъ быть, по крайней мѣрѣ двѣ“; недостатокъ „удобоусвояемыхъ питательныхъ веществъ“ и „совершенное отсутствіе одного и нѣсколькихъ питательныхъ веществъ“—поэтому г. Б. склоняется къ первой изъ нихъ, признавая тѣмъ самымъ, что „причинъ упадка урожая“ „по крайней мѣрѣ“ три, и г. Б. подъ свою защиту беретъ теперь уже двѣ изъ нихъ: утрату благопріятныхъ физическихъ свойствъ и „недостатокъ удобоусвояемыхъ“ веществъ, предоставляя не реальному, а воображаемому имъ Меркеру защищать „совершенное отсутствіе одного или нѣсколькихъ“ веществъ. Впрочемъ, Меркеръ, созданный г. Б—мъ по своему образу и подобію, оказывается до такой степени „вылитый отецъ“, что г. Б. на стр. 18 принимаетъ „отца“ за „сына“ и ратоборствуетъ уже съ самимъ собою: „Возникаетъ вопросъ: должны ли мы приписывать періодическое пониженіе урожаевъ . . . исключительно и непосредственно уменьшенію въ ихъ почвѣ растворимыхъ запасовъ P_2O_5 и CaO или для утраты ими первоначальнаго плодородія существуютъ какія нибудь иныя причины, напр. та, о которой мы уже выше заявляли (т. е. утрата благопріят. физич. свойствъ)?“ Первая часть дилеммы приписывается здѣсь уже Меркеру.

Какія-же это — „одно или нѣсколько“ — вещества, которыя, по мнѣнію, приписываемому г. Б—имъ Меркеру, „совершенно отсутствуютъ“ въ „истощенныхъ“ почвахъ маршей? „Въ головѣ читателя—жалуется г. Б., на основаніи словъ Меркера, рождается рядъ противорѣчій: съ одной стороны, во всѣхъ участкахъ ольденбургскихъ маршей имѣется какъ будто вполнѣ достаточно растворимой (въ HCl) P_2O_5, а съ другой —постепенное истощеніе почвъ относительно P_2O_5, по мнѣнію Меркера,

не подлежитъ сомнѣнію . . . Мало того . . . содержаніе P_2O_5 въ соломѣ овса повсюду остается выше средняго по Вольфу, и, тѣмъ не менѣе, ему навязывается безъ серьезнаго основанія выводъ о томъ, будто бы почвы маршей требуютъ удобренія ихъ P_2O_5". „Вполнѣ достаточно" въ представленіи г. Б—го, вѣроятно, имѣетъ смыслъ „безконечно достаточно", ибо, какъ извѣстно, всякая конечная величина обладаетъ „противорѣчивой" способностью „истощаться". . . Но вѣдь Меркеръ даетъ полученныя имъ въ результатѣ анализа опредѣленныя, конечныя величины содержащейся въ почвахъ различныхъ участковъ P_2O_5, вычисляетъ даже цифру средняго годичнаго „истощенія" почвы въ отношеніи P_2O_5 (0,0042%). Несомнѣнно, что количество P_2O_5 и CaO въ почвѣ...маршей такъ быстро убываетъ и притомъ прямо пропорціонально продолжительности воздѣлыванія ихъ, что въ этомъ явленіи ни мало не отражается періодичность первоначальныхъ (?) свойствъ почвы". Какъ будто, въ этихъ словахъ есть готовность признать „истощеніе" почвы въ отношеніи P_2O_5? Впрочемъ, мы не вполнѣ увѣрены въ томъ, слѣдуетъ ли понимать слова г. Б. серьезно, или въ нихъ кроется какая нибудь „насмѣшливость" по адресу Меркера; послѣднее подозрѣніе возбуждается предшествующею приведенной цитатѣ оговоркою: „если строго держаться выводовъ, дѣйствительно вытекающихъ изъ добытыхъ Меркеромъ цифръ" . . . Но вотъ на стр. 16 уже нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ серьезнымъ признаніемъ г. Б—мъ „истощенія" почвъ маршей въ отношеніи P_2O_5. Г. Б. сообщаетъ здѣсь, по Меркеру, табличку химич. состава названныхъ почвъ и, приступая къ анализу ея, заявляетъ: „настоящій смыслъ этихъ цифръ, по нашему мнѣнію, слѣдующій". И далѣе: „количество P_2O_5 въ почвѣ . . . (съ 1659 по 1895 г.) значительно уменьшилось. Это слѣдуетъ приписать исключительно тому обстоятельству, что содержащія значительное количество P_2O_5 зерна растеній не утилизировались въ самомъ хозяйствѣ, а отдавались постоянно (!) на сторону (какъ это обыкновенно дѣлается); въ почву изъ нихъ не поступало ничего". „Короче говоря—читаемъ нѣсколькими строками ниже—до сихъ поръ мы не расходимся съ М. Меркеромъ во взглядахъ на истинное значеніе приведенныхъ имъ цифръ". Такимъ образомъ, одно изъ „противорѣчій", рожденныхъ „въ головѣ" г. Б—го, можетъ считаться не существующимъ; г. Б. заговорилъ о немъ лишь по „недоразумѣнію". По „недоразумѣнію" же онъ въ вышеприведенныхъ цитатахъ полагаетъ, что признанное имъ

теперь уменьшеніе P_2O_5 произошло „исключительно“ потому, что зерна растеній не утилизировались въ самомъ хозяйствѣ, а отдавались на сторону. Мы согласны, вмѣстѣ съ г. Б—имъ, признать, что такъ „обыкновенно дѣлается“, но въ данномъ случаѣ, какъ сообщаетъ Меркеръ, хозяйство на ольденбургскихъ маршахъ велось не ради продажи зерна, а главная цѣль его была—„полученіе соломы“. . . На этомъ „недоразумѣніе“ не кончается. Допустимъ, что г. Б. правъ, что „зерна растеній отдавались постоянно на сторону“; къ вопросу объ „истощеніи“ почвы это во всякомъ случаѣ не имѣетъ ровно никакого отношенія; разъ отбросы хозяйства—навозъ и пр.—не поступаютъ въ почву въ формѣ удобреній, то не все ли равно, утилизируются продукты урожая въ самомъ хозяйствѣ, или увозятся на рынокъ. А вѣдь мы, вмѣстѣ съ г. Б—мъ, знаемъ, что почвы ольденб. маршей никогда ничѣмъ не удобрялись. . . .

Другое „противорѣчіе“, относящееся къ той-же P_2O_5, г. Б. усматриваетъ въ томъ, что, хотя „содержаніе P_2O_5 въ соломѣ овса повсюду остается выше средняго по Вольфу“, Меркеромъ все таки „навязывается безъ серьезнаго основанія выводъ . . ., будто почвы маршей требуютъ удобренія ихъ P_2O_5“. На самомъ дѣлѣ, однако, оказывается, что этотъ выводъ „навязывается безъ серьезнаго основанія“ Меркеру г. Б—мъ. Меркеръ, какъ онъ есть, а не какъ его изображаетъ г. Б., указываетъ, наоборотъ, что состояніе всѣхъ почвъ въ отношеніи P_2O_5 „должно быть названо хорошимъ“, даже „на старѣйшемъ изъ участковъ оно вовсе еще не плохо“. Произведенные Меркеромъ вегетаціонные опыты (въ горшкахъ) показали, что всѣ почвы „лишь весьма незначительно“ реагируютъ на одностороннее удобреніе P_2O_5. Поэтому Меркеръ не могъ рекомендовать и не рекомендовалъ удобрять почвы фосфорно-кислыми туками. Поводомъ для „недоразумѣнія“ г. Б—го на этотъ разъ послужило, очевидно, слѣдующее обстоятельство. Принимая, что весь имѣющійся въ почвѣ запасъ P_2O_5 растворяется соляною кислотою и указывается анализомъ, высчитывается, далѣе, что среднее ежегодное „истощеніе“ этого запаса $= 0{,}0042\%$, Меркеръ приходитъ къ выводу, что, если содержаніе P_2O_5 и въ дальнѣйшемъ будетъ уменьшаться въ томъ же масштабѣ, то „старѣйшіе участки, вѣроятно, лѣтъ черезъ 12—15 окажутся бѣдными P_2O_5“. Анализируя затѣмъ продукты урожая, полученнаго съ различныхъ участковъ, Меркеръ находитъ, что „содержаніе P_2O_5 въ соломѣ старѣйшаго изъ участковъ приближается уже къ средней цифрѣ Вольфа — $0{,}28\%$“;

этимъ — говоритъ онъ —„подтверждается полученное при анализѣ почвъ наблюденіе, что первоначальный избытокъ P_2O_5 не въ очень продолжительномъ времени въ старѣйшемъ изъ участковъ начнетъ приближаться къ своему концу“. Послѣдняя часть фразы понята была г. Б—мъ, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что общій запасъ P_2O_5 почвы „приближается къ концу“. . . Только такимъ путемъ мы можемъ объяснить себѣ черезчуръ ужъ крупное „недоразумѣніе“ г. Б—го. . .

И такъ, вышеизложеннымъ устранено и еще одно „противорѣчіе“. Къ сожалѣнію, не послѣднее. „Тоже приблизительно (что въ отношеніи P_2O_5), получается и относительно азота: количество его въ почвѣ возрастаетъ прямо пропорціонально времени воздѣлыванія ея; затѣмъ азота въ почвѣ имѣется не только довольно, но даже чрезвычайно много (если сравнить содержаніе азота въ ольденбургскихъ маршахъ и нашемъ черноземѣ), а между тѣмъ въ растеніи его оказывается такъ мало, что, по замѣчанію Меркера, растенію „должно быть“ не хватило въ почвѣ растворимаго или усвояемаго азота. И вотъ, вмѣсто того, чтобы посовѣтовать ольденбургскимъ хозяевамъ болѣе совершенную обработку почвы, Меркеръ неожиданно дѣлаетъ выводъ, что „почва ихъ маршей нуждается въ удобреніи азотомъ“.—Приведенная выдержка представляетъ цѣлую сѣть „недоразумѣній.“ Прежде всего, увеличеніе въ почвѣ азота „прямо пропорціонально времени воздѣлыванія ея“, выводится и Б—мъ на томъ основаніи, что за 236 лѣтъ количество азота, по показанію химич. анализа, увеличилось на 0,02%!! Не слишкомъ-ли ужъ это „научно“ и не черезчуръ-ли много вѣры въ непогрѣшимость и объективность химическаго анализа?.. Далѣе, г. Б. увѣряетъ, что азота въ почвахъ маршей, по сравненію съ „нашимъ черноземомъ, даже чрезвычайно много“. „Недоразумѣніе“ совершенно не понятное „въ головѣ“ ученика и сотрудника В. В. Докучаева по изученію русскаго чернозема! Даже столь плохо, вообще говоря, освѣдомленные о нашемъ черноземѣ иностранные авторы знаютъ, что онъ содержитъ до 0,6% азота (ср. напр. Risler und Colomb —Pr. Inwicweit etc., S. 13); если же заглянемъ въ „Почвовѣдѣніе“ Сибирцева, то узнаемъ, что содержаніе азота въ черноземныхъ почвахъ колеблется отъ 0,2 до 0,7%. Казалось бы, отсюда слѣдуетъ, что ольденбургскія почвы съ ихъ 0,23—0,25% азота содержатъ послѣдняго, сравнительно съ черноземомъ, скорѣе „чрезвычайно“ мало, чѣмъ „чрезвычайно много“. . . .

„По замѣчанію Меркера—говоритъ г. Б.—растенію „должно быть“ „не хватило“ азота.—„Должно быть“—это тотъ единствен-

ный фундаментъ, на которомъ строитъ свои собственные выводы г. Б.; немудрено, если онъ приписываетъ его и своему „Меркеру“. Меркеръ подлинный опирался въ своихъ сужденіяхъ на болѣе прочные аргументы. Данныя почвеннаго анализа указали Меркеру, что, по сравненію съ K_2O, P_2O_5 и CaO, азотъ въ почвахъ маршей находится въ относительномъ минимумѣ. Анализъ золы—какъ соломы, такъ и зерна—обнаружилъ значительно низшее, чѣмъ слѣдуетъ по Вольфу, содержаніе въ нихъ азота. Измѣненіе отношеній между азотомъ и P_2O_5 въ продуктахъ урожая — отъ позднѣйшаго къ старѣйшему изъ участковъ — также свидѣтельствуетъ (Аттербергъ) не въ пользу азота. Наконецъ—и это самое главное—выводы Меркера о потребности почвъ въ удобреніи азотомъ основаны на данныхъ вегетаціонныхъ опытовъ. „Съ почвенными пробами произведены были опыты въ горшкахъ (овесъ), которые показали, что прежде всего ощущается потребность въ удобреніи азотомъ“. Изъ приводимыхъ Меркеромъ цифръ видно, что и количество урожая, и содержаніе азота въ продуктахъ его увеличивались подъ вліяніемъ азотистаго удобренія. „Изъ этого — заключаетъ М.—очевидна необходимость доставленія въ почву азота. Такимъ образомъ, только исчерпавъ всѣ аргументы, какіе только были у него, какъ агрикультурхимика, въ распоряженіи, Меркеръ „дѣлаетъ“, наконецъ, „неожиданно“ для г. Б—го, свой „выводъ“. . .

По пословицѣ „клинъ клиномъ вышибаютъ“, г. Б., для уничтоженія сплетенной имъ сѣти „недоразумѣній“, строитъ такую же новую. Прежде всего онъ указываетъ на „разногласіе“ его, г. Б—го, съ Меркеромъ во взглядѣ на измѣненія въ содержаніи кали въ почвахъ. „Намъ, по крайней мѣрѣ, на основаніи цифръ, приведенныхъ М—мъ, кажется, что количество кали въ ольденбургскихъ почвахъ испытываетъ лишь нѣкоторое періодическое измѣненіе, или, иными словами, . . . находится въ періодической зависимости отъ продолжительности воздѣлыванія маршей . . . По мнѣнію же Меркера“, оно „не терпѣло существеннаго измѣненія во времени“. Г. Б. беретъ пять цифръ Меркера, относящихся къ количеству кали въ пяти участкахъ маршей, и строитъ кривую „измѣненій во времени“ этого питательнаго вещества. „Кривая“ выходитъ горбатою—и „періодичность“ такимъ образомъ доказана. Въ надеждѣ, что и еще найдется „кривая“, которая его „вывезетъ“, г. Б. всѣ цифры, какія нашелъ у Меркера, обращаетъ въ кривыя. Надежды его не обманываютъ и цѣлый рядъ „разногласій“ съ Меркеромъ констатированъ. Правда, кривыя выходятъ дву-и трегорбыя, не похожія уже ни на кривую каліи, ни между собой, но въ тонкости

ихъ различій г. Б. не входитъ . . . Гордый своей „идеей“, онъ дѣлаетъ строгій выговоръ Меркеру за то, что тотъ „не прибѣгалъ къ вычерчиванію кривыхъ; не интересовался и общимъ характеромъ колебанія урожаевъ; наконецъ, не отмѣтилъ даже колебанія количества азота и P_2O_5 въ растеніяхъ“ (исключая P_2O_5 соломы), „а потому и *не могъ вывести, въ сущности* (?), никакой закономѣрной связи между урожаями и содержаніемъ растворимыхъ составныхъ частей въ растеніяхъ и въ почвѣ, съ одной стороны, и продолжительностью воздѣлыванія земель — съ другой“. Говоря словами г. Б—го, онъ „ставитъ въ упрекъ своему противнику его же (противника) несомнѣнныя заслуги“ („Отзывъ“, 14). Меркеръ не настолько увлеченъ краснорѣчіемъ своихъ цифръ, чтобы, на основаніи *немногихъ*, произведенныхъ *въ теченіе одного и того же года*, анализовъ, строить гипотезы „на часъ“ относительно „измѣненій во времени“ почвеннаго запаса. Только тамъ, гдѣ показанія цифръ совпадаютъ съ другими показаніями (ср. выше о P_2O_5 и азотѣ), гдѣ данныя этихъ цифръ укладываются въ рамки уже существующихъ гипотезъ (бонитировка почвъ фосфорн. кислотою соломы) — только тамъ Меркеръ пользуется ихъ содѣйствіемъ при установленіи своихъ взглядовъ, только тамъ привлекаетъ ихъ для опредѣленія той „закономѣрной связи“, по поводу которой г. Б., съ одной стороны, утверждаетъ, что М. ее „и не могъ въ сущности вывести“, а, съ другой — съ этой несуществующей „связью“ все время полемизируетъ . . .

Что же, однако, это за „періодичность“, о которой такъ много говоритъ г. Б.? — невольно задастъ себѣ вопросъ каждый читатель; но смѣемъ утверждать, отвѣта на него у г. Б—го „не найдется“ (цитата изъ „Отзыва“, стр. 24). Объ извѣстной „періодичности“ могла бы еще быть рѣчь, если-бъ предъ г. Б. находился рядъ анализовъ почвы и продуктовъ урожая, взятыхъ *съ одного и того же участка*, но *въ разные „періоды“* его культуры — передъ паромъ и послѣ пара, во время Grünland'а и т. д. Въ данномъ же случаѣ г. Б. имѣлъ передъ собою *пять различныхъ* засѣянныхъ овсомъ — т. е. находящихся въ болѣе или менѣе одинаковыхъ „періодахъ“ культуры (3 или 5 годъ послѣ пара) — участковъ. На стр. 24—25 мы узнаемъ, что „періодичность“ г. Б. имѣетъ какое то отношеніе къ различію въ составѣ образовавшаго маршевыя почвы ила. „Выведенная нами періодическая зависимость — говоритъ г. Б. — . . . *заставляетъ насъ . . . думать*, что и главнѣйшая исходная точка Меркера относительно одинаковаго, будто бы, первоначальнаго состава морского ила, отличавшагося на различныхъ участкахъ

маршей—не вѣрна (!). Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ взятые Меркеромъ образчики овса для анализа были собраны въ одинъ годъ и произрастали при одинаковыхъ условіяхъ погоды, обработки, сѣвооборота и проч. . . ., то что же могло вызвать указанную нами періодическую зависимость, если не несомнѣнное различіе въ первоначальномъ составѣ почвъ?“ Почему составъ ила долженъ былъ измѣняться „періодично“—г. Б. намъ не объясняетъ. Точно также не объясняетъ онъ намъ и того, по какой причинѣ его „періодичность“ въ однихъ случаяхъ даетъ себя знать (напр., въ отношеніи почв. кали, величины урожая соломы), въ другихъ (почему не наоборотъ?)—нѣтъ (въ отношеніи почв. P_2O_5, азота, CaO, величины урожая зерна и пр.)?—Намъ представляется, что г. Б. самовнушилъ и укрѣпилъ въ себѣ вѣру въ безформенный и безплотный продуктъ своей фантазіи цѣлымъ рядомъ допущенныхъ имъ искусственныхъ мѣръ. Прежде всего—совершенно безполезнымъ, но повліявшимъ неблагопріятно на его воображеніе, вычерчиваніемъ кривыхъ. Затѣмъ такими почти совсѣмъ незамѣтными уклоненіями отъ истины, какъ ссылка на „олденбургскихъ хозяевъ“, будто-бы „заявившихъ“ о „періодичности“, или какъ квалификація урожаевъ въ различныя стадіи культуры словами „прекрасные“, „отличные“ (вмѣсто: „возстановилась полная производительность“, resp. „устойчивое“ полевое хозяйство); или какъ увѣренія въ томъ, что „маршевыя почвы періодически пріобрѣтаютъ первоначальное плодородіе“, когда на самомъ дѣлѣ онѣ послѣдовательно все болѣе и болѣе теряютъ послѣднее: первые „много лѣтъ подрядъ“, какъ значится у г. Б—го, а въ дѣйствительности 12—18 лѣтъ, почва даетъ въ теченіе 6-лѣтняго сѣвооборота 6 жатвъ, въ слѣдующій періодъ уже только 5 жатвъ (6-й паръ), еще въ слѣдующій—2½ жатвы.

Далѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что на блестящее открытіе „періодичности“ г. Б—го навела конструированная имъ кривая для кали; всѣ другія проявленія „періодичности“, по сравненію съ „періодичностью“ для кали, настолько не характерны, что сами по себѣ не могли бы остановить вниманіе г. Б. А между тѣмъ на стр. 25. для доказательства „несомнѣннаго (!?) различія въ первоначальномъ составѣ почвъ“, какъ причины „періодичности“, г. Б. находитъ возможнымъ ссылаться на тотъ-же почв. кали“. Наше предположеніе („несомнѣнно“?) тѣмъ болѣе вѣроятно, что слѣды этого различія въ первоначальномъ составѣ почвы мы встрѣчаемъ въ періодическомъ измѣненіи количества кали въ зависимости отъ продолжительности воздѣ-

лыванія земли“. Мы имѣемъ передъ собой „слѣды“ той самой логической ошибки (особой формы petitio principii), которая, доведенная до обширныхъ размѣровъ, положена въ основу „естественнонаучностатистическаго метода“ проф. Томса („Почвовѣдѣніе“ 1904, стр. 1. „Педологія“, ч. I. стр. 167).—Нельзя не упомянуть и еще объ одномъ поводѣ, побудившемъ г. Б. къ „собственному изобрѣтенію термина“ (изъ „Отзыва“, стр. 25) „періодичность“. Г. Б. видитъ себя вынужденнымъ утверждать, что почва „мало по малу“ теряетъ свое „надлежащее строеніе“ или гумусъ, „а отнюдь не минеральныя вещества“. Въ противномъ случаѣ, какъ могли-бы мы объяснить себѣ то обстоятельство, что маршевыя почвы періодически пріобрѣтаютъ первоначальное плодородіе безъ посредства какихъ бы то ни было удобреній“. Отмѣченнаго уже выше „недоразумѣнія“ съ „первоначальнымъ плодородіемъ“ недостаточно для оцѣнки недоумѣнія г. Б—го. Теоретически вполнѣ возможно представить себѣ даже и „періодическое пріобрѣтеніе (почвою) первоначальнаго плодородія безъ посредства“ удобреній. Если очень богатая всѣми питательными веществами почва перестала давать удовлетворительные урожаи, то—по ученію агрикультурхимиковъ и ботаниковъ-физіологовъ это значитъ, что въ ней „истощилась“ доступная растеніямъ часть этихъ питательныхъ веществъ. Возстановить „первоначальное плодородіе“ можно либо внесеніемъ удобренія, содержащаго недостающія легко-усвояемыя вещества, либо всѣмъ, что способствуетъ превращенію недоступныхъ еще растеніямъ запасовъ въ доступную форму, напр., оставленіемъ почвы подъ паромъ (resp. залежью, „Grünland“омъ), который Либихомъ такъ и характеризуется: „время дѣйствія процессовъ вывѣтриванія“, перевода основного капитала почвы въ расходный. Такимъ образомъ, казалось-бы, для недоумѣнія г. Б—го нѣтъ мѣста. Но въ томъ то и дѣло, что у Б—го существуетъ какое то свое особенное, на нашъ взглядъ непостижимое, а по компетентному свидѣтельству проф. С. М. Богданова, „совершенно неправильное“ представленіе объ участіи почвенныхъ запасовъ въ питаніи культурныхъ растеній. Вѣроятно, это „своеобразное“ представленіе г. Б—го и мѣшаетъ ему смотрѣть на самыя простыя вещи глазами всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ. Желая объяснить разницу въ показаніяхъ анализа относительно почвенныхъ—P_2O_5, съ одной стороны, и кали, съ другой— Меркеръ указываетъ, что при анализѣ въ солянокислый растворъ переходитъ весь валовой запасъ перваго и лишь одна только расходная, наиболѣе растворимая („усвояемая“) часть второго. Никакіе процессы вывѣтриванія не увеличатъ ко-

личества P_2O_5 въ солянокислой вытяжкѣ: послѣдняя послѣ каждой слѣдующей жатвы неизмѣнно будетъ показывать все меньшій и меньшій % этого вещества. Количество же растворимаго кали можетъ подъ вліяніемъ процессовъ вывѣтриванія въ зависимости отъ продолжительности ихъ и проч. условій — повышаться въ болѣе или въ менѣе значительной степени, во всякомъ случаѣ, не стоитъ въ столь тѣсной, какъ P_2O_5, связи съ количествомъ снятыхъ съ почвы урожаевъ. Эти разъясненія Меркера комментируются г. Б—мъ слѣдующимъ образомъ. Въ естественной почвѣ мы имѣемъ именно обильные запасы „нерастворимаго" кали и очень мало растворимаго. Отношенія же между растворимой и нерастворимой P_2O_5 въ почвѣ являются, *можно сказать*, обратными кали. *Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго* и въ томъ, что *природное плодородіе почвы* относительно P_2O_5 *истощается* въ гораздо болѣе замѣтной степени, *гораздо скорѣе*, чѣмъ относительно кали". Сознаюсь, пониманія г. Б—го я не понимаю.

Несмотря, однако, на разъясненія всѣхъ своихъ „разногласій" съ Меркеромъ, несмотря на новое и оригинальное освѣщеніе затронутыхъ въ работѣ послѣдняго вопросовъ—г. Б. не могъ все же устранить всѣхъ „противорѣчій" и „недоразумѣній", порожденныхъ „въ головѣ читателя" „словами" Меркера: пришлось поневолѣ прибѣгнуть къ содѣйствію экстраординарныхъ мѣръ. „*Мы думаемъ*, полагаетъ г. Б., что *проще всего* происхожденіе означенныхъ противорѣчій и неожиданныхъ выводовъ объясняется у Меркера слѣдующимъ. Во первыхъ, *среднія нормы Вольфа* о содержаніи питательныхъ веществъ въ растеніяхъ (horribile dictu!) *не точны или даже не вѣрны* (!!). Во вторыхъ, Меркеръ имѣетъ, *очевидно, предвзятое сужденіе* объ искусственныхъ минеральныхъ тукахъ, какъ о какомъ-то универсальномъ средствѣ противъ всѣхъ случаевъ утраты почвой ея плодородія. Иначе говоря, *Меркеръ думаетъ*, что удобреніе почвы растворимыми химическими продуктами представляетъ собою *единственное средство* для того, *чтобы сдѣлать почву дѣятельной и плодородной*, и что, наконецъ, по *Меркеру*, почву необходимо удобрять *даже тогда, когда она богата еще запасами питательныхъ веществъ*". Дѣйствительно, нельзя придумать ничего, что было бы „проще" предложеннаго г. Б—мъ способа разрѣшенія „противорѣчій" и „недоразумѣній". Мѣшаютъ „среднія нормы Вольфа"—долой ихъ, „онѣ не точны или даже не вѣрны"; не нравится, какъ „думаетъ" Меркеръ—не зачѣмъ его и слушать: онъ „имѣетъ, очевидно, предвзятое сужденіе". Конечно, такъ „всего проще". Но...

Г. Б. не разъяснилъ намъ, какъ быть съ цѣлылъ рядомъ „но“... Первое „но“ заключается въ томъ, что „нормы Вольфа“—это вѣдь одно изъ основоположеній научной агрикультурхиміи, посохъ, на который привыкли опираться не только сами агрикультурхимики, но и всѣ не рутинно ведущіе свое дѣло практики-хозяева. Подумать только, какая масса труда, времени, силъ затрачена была на установку этихъ „нормъ“. А г. Б. однимъ своимъ словомъ „пытается“ опрокинуть важнѣйшій „устой“ агрикультурхиміи, вырвать посохъ у тѣхъ, кого онъ поддерживаетъ, уничтожить плодъ долгой, кропотливой коллективной работы. Не черезчуръ-ли жестоко и смѣло, не очень ли ужь „просто?“ - Второе „но“—съ оттѣнкомъ недоумѣнія и страхомъ новаго „недоразумѣнія“. Какъ примирить столь недружелюбное отношеніе г. Б—го къ „нормамъ Вольфа“ съ признаніемъ ихъ и апелляціей къ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не „мѣшаютъ“ г. Б—му, а, наоборотъ, оказываются пригодными для подкрѣпленія его собственныхъ мнѣній (ср. стр. 19, 20)? Слѣдующее „но“ сводится къ не разъ уже отмѣченному нами коренному заблужденію г. Б—го, будто его, г. Б—го, „Меркеръ“ есть „истинный“ Меркеръ.

„Меркеръ“ г. Б—го „вмѣсто того, чтобы посовѣтывать ольденбургскимъ хозяевамъ болѣе совершенную обработку почвы, неожиданно дѣлаетъ выводъ, что почва ихъ маршей нуждается въ удобреніи азотомъ“.

„Меркеръ“ г. Б—го смотритъ на искусственные минеральные туки, какъ на „универсальное средство противъ всѣхъ случаевъ утраты почвой ея плодородія“.

„Меркеръ“ г. Б—го считаетъ, что „почву необходимо удобрять даже тогда, когда она богата еще запасами питательныхъ веществъ“.

Обратимся къ подлинному Меркеру, покойному профессору Галльскаго университета. Мы видѣли уже, что на основаніи цѣлаго ряда данныхъ, особенно же результатовъ вегетаціонныхъ опытовъ, Меркеръ пришелъ къ заключенію, что почва Ольденбургскихъ маршей въ первомъ минимумѣ содержатъ азотъ, удобреніе которымъ повышаетъ величину ихъ урожаевъ; „однако еще вопросъ, замѣчаетъ Меркеръ, окажется ли удобреніе азотомъ пригоднымъ erhebliche Vorteile bringen wird при тѣхъ условіяхъ хозяйствованія, которыя здѣсь существуютъ. Почва черезчуръ сильно засорена сорною растительностью. Введеніе рядовой культуры и содѣйствіе разрыхлителей были бы вѣрнѣйшими средствами для устраненія этого зла. Съ другой сто-

ропы, слѣдуетъ рекомендовать въ концѣ каждаго сѣвооборота непремѣнно удерживать паръ и, кромѣ того, вслѣдъ за каждой жатвой возможно скорѣе перепахивать поле". („CBl". 1896, 801).

Еще въ одной своей статьѣ по поводу все тѣхъ-же ольденбургскихъ маршей Меркеръ писалъ („Illustr. Landw. Ztg." XVI, № 98): „При извѣстныхъ обстоятельствахъ, веденіе хищническаго въ отношеніи того или другого питательнаго вещества хозяйства не только допустимо, но даже необходимо диктуется самими обстоятельствами. Это относится, во первыхъ, къ почвамъ весьма богатымъ тѣми или другими питательными веществами"... Вслѣдъ за этимъ приводится цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ примѣровъ... Какъ видимъ, передъ нами на лицо всѣ признаки „клеветы" и самаго „недобросовѣстнаго отношенія" къ противнику — самимъ же г. Б—мъ признанному столпу современной агрикультурхиміи... „Well roared, lion". . .

Глубочайшей ироніей звучитъ заключительный аккордъ посвященной Меркеру части диссертаціи г. Б.: „И такъ, по нашему мнѣнію, Меркеру прежде, чѣмъ совѣтовать удобрять ольденб. марши искусственными туками, слѣдовало бы вникнуть въ самую сущность цѣлебнаго дѣйствія тѣхъ перемѣнъ (?!) въ полевомъ хозяйствѣ, о которыхъ ему говорили ольденб. земледѣльцы". Но иронія идетъ глубже словъ „въ самую сущность цѣлебнаго дѣйствія тѣхъ медикаментовъ", которые, „съ своей стороны", прописываетъ г. Б. ольденбургцамъ. Мы видѣли, что г. Б. журитъ Меркера за то, что тотъ „неожиданно дѣлаетъ выводъ", будто почву маршей надо удобрять азотомъ; за то, что Меркеръ въ минер. тукахъ видитъ панацею противъ истощенія почвъ. Сколь это ни невѣроятно, но удобрять азотомъ почву маршей предписываетъ вовсе не Меркеръ, а самъ г. Б., рекомендуя ольденбургцамъ „навозное удобреніе" (стр. 26). Вотъ она панацея-то! Конечно, самая дорогая часть навоза, азотъ, будетъ закопанъ въ землю зря, но за то какая произойдетъ польза почвамъ маршей отъ другихъ составныхъ частей навоза: утраченный почвами гумусъ будетъ пополненъ, „строеніе" почвы улучшено; самое же главное: какой роскошный урожай . . . сорныхъ травъ ожидаетъ ольденбургцевъ, руководимыхъ совѣтами г. Б—го! Никакіе минеральные туки не сравнятся въ этомъ отношеніи съ панацеей г. Б—го. . . Жаль, что г. Б. не разъяснилъ еще намъ, на чемъ основана его увѣренность въ утратѣ почвою гумуса или въ „въ потерѣ ею надлежащего строенія". Ужъ не на томъ-ли, что, согласно конструиро-

ванной г. Б—мъ кривой, содержаніе азота въ почвахъ маршей „несомнѣнно (!) возросло“ и „постепенно увеличивается пропорціонально продолжительности культуры“ ихъ (стр. 16, 20). Ужь не на томъ-ли соображеніи, что изъ каждыхъ 12 лѣтъ въ теченіе семи почва лежитъ либо подъ паромъ, либо подъ „Grünland'омъ“. . .

И такъ, гдѣ же тотъ Меркеръ, который проповѣдывалъ „абсолютное“ истощеніе почвы „однимъ или нѣсколькими“ питательными веществами? Гдѣ тотъ Меркеръ, который „навязывалъ“ свои выводы „безъ серьезнаго основанія“ и „неожиданно?“

Гдѣ тотъ Меркеръ, который „порождалъ въ головѣ читателя противорѣчія и неожиданные выводы?“

Гдѣ тотъ Меркеръ, который рекомендовалъ удобреніе P_2O_5 и азотомъ?

Гдѣ Меркеръ съ „предвзятымъ мнѣніемъ“ о минеральныхъ тукахъ, какъ о всесильной панацеѣ?

Гдѣ Меркеръ, не признающій важности для ольденбургскихъ почвъ „болѣе совершенной обработки почвъ?“

Гдѣ Меркеръ, считающій, что „почву необходимо удобрять даже тогда, когда она богата еще запасами питательныхъ веществъ? . . . „Изъ сказаннаго ясно слѣдуетъ“, что г. Б. „способенъ ввести въ заблужденіе читателя неспеціалиста (напр. учащагося) . . . относительно безспорно научной дѣятельности самыхъ выдающихся ученыхъ“. (Цитата изъ „Отзыва“, стр. 12). Къ сожалѣнію, г. Б. оказался „способнымъ“ ввести въ заблужденіе даже одного изъ самыхъ авторитетныхъ нашихъ ученыхъ агрономовъ, проф. С. М. Богданова, не только повѣрившаго въ реальное существованіе „Меркера“ г. Б—го, но даже взявшаго его подъ свою защиту . . .

Попутно, на разсмотрѣнныхъ нами страницахъ (14—26), г. Б. „произвольно изобрѣтаетъ терминъ“ „самодѣятельность“ почвы, смѣшиваетъ „урожай“ съ „урожайностью“, обнаруживаетъ недостаточно ясное представленіе о „землѣ“ и т. д.

V.

На стр. 25—26 г. Б. упоминаетъ нѣкоего Крузіуса. „Словомъ, говоритъ г. Б., мы снова много лѣтъ спустя встрѣчаемся съ тѣмъ самымъ выводомъ, къ которому нѣкогда пришелъ Крузіусъ, на основаніи своихъ длительныхъ полевыхъ опытовъ (?) и чрезвычайно внимательнаго подсчета всего прихода-расхода почвы. Разница же между Крузіусомъ и Меркеромъ та, что, тогда какъ первый располагалъ однообразной почвой и

былъ, быть можетъ (?!), убѣжденъ въ недостаточности P_2O_5 въ почвѣ и хлѣбахъ, у второго эти условія (!) отсутствуютъ“.

На стр. XXIX г. Б. о томъ же Крузіусѣ говоритъ слѣдующее: „Крузіусъ послѣ долголѣтняго подсчета въ своемъ хозяйствѣ всего приходо-расхода почвы нашелъ („быть можетъ“? А. Я.), что послѣдняя въ наибольшей степени истощается подъ вліяніемъ зерновыхъ хлѣбовъ именно въ отношеніи P_2O_5. Потеря почвой P_2O_5 выражалась именно въ томъ, что въ урожаѣ зерновыхъ хлѣбовъ, съ теченіемъ времени, довольно сильно (!) расширялось отношеніе между вѣсомъ зерна и вѣсомъ соломы“. Наконецъ, на стр. 207 читаемъ: „Наши почвенники никогда не указывали даже и на постепенное расширеніе, со временемъ, отношенія количества зерна и соломы въ хлѣбахъ, на что еще давно напиралъ Крузіусъ“.

Не беремся судить, почему „открытіе“ Крузіуса произвело на г. Б—го такое сильное впечатлѣніе и подвигло его даже на „незаслуженные упреки“ Меркеру и русскимъ почвенникамъ; не беремся судить, почему даже исключительный интересъ къ работѣ Крузіуса — вѣрнѣе, Крузіусовъ — не побудилъ самаго г. Б—го обратиться къ подлиннику, напечатанному въ одномъ изъ старыхъ химическихъ журналовъ. Такъ какъ г. Б. совершенно не указываетъ источниковъ, по которымъ онъ ознакомился съ означенною работой Крузіусовъ, то цѣлый рядъ „недоразумѣній“ и несправедливостей, включенныхъ имъ въ вышеприведенныя цитаты изъ „неурожаевъ“ остаются всецѣло на отвѣтственности самого г. Б—го. Онъ несправедливъ къ ф. Крузіусу, когда утверждаетъ, что послѣдній „былъ быть можетъ убѣжденъ“. Онъ несправедливъ къ Меркеру, который также вѣдь располагалъ „однообразной“ почвой и лучше, чѣмъ Крузіусъ, зналъ о состояніи фосфорнокислыхъ запасовъ Ольденбургскихъ почвъ. Утверждая, что „расширеніе отношеній между количествами зерна и соломы“ въ урожаяхъ овса, найденное имъ въ цифрахъ Меркера, есть выводъ, „къ которому нѣкогда пришелъ Крузіусъ“—г. Б. впадаетъ въ новое крупное недоразумѣніе и несправедливость. Если бы г. Б. хоть мелькомъ взглянулъ на таблицы, приведенныя ф. Крузіусомъ на стр. 107—108 его статьи — онъ убѣдился бы, что овесъ Крузіусовъ на протяженіи всего 34 лѣтняго періода (1826—1860) не обнаруживалъ вовсе никакого „расширенія отношеній между количествомъ зерна и соломы“. По этому г. Б—му слѣдовало-бы, очевидно, либо признать цифры Меркера, какъ противорѣчащія „долголѣтнему подсчету“ Крузіуса, „неистинными“, либо прославить ихъ, какъ новое открытіе на томъ же самомъ пути, по которому шли Кру-

зіусы. Какъ всѣ статики, Крузіусы могли производить свои „чрезвычайно внимательные подсчеты всего приходо-расхода почвы“, только опираясь на „среднія нормы о содержаніи питательныхъ веществъ въ растеніяхъ“, не менѣе, конечно, „не точныя“, не менѣе, конечно, „невѣрныя“, чѣмъ „нормы Вольфа“, отвергаемыя г. Б—мъ и признаваемыя Меркеромъ. Какъ всѣ статики, Крузіусы не производили „никакихъ самостоятельныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій“ (Отзывъ, стр. 28), никакихъ химическихъ и иныхъ анализовъ; полученныя ими при помощи „подсчета“ данныя не могутъ быть непосредственно сравниваемы съ добытыми совершенно инымъ путемъ данными Меркера [1]) и русскихъ почвенниковъ; вопросы, рѣшаемые послѣдними и Меркеромъ, иные, чѣмъ тѣ, какія доступны для рѣшенія статику. Что желаетъ сказать намъ г. Б. апелляціей къ давно забытой работѣ и совѣтами Меркеру и русскимъ почвенникамъ „поучиться“ у отца и сына Крузіусовъ? Значитъ ли это, что г. Б. отдаетъ предпочтеніе статикамъ предъ агрикультурхимиками, методу „подсчета“ предъ методомъ наблюденія и эксперимента? Но почему тогда изъ всей обширной литературы по статикѣ онъ остановился на одной лишь работѣ Крузіусовъ? Почему даже такіе столпы нѣмецкой статики, какъ Тэеръ, Вульфенъ, Тюненъ, Блокъ, Шумахеръ, Вольфъ, Клееманъ, Бирнбаумъ, Гейденъ, Дрекслеръ и т. д. не удостоились ни малѣйшаго вниманія? Или г. Б. желаетъ сказать, что агрономы 60-хъ годовъ успѣшнѣе рѣшали свои задачи, чѣмъ современные агрикультурхимики? Тогда непонятно, почему цѣлый рядъ несомнѣнно интересныхъ для цѣлей г. Б—го работъ изслѣдователей 60-хъ годовъ Андерсона, Ф. Гёбеля, Комерса, Миколецкаго, Цейтгамера, Шафферта, Лера, Фелькера, Франка, Кнопа, Мертенса, Римпау, Генкельмана, Леля, О. Ру, Гофмана, О. Кепке и т. д. и т. д.—почему всѣ эти и многочисленнѣйшія работы другихъ авторовъ не остановили на себѣ вниманія г. Б—го? А длинная цѣпь работъ за и противъ Либиха—начиная съ Шульце, Вальца, Хлубека, Шлейдена, Мульдера, Штекгардта, Фрейнда, Римпау, Генрици, Якоби, Веренъ,

[1]) Они и вообще не могутъ быть между собою сравниваемы: хозяйство Крузіусовъ—правильное зерновое, хозяйство ольденбургцевъ—побочное „соломенное“. Про приводимыя г. Б—мъ на стр. 25 цифры „отношеній“ можно сказать лишь то, что онѣ нигдѣ не достигаютъ даже среднихъ („нормальныхъ“) для овса отношеній между зерномъ и соломой; на участкѣ 1659 г. эти „отношенія“ равны были 1 : 1,17, на участкѣ 1852 г. = 1 : 1,10, „нормальныя“ же „отношенія“ равняются 1 : 1,5. Открытіе въ цифрахъ Меркера „расширенія отношеній“ между зерномъ и соломой почерпнуто г. Б—мъ изъ его, г. Б—го, собственной фантазіи.

Вейссенфельда, Раутенберга, Лоость и Гильберта, Вольфа, Тонкуса, Зенфтлебена, Лямбле, Темана, Кетте, Линне, Рейнинга, кончая Конрадомъ, Арндомъ, Ау, Ад. Майеромъ и мн. др.—почему о существованіи ихъ даже не упоминается въ исключительно литературно-полемическаго характера работѣ г. Б—го? А позднѣйшія работы Мандельблю, Легтя, Гейнриха, Христіани, Macivor, Prove, Snyder, Müntz etc. etc.—что знаетъ о нихъ г. Б.?

Да, г. Б. умѣетъ быть несправедливымъ въ одно и то же время и къ статикамъ, и къ агрикультурхимикамъ, и къ экспериментаторамъ, и къ современникамъ, и къ предкамъ, и къ нѣмцамъ, и къ соотечественникамъ. . . .

VI.

Страницею 26-ю кончается первый и главнѣйшій отдѣлъ работы г. Б—го: „Обзоръ прямыхъ указаній относительно причинъ неурожаевъ и истощенія земель“. Мы прослѣдили его — въ предѣлахъ имѣвшихся у насъ источниковъ г. Б—го—страница за страницей, не упуская ни одного цитированнаго г. Б—мъ автора, ни одного сколько-нибудь существеннаго довода, мысли или возраженія. Мы разсмотрѣли важнѣйшую часть этого главнѣйшаго отдѣла, „гвоздь“ всей книги г. Б—го, критику заслужившей „быть можетъ, особеннаго нашего (г. Б—го) вниманія“ работы Меркера.

Какою жалкою представляется намъ въ изображеніи г. Б—го современная агрономія! Много болѣе жалкой, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Вѣдь дѣло идетъ о существеннѣйшемъ вопросѣ сельскохозяйственной практики: о причинахъ неурожаевъ!.. Вопросъ остается не рѣшеннымъ не только въ своей общей формѣ, но и въ частяхъ его, наиболѣе давно и наиболѣе живо интересовавшихъ какъ практика, такъ и теоретика. Взять хотя бы то же „клевероутомленіе почвы“. Развѣ это не „horror vacui“, давно уже пережитый натуралистомъ?

Антропоцентризмъ агрономовъ, подобныхъ г. Б—му, все еще заставляетъ ихъ вѣрить въ существованіе единой панацеи, „философскаго камня", излѣчивающаго всегда и всюду почвенный „родимчикъ"...

Вмѣсто того, чтобы все свое вниманіе концентрировать на изученіи здороваго и больного организма (клевера) самого по себѣ, взрастившей и питающей его почвы, какъ она дана природой, вліяющихъ въ томъ или иномъ направленіи условій погоды, обработки, удобреній и пр.—агрикультуръ-алхимики тратятъ время и силы въ безплодныхъ по существу поискахъ „философскаго камня". Всѣ свои усилія они направляютъ на то, чтобы въ процессѣ научнаго изслѣдованія найти не просто истину, а полезную, обогащающую практика истину. Сорокъ лѣтъ тому назадъ Либихъ высказалъ лишенную всякаго фактическаго обоснованія, спекулятивнымъ путемъ построенную имъ догадку о причинахъ клевероутомленія; до 80-хъ годовъ („первый періодъ агрикультурхиміи" ср. нашу, отвергнутую г. Б—мъ книгу „Педологія и агрономія", стр. 159) агрономы работаютъ систематически надъ выясненіемъ этого вопроса, съ начала же 80-хъ г.г. („второй періодъ агрикультурхиміи"—„Педол. и агрон.", стр. 159) они уже „не занимаются болѣе строго научной и лабораторной" его разработкой—какъ сообщаетъ намъ объ этомъ г. Б. (стр. 8).

И вотъ, мы и по сіе время „не знаемъ въ точности, почему клеверъ не даетъ болѣе или менѣе постоянныхъ урожаевъ на одномъ и томъ же участкѣ земли" (стр. 8).

Если такъ слабы успѣхи въ отношеніи вопросовъ ближайше важныхъ для практики, то чего же можно ожидать отъ агрономовъ по отношенію къ чисто научнымъ вопросамъ, напр., къ вопросу о природѣ почвы, какъ самостоятельнаго образованія? Даже по признанію alter ego г. Б—го, г. Томсона (см. ниже), „агрикультурхимія не съ той же (!) энергіей принялась за рѣшеніе научныхъ вопросовъ изъ области агрономіи, какъ за рѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ утилитарными цѣлями практическаго сельскаго хозяйства".

Читатель не ожидаетъ, конечно, чтобы я съ такою же подробностью, какъ первыя 25 стр., прослѣдилъ и всю остальную часть работы г. Б—го. Для этого пришлось бы написать книгу, объемомъ превышающую диссертацію г. Б—го. Да это и не къ чему: г. Б. на всемъ протяженіи послѣдней продолжаетъ быть вѣрнымъ себѣ. Въ дальнѣйшемъ мы попытаемся лишь еще рѣзче очертить и дополнить тотъ образъ г. Б—го, какъ ученаго агронома-натуралиста, который уже намѣтили предыдущія страницы.

Страницы 26—69 посвящены г. Б—мъ „Обзору косвенныхъ указаній“. Для г. Б—го остается „совершенно необъяснимымъ“ (объясненіе см. въ подвергнутой г. Б—мъ остракизму работѣ: „Недологія и агрономія“), почему иностранные изслѣдователи „оставляютъ безъ надлежащаго вниманія прочія (не химическія) свойства почвъ, изъ разряда физическихъ“. Западные агрикультурхимики не изслѣдуютъ конкретныхъ случаевъ измѣненія въ неблагопріятную сторону физическихъ свойствъ почвы подъ вліяніемъ растеній, нецѣлесообразной обработки ея, атмосферной воды и удобреній. „Нѣсколько (?) указаній на неблагопріятныя физическія свойства почвы мы, конечно (!?), имѣемъ въ иностранной литературѣ“, но эти указанія „сдѣланы большею частью (!) не на основаніи точнаго опыта, а особымъ путемъ умозаключенія— на основаніи метода исключенія“ (Sic!). Недовольный поведеніемъ агрикультурхимиковъ, г. Б. вопрошаетъ: „Нельзя ли поэтому, кромѣ прямыхъ и непосредственныхъ указаній на случаи и причины истощенія земель, найти какія-нибудь косвенныя или попутныя (случайныя) указанія въ этомъ смыслѣ“? О, да—ихъ „очень много, но, къ сожалѣнію, они разбросаны во множествѣ журнальныхъ статей: ихъ даже оттуда не легко и заимствовать, такъ какъ авторы статей часто не указываютъ въ заглавіяхъ (!) на то, что у нихъ можно встрѣтиться съ признаками (?) истощенія земель“ (?!!).

Съ 29 стр. начинаются уже настоящіе поиски „какихъ-нибудь косвенныхъ, попутныхъ, случайныхъ указаній“—въ полной мѣрѣ „случайныхъ“, такъ какъ совершенно непостижимо, чѣмъ руководится г. Б., выбирая того, а не другого автора, ту, а не иную статью. Отмѣтимъ еще два „попутныхъ указанія“ г. Б—го на предыдущихъ 27—28 стр. Во-первыхъ, „въ Западной Европѣ распредѣленіе климатическихъ факторовъ можетъ считаться болѣе равномѣрнымъ и во времени, и въ пространствѣ, чѣмъ въ восточной части Европы или точнѣе— у насъ въ Россіи“. Во-вторыхъ, „потери урожая въ зависимости отъ несовершенства пріемовъ, употребляемыхъ при его сборѣ..., считаются болѣе или менѣе неизбѣжными, а потому и не учитываются въ качествѣ (!!) особаго фактора урожайности“.

Знакомясь ближе съ „обзоромъ случайныхъ указаній“ г. Б—го, поражаешься, прежде всего, неимовѣрнымъ количествомъ искаженій, используемыхъ г. Б—мъ авторовъ. Прослѣдивъ страницы 30—58, я только на семи изъ нихъ (36, 40, 42, 43, 49,

53, 54), не могъ констатировать более или менее грубыхъ искаженій—это либо тамъ, где у меня не было подъ рукой источниковъ г. Б—го, либо тамъ, где страницы съ искаженіями чужихъ мыслей и фактовъ прерывались страницами, составленными изъ „образчиковъ“ „истинныхъ“ и „самобытныхъ сужденій“ самого г. Б—го... Иногда цѣнныя страницы почти сплошь составлены изъ передѣланныхъ на свой ладъ, частію непонятыхъ, частію недочитанныхъ, частію умышленно извращенныхъ чужихъ словъ, цифръ, выводовъ и взглядовъ (ср. стр. 33, 34, 38, 45). Вотъ нѣсколько примѣровъ:

1.

Г. Богушевскій.

„Въ среднемъ за многіе годы дренажная вода „струилась“ ...всего рѣже подъ дѣлянками, удобрявшимися навозомъ... Было однако и отступленіе отъ этой нормы, а именно въ 1869 г., когда больше всего дренажной воды вытекло изъ подъ дѣлянокъ съ навозомъ и меньше всего изъ неудобренной земли“.

(Стр. 30).

Лоосъ и Гильбертъ.

„Поразительно слабый дренажъ дѣлянки № 2 обусловленъ другою причиной. Эта дѣлянка съ 1844 г. удобрялась 14.000 kg. навоза ежегодно на каждый акръ; поэтому тутъ произошло накопленіе органическаго вещества, а съ тѣмъ вмѣстѣ повысилась влагоемкость почвы. Произведенныя въ 1869 опредѣленія *влажности* въ почвахъ дѣлянокъ 2, 3 и 8 дали на 1 актръ 3-фунтового слоя почвы:

2	3	8
(Навозное удобр.).	(Безъ удобренія).	(NH_3—соли и смѣсь минер. удобр.).

воды (килогр.) — 1610000—1396000—1549000.

(„CBl.“ 1882, S. 513).

Г. Б. дѣлянку № 2 превратилъ въ дѣлянки, правило—въ исключеніе, „поразительно слабый дренажъ“—въ „всего большій“, влажность—въ дренажныя воды...

2.

Г. Богушевскій.

„При условіи полнаго минеральнаго удобренія почва

Лоосъ и Гильбертъ.

„Что касается количествъ нитратовъ, отнимаемыхъ у от-

неудобренная азотомъ теряетъ (съ дренажными водами) азота всего въ годъ 7—8 kg. на 1 акръ. Если вмѣстѣ съ минеральнымъ удобреніемъ въ почву внесено и азотистое (напр., въ видѣ амміачн. соли), то количество азота въ дренажныхъ водахъ возрастаетъ пропорціонально количеству азотистаго удобренія и обратно пропорціонально количеству минеральнаго удобренія".

(Стр. 34).

дѣльныхъ дѣлянокъ дренажными водами, то эти потери выражаются: для неудобренныхъ дѣлянокъ № 3/4 и № 16— въ среднемъ около 6 resp. 8 kg. на акръ и годъ, а для удобренной одной смѣсью минеральныхъ солей дѣлянки № 5— 7—8 kg. Эта сравнительно высокая потеря азота съ засѣяннаго поля обусловлена, главнымъ образомъ, дождливою погодою въ теченіе обоихъ годовъ. Еще выше потери... на дѣлянкахъ, удобренныхъ азотомъ. Онѣ увеличиваются съ увеличеніемъ внесенныхъ въ почву амміачныхъ солей, онѣ выше, когда на ряду съ амміачнымъ удобреніемъ внесено *недостаточное*[1]) количество минеральныхъ удобреній" „лѣтомъ дренажныя воды съ полей, удобренныхъ 90—180 kg. амміачныхъ солей, содержатъ мало или вовсе не содержатъ нитратовъ, если одновременно съ ними вложены въ почву фосфаты и кали; но при избыткѣ амміачныхъ солей или же недостаткѣ минеральныхъ веществъ образовавшіеся нитраты лишь въ несовершенной степени ассимилируются растеніями и появляются тогда въ дренажныхъ водахъ".

(„CBl." 1882, S. 651, 656).

[1]) Курсивъ источника.

Тутъ, какъ видимъ, наоборотъ, возводится въ норму то, что на самомъ дѣлѣ является уклоненіемъ отъ нея (исключительная дождливость обоихъ годовъ). Вторая часть выводовъ Лооза и Гильберта совершенно невѣрно передана г. Б—мъ.

3.

Г. Богушевскій.

„Чрезъ почвы бѣдныя гумусомъ протекаетъ больше воды, чѣмъ черезъ почвы богатыя этимъ веществомъ. Кромѣ того, по мнѣнію Дегерена, на количество дренажныхъ водъ оказываютъ вліяніе физическія свойства подпочвы. Почва же не играетъ, будто бы, особенной роли“.

(Стр. 37).

Дегеренъ.

„Среднія количества дренажныхъ водъ . . . для богатыхъ гумусомъ почвъ равны...5.552 l., для бѣдныхъ имъ—5.938 l. Хотя послѣднія задерживаютъ нѣсколько меньшія количества (дождевыхъ) водъ, однако разница черезчуръ незначительна“...

„Отношеніе дождевыхъ къ дренажнымъ водамъ весьма измѣнчиво въ зависимости отъ различія почвъ; . . . природа подпочвы въ большей степени, чѣмъ составъ самой почвы, опредѣляетъ степень полезности дренажа...“

(„CBl“. 1890, S. 25; 1892, S. 577; ср. также König, J. Wie kann der Landwirt... etc. Berlin 1893, S. 129, пунктъ 2).

Умолчаніе въ первой части цитаты возвышаетъ роль неумѣло протежируемаго г. Б—мъ „гумуса“, а недостаточное вниманіе къ тому, что говоритъ Дегеренъ во второй выдержкѣ, совершенно извращаетъ смыслъ рѣчей послѣдняго.

4.

Страница 45 излагаетъ опыты Пелле надъ передвиженіемъ солей въ „почвѣ“. „Пеллетъ бралъ песчаную почву“, говоритъ г. Б. На самомъ дѣлѣ Пелле производилъ опыты съ пескомъ. „Каждый столбикъ почвы... дѣлился на три равныя части: верхнюю, среднюю и нижнюю и каждая изъ этихъ частей изслѣдовалась въ отношеніи примѣшанныхъ къ ней солей“.

На самомъ дѣлѣ „каждый столбикъ“ дѣлился въ главномъ ряду опытовъ на двѣ половины: „верхнюю“ и „нижнюю“, а въ другомъ ряду опытовъ (не упоминаемыхъ, впрочемъ, г. Б—мъ) помѣщавшаяся въ пробиркахъ „земля“ раздѣлялась на четыре слоя. Въ результатѣ оказалось, продолжаетъ г. Б., что особенною силою капиллярнаго поднятія отличаются азотнокислыя соли“. Этого вывода Пелле не дѣлаетъ и на основаніи полученныхъ имъ цифръ сдѣлать его никоимъ образомъ нельзя. „Кромѣ сего, на распредѣленіе солей въ почвѣ имѣла у Пеллета вліяніе величина зерна песчаной почвы, а именно въ грубозернистой почвѣ болѣе солей опускается внизъ, чѣмъ въ почвѣ тонкозернистой“. Пелле бралъ для помянутаго опыта не песчаную почву, а полученныя путемъ просѣванія чрезъ три различныя сита: 1) „грубый“, 2) „средній“ и 3) тонкозернистый известнякъ“. Результаты опыта показали, что взятая для опыта „поднимающаяся“ соль (KCl) всего болѣе проявила себя въ этомъ смыслѣ при „средней“ величинѣ зерна: въ тонкозернистой средѣ она распредѣлялась равномѣрно какъ въ верхней, такъ и въ нижней части столбика, въ крупнозернистой—она превращалась въ „опускающуюся“. Пелле приводитъ и объясненіе этого явленія, совершенно игнорируемое г. Б—мъ. Слѣдующее затѣмъ утвержденіе г. Б—го, будто „Вильморенъ указывалъ, что при продолжительномъ удобреніи почвы суперфосфатомъ скопленіе солей вверху вредитъ“ всходамъ, также не точно.

(„CBl.“ 1878, S. 564—566; 1876, S. 95).

5.

Г. Богушевскій.

„P_2O_5 остается, можно сказать, равнодушной къ движенію воды въ почвѣ. Она остается на мѣстѣ“.

(Стр. 47).

Пухнеръ.

P_2O_5 . . . въ кварцевопесчаной почвѣ либо вовсе не передвигалась, либо передвигалась лишь въ минимальныхъ количествахъ“.

(„CBl.“ 1895, S. 788).

6.

Г. Богушевскій.

Пухнеръ „совѣтуетъ примѣнять орошеніе, озабочиваться возстановленіемъ крупичатаго строенія почвы и покрытіемъ ея мерт-

Пухнеръ.

„Неблагопріятное состояніе почвы можетъ быть устранено, resp. улучшено путемъ обильнаго орошенія и такихъ мѣръ, которыя способствуютъ

вымъ покровомъ. Въ томъ случаѣ, когда по близости не имѣется воды для орошенія, авторъ совѣтуетъ примѣнять гипсъ, превращающій углекислыя соли въ сульфаты (напр., $NaCO_3$ (Sic!)въ Na_2SO_4)".
(Стр. 48).

пониженію испаренія (возстановленіе крупичатой структуры, разрыхленіе поверхностныхъ слоевъ почвы, покрытіе почвы мертвымъ растительнымъ покровомъ и т. д.) Въ крайнихъ случаяхъ и тамъ, гдѣ недостаетъ потребныхъ количествъ воды, напр., на солончаковыхъ почвахъ аридныхъ мѣстностей, должно попытаться уничтожить вредныя соли химическими средствами, напр., примѣненіемъ гипса, который переводитъ Na_2CO_3 въ менѣе вредный сульфатъ и въ то же время помогаетъ устранить неблагопріятное физическое состояніе почвы".
(„CBl." 1895, S. 799).

7.

Г. Богушевскій.

„Изъ всего этого Пассерини дѣлаетъ выводъ, что, если въ почву вводятся, напр., селитра и суперфосфатъ, то нѣтъ особенной надобности въ нее вводить еще и каліиное удобреніе".
(Стр. 55).

Пассерини.

„На богатой каліемъ почвѣ, удобряемой суперфосфатомъ и селитрой, каліиное удобреніе нужно только для такихъ растеній, которыя обнаруживаютъ въ отношеніи его особую потребность.
(„CBl". 1895, S. 270).

8.

Г. Богушевскій.

„Вольни указываетъ на одно только средство избѣжать неблагопріятныхъ условій плодородія почвъ, проистекающихъ вслѣдствіе сплыванія, а

Вольни.

„Вредное дѣйствіе дождей въ крайнихъ случаяхъ можетъ быть уменьшено, если почва будетъ находиться подъ раститель-

именно: живой или мертвый покровъ почвы".

(Стр. 50).

нымъ покровомъ или покрыта слоемъ отмершей растительности, такъ какъ въ такомъ случаѣ сила паденія осадковъ уменьшается и стекающая вода доставляется почвѣ болѣе медленнымъ темпомъ... На паровомъ клину, подверженномъ опасности сплыванія, отвратить ее можно только своевременнымъ повторнымъ разрыхленіемъ почвы; на засѣянной почвѣ — бороньбой, разрыхленіемъ и окучиваніемъ".

(„CBl." 1895, S. 794).

9.

Г. Богушевскій.

„Крошетель и Дюмонъ, изслѣдуя дѣйствіе хлоридовъ на нитрификацію азотистыхъ веществъ почвы, находили, что хлористыя соли кали и натра замедляютъ нитрификацію, когда находятся въ почвѣ съ углекислой известью".

(Стр. 55).

Крошетель и Дюмонъ.

„Въ противность сульфату и карбонату, хлористый калій самъ по себѣ не оказываетъ дѣйствія на нитрификацію Только въ томъ случаѣ, если въ присутствіи углекислаго кальція образуется хлористый кальцій и углекислый калій— только тогда обнаруживается съ одной стороны, замедляющее нитрификацію дѣйствіе $CaCl_2$, съ другой — ускоряющее ее K_2CO_3". Легко растворимый $CaCl_2$ „болѣе или менѣе цѣликомъ выщелачивается и потому во влажные годы удобреніе хлористымъ каліемъ благопріятно, въ сухія же—можетъ быть вреднымъ. Хлористый нат-

рій по своему дѣйствію одинаковъ съ хлористымъ каліемъ"...
(„CBl." 1895, S. 338).

Источникъ, освѣдомившій г. Б—го о работѣ Крошетеля и Дюмона, исчерпывается тринадцатью, почти цѣликомъ приведенными нами строками. Чтобы оцѣнить по достоинству ученое безпристрастіе г. Б—го, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ отдѣлѣ своей работы, къ которому относятся послѣднія двѣ цитаты (№№ 8, 9), онъ собираетъ матеріалъ **противъ** „односторонняго" удобренія минеральными туками и **въ пользу** своего „мнѣнія" о всяческомъ вредномъ вліяніи послѣднихъ на почву. „Изъ этого очерка — читаемъ 2 страницами ниже — нельзя не видѣть всего вреда, причиняемаго почвѣ въ отношеніи ея плодородія нѣкоторыми удобрительными веществами", которыя, между прочимъ, „замедляютъ нитрификацію азота".

Мы выбрали цѣлый рядъ такихъ примѣровъ, на которыхъ можно наблюдать разнообразіе въ характерѣ тѣхъ метаморфозъ, которыя претерпѣваютъ разные авторы отъ соприкосновенія съ г. Б—мъ.

Эти метаморфозы могутъ быть сведены къ слѣдующимъ рубрикамъ: 1. **Произвольныя обобщенія** (ср. стр. 34, 35, 38—трижды!—46, 50...). 2. **Сравненіе несравнимаго** (ср. стр. 37, 41, 43, 44, 44...). 3. **Пренебреженіе къ обобщеніямъ** (ср. стр. 30, 31, 34, 40, 45, 48, 49, 50, 50, 50...). 4. „**Замалчиваніе**" (ср. стр. 37, 41, 43, 44, 52, 58...).

Многіе изъ внесенныхъ г. Б—мъ „поправокъ" и измѣненій должны быть объяснены непониманіемъ и неумѣніемъ его обращаться съ научнымъ матеріаломъ, но нерѣдки случаи и вполнѣ сознательныхъ, очевидно, извращеній. Пояснимъ примѣромъ: Г. Б. желаетъ доказать, что „почва, засѣваемая различными культурными растеніями, теряетъ въ общей сложности (?) гораздо болѣе сухого вещества (?) въ видѣ (?) дренажныхъ водъ, чѣмъ почва голая. Въ самомъ дѣлѣ, аргументируетъ г. Б., сравнимъ между собою количества CaO (?), теряемыя въ видѣ (?) дренажныхъ водъ, **хотя бы** (?) по даннымъ Превоста и Райсона, почвой пара и почвой, находящейся подъ клеверомъ, за обычные два года пребыванія послѣдняго на одномъ и томъ же мѣстѣ". Оказывается, что „почва голая" въ теченіе одного года теряетъ съ дренажными водами „3,2839 gr." (!), а „почва подъ клеверомъ" за 2 года „$2{,}1368 \times 2 = 4{,}2736$ gr." (!).

„Расчитавъ такимъ же путемъ, сколько и другихъ веществъ каждая данная почва теряетъ во время произрастанія на ней

растеній въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, мы увидимъ, что этого рода потери у паровой почвы не столь велики въ общемъ оборотѣ хозяйства, какъ это можетъ казаться сначала". Невольно бросается въ глаза, что г. Б. выбираетъ „CaO"; почему не азотъ, P_2O_5, кали, отъ недостатка которыхъ еще чаще страдаетъ почва и которыя прежде всего имѣетъ въ виду агрикультурхимикъ, когда онъ говоритъ объ удобреніи столь ненавистными г. Б—му минеральными туками? „Расчитаемъ такимъ же путемъ", какъ это сдѣлалъ г. Б. въ отношеніи къ CaO, и мы получимъ.

	Почва подъ клеверомъ.	Почва голая.
P_2O_5	$0{,}202 \times 2 = 0{,}404$	0,711
Кали	$0{,}129 \times 2 = 0{,}258$	1,698
N_2O_5	$0{,}707 \times 2 = 1{,}414$	7,177
NH_4	$0{,}059 \times 2 = 0{,}118$	0,532

(„CBl." 1882, S. 4).

Вотъ почему г. Б. остановился не на P_2O_5, кали или азотѣ, а на извести. Но мало этого. Опыты Прево и Роусона производились въ глиняныхъ глазированныхъ горшкахъ; клеверомъ засѣяны были 2 (изъ 8) горшка: № 1 и № 6. Г. Б. обратилъ свое вниманіе только на первый изъ нихъ; и опять понятно почему: съ № 6 его фокусъ съ известью потерпѣлъ бы фіаско $1{,}451 \times \times 2 = 2{,}902$..... Изслѣдователи словно чувствовали, что съ ними будетъ имѣть дѣло г. Б. и предупреждали его объ исключительныхъ условіяхъ, вліяющихъ на удаленіе извести съ дренажными водами. „То обстоятельство — указывали они — что нѣкоторыя изъ дренажныхъ водъ, вытекавшихъ изъ засѣянной почвы, оказывались богаче карбонатами, не должно казаться удивительнымъ: оно объясняется углекислотой, выдѣляемой корнями растеній"....

Долженъ сознаться, что, если бы г. Б—му удалось отыскать нѣчто подобное въ разсмотрѣнной имъ моей работѣ — я принялъ бы со смиреніемъ, какъ вполнѣ заслуженный, его упрекъ въ „недобросовѣстности"......

Въ интересахъ экономіи времени и мѣста остановимся еще на нѣкоторое время на этомъ же самомъ вопросѣ о „голой" и засѣянной почвѣ, чтобы кстати показать ужь и характеръ собственныхъ и „самобытныхъ" сужденій г. Б—го. „Въ результатѣ этихъ изслѣдованій Превостъ и Райсонъ рѣшительно (было бы вѣрнѣе сказать „нерѣшительно"! А. Я.) приходятъ къ тому заключенію, что оставленіе земли подъ паромъ убыточно для хозяевъ. Такъ какъ это ученіе является

и въ настоящее время, можно сказать, господствующимъ въ наукѣ сельскаго хозяйства, то поэтому мы и не можемъ оставить его здѣсь безъ своихъ замѣчаній. Намъ кажется, именно, что на основаніи одного химическаго состава дренажныхъ водъ, получающихся при культурныхъ опытахъ въ сосудахъ, не слѣдовало бы произносить того строгаго приговора надъ паромъ, на который мы только что указали. Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что при горшечныхъ опытахъ земля безъ растенія не можетъ быть уподобляема пару и въ особенности — черному пару (? какому же другому можетъ быть „уподобляема" земля „безъ растеній"? А. Я.). Кромѣ того, если изъ почвы, находящейся въ пару, и происходятъ въ дѣйствительности потери нѣкоторыхъ цѣнныхъ веществъ, то это неудобство (?!) при правильномъ веденіи полевого хозяйства искупается (?) другими, болѣе выгодными (?) для хозяевъ послѣдствіями отъ воздѣлыванія пара, которыя, въ свою очередь, ведутъ со временемъ (?) къ уменьшенію до минимума (?) всякаго рода потерь изъ почвы".

Г. Б. возражаетъ противъ взгляда, высказаннаго изслѣдователями за 20 лѣтъ до его работы, потому, что этотъ взглядъ „господствуетъ" и въ настоящее время „въ наукѣ"; но развѣ это „господство" доставлено ему именно опытами Прево и Роусона? Неужели ни петербургскіе учителя г. Б—го, ни галлевскіе не разсказали ему и самъ онъ не слыхалъ, напримѣръ, про относящійся сюда полувѣковой опытъ Ротамстедской станціи, оказавшій, конечно, неизмѣримо большее вліяніе на „науку", чѣмъ совершенно недоказательныя и мало кому извѣстныя изслѣдованія остановившихъ на себѣ вниманіе г. Б—го авторовъ? Изслѣдованія Прево и Роусона — писалъ референтъ „Jahresbericht'a" (1882, S. 22) „въ большинствѣ не приложимы къ условіямъ культурной почвы". И какое представленіе должно быть у г. Б—го о своей наукѣ, разъ онъ считаетъ, что „господствующія" въ ней „ученія" можно поразить при помощи „замѣчаній" и того, что „намъ кажется"!

„Наконецъ, если даже оставаться на почвѣ современныхъ неблагопріятныхъ для пара воззрѣній, то и тогда всякому должно быть ясно на основаніи опытовъ самихъ же противниковъ пара, что въ продолженіи многолѣтняго сѣвооборота (въ которомъ паръ случается (!) всего одинъ разъ), почва засѣваемая различными культурными растеніями теряетъ въ общей сложности гораздо болѣе сухого вещества въ видѣ дренажныхъ водъ, чѣмъ почва голая". Далѣе идетъ инцидентъ

съ „СаО“ и затѣмъ: „Если же къ этому мы прибавимъ и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ паръ является дѣломъ крайней необходимости и что обусловливаемая паромъ потеря одного годового урожая возмѣщается обыкновенно изъ урожая слѣдующаго (?) года, то объ указываемыхъ разными авторами потеряхъ питательныхъ веществъ и парового поля едва-ли стоитъ (!) жалѣть“.

Сразивъ „господствующее въ наукѣ ученіе“, г. Б. окончательно доколачиваетъ его соображеніемъ, которое „всякому должно быть ясно, ...что въ продолженіи многолѣтняго сѣвооборота ....почва теряетъ“ съ дренажными водами „гораздо больше“, чѣмъ „почва голая“ въ одинъ годъ пара; а стало быть.... стало быть паръ не „убыточенъ для хозяевъ“ — такъ, очевидно, умозаключаетъ г. Б. Слѣдующая за симъ аппеляція къ горшкамъ съ „землей безъ растеній“, о которыхъ самъ же г. Б. только что передъ тѣмъ сказалъ, что они „не могутъ быть уподоблены пару“ - должна быть по справедливости отнесена къ числу „недоразумѣній“. Вѣдь г. Б—му извѣстно, что полевые опыты какъ Лооза и Гильберта, такъ и Дегерена, въ свою очередь, тоже засвидѣтельствовали значительно бо̀льшія потери азота съ находящейся подъ паромъ почвы. Если сопоставить цифры потерь азота паровой почвой, указываемыя Ротамстедской станціей въ 34,5—39,3 kg. на акръ, съ соотвѣтственной цифрой, даваемой Зеельгорстомъ для засѣяннаго поля—4,4 kg.[1]), то придется признать, что въ отношеніи азота даже потери цѣлаго „сѣвооборота“ не достигнутъ потерь одного только года пара. Но самое главное: не заблуждается ли г. Б. относительно „господствующаго ученія“? Не создаетъ ли онъ себѣ и тутъ вѣтряныя мельницы для одержанія надъ ними побѣдъ? Въ изображеніи г. Б—го „господствующее ученіе“ считаетъ, что „оставленіе земли подъ паромъ“ **всегда и при всякихъ условіяхъ** „убыточно для хозяевъ“. Если вѣрить г. Б—му, „господствующее ученіе“ отвергаетъ (?) паръ даже для такихъ мѣстностей, гдѣ онъ является „дѣломъ крайней необходимости“. Беру первые попавшіеся подъ руку источники — компендіумъ Гейдена, „Düngerlehre“ и „сельскохозяйственный лексиконъ“ Крафта, вполнѣ пригодные для характеристики „господствующихъ ученій“. Въ первомъ находимъ первый параграфъ, посвященный изложенію „условій, при кото-

[1]) Лично мы считаемъ такія сопоставленія по многимъ, отмѣченнымъ въ „Недологіи“, причинамъ неправильными, но они обычны въ сельскохозяйственной литературѣ; указанное въ текстѣ взято нами изъ одного новѣйшаго руководства по „Betriebslehre“.

рыхъ нельзя обойтись безъ пара". Эти условія: 1) вязкая, тяжелая почва. 2) низкій уровень сельскохозяйственной культуры съ сопутствующимъ ему недостаткомъ капитала. 3) сильная степень засоренности поля, 4) неблагопріятныя климатическія условія. „Въ извѣстныхъ случаяхъ, говоритъ и Г. Крафтъ, нельзя обойтись безъ пара": 1) въ мѣстностяхъ съ суровымъ климатомъ, 2) въ засушливыхъ мѣстностяхъ, 3) когда имѣютъ дѣло съ вязкими, тяжелыми глинистыми почвами, 4) при сильной засоренности почвы, 5) паръ полезенъ при недостаткѣ удобреній. -Въ первой части „Педологіи" мнѣ не однажды приходилось отмѣчать тенденцію агрикультурхимиковъ рѣшать вопросы сельскохозяйственной практики внѣ времени и пространства, вообще, безъ отношенія къ тому или другому растенію, тѣмъ или инымъ почвамъ, климату, хозяйственнымъ условіямъ и пр. Не научившись ничему у агрикультурхимиковъ, г. Б. съ успѣхомъ усвоилъ себѣ лишь его общіе недостатки, и въ примѣненіи ихъ на дѣлѣ пошелъ, какъ мы частію только что видѣли, много дальше самого агрикультурхимика.

Рѣшеніе вопроса объ „убыточности" или неубыточности пара вообще совершенно непозволительно, но непозволительность эту учиняетъ лишь самъ г. Б., безъ всякаго основанія привлекающій къ соучастію въ ней всѣхъ агрикультурхимиковъ „вообще". Г. Б. смѣшиваетъ „убыточность" съ точки зрѣнія отдѣльнаго хозяйства съ „убыточностью" съ точки зрѣнія цѣлой страны, государства, человѣчества.

Съ точки зрѣнія экономиста паръ „убыточенъ", потому что находящаяся подъ ней земля не приноситъ странѣ дохода; въ интересахъ общаго блага экономистъ не можетъ не совѣтовать сельскому хозяину стремиться къ возможному сокращенію площади пара. Гдѣ такое сокращеніе въ данный моментъ возможно, гдѣ нѣтъ — это уже вопросъ частно-хозяйственныхъ интересовъ, вопросъ каждаго индивидуальнаго хозяйства, вопросъ, могущій быть рѣшеннымъ не иначе, какъ на основаніи совокупности всѣхъ условій этого хозяйства.... Не объ однѣхъ только „потеряхъ питательныхъ веществъ съ парового поля" приходится „жалѣть", вводя въ сѣвооборотъ паръ, а еще и о потерѣ урожая съ пространства парового клина, о тѣхъ затратахъ труда и капитала, которыя сопряжены съ обработкой пара. О послѣднихъ г. Б. совсѣмъ не упоминаетъ, а относительно потери „одного годового урожая" полагаетъ, что эта потеря „возмѣщается обыкновенно изъ урожая слѣдующаго года". Такъ „думаетъ" г. Б., но иначе говорятъ 45-лѣтніе опыты Лооза и Гильберта на Broadbalk-полѣ. Средній за 45-лѣтіе урожай на дѣ-

лянкѣ, изъ года въ годъ засѣваемой (безъ всякаго удобренія) пшеницей, оказался равнымъ: для зерна 10 двойн. цент., для зерна + солома — 24 д. ц.; на дѣлянкѣ съ ежегоднымъ чередованіемъ пшеницы и пара (паръ, пшеница — паръ, пшеница и т. д.) первая цифра возрасла до 13 д. ц., вторая до 33 д. ц. Какъ видимъ, паръ оказалъ большое вліяніе на увеличеніе урожая. Но въ то же время за весь 45-лѣтній періодъ было снято съ участка безъ пара — 449 д. ц. зерна и 1082 д. ц. зерна + солома, съ участка же съ паромъ всего лишь 293 д. ц. зерна и 734 д. ц. зерна + соломы.

Нельзя не признать, что взгляды г. Б—го на паръ гораздо болѣе смутныя и несовременныя, чѣмъ напр.... римскихъ агрономовъ. Рекомендую вниманію г. Б—го: Varro de re rust., I, 44; Vergil. georg., I, 81; Plinius hist. nat. XVII, 31, XVIII, 52.... Но, можетъ быть, проповѣдь г. Б—го въ пользу пара имѣетъ какое-нибудь мѣстное, отечественное значеніе? Увы!.. Тамъ, гдѣ это диктуется условіями хозяйства, и русскіе хозяева, и русскіе агрономы пользуются услугами пара и умѣютъ тогда привести въ защиту его болѣе вѣскіе и вразумительные аргументы, чѣмъ г. Б... „Черный паръ — пишетъ Костычевъ — цѣнится высоко.... всѣми практическими хозяевами черноземной полосы.... Мнѣ ни разу не пришлось слышать что-нибудь неблагопріятное о немъ и нигдѣ.... не приходилось мнѣ читать мотивированныхъ неблагопріятныхъ отзывовъ объ этомъ парѣ для тяжелыхъ почвъ“ („Обработка и удобреніе чернозема“. 1892, стр. 216; ср. также: статьи Шатилова въ „Земледѣльческой газетѣ“).

Подобные же совершенно вздорные „взгляды“ приписываетъ г. Б. агрикультурхимикамъ и по вопросу о механической обработкѣ почвы. Ограничусь здѣсь, вмѣсто опроверженія ихъ, лишь ссылкой на работу самаго ярко-выраженнаго агрикультурхимика, П. Вагнера, изданную недавно и по русски редакціей „Хозяина“: „Примѣненіе искусственныхъ удобреній“ (ср. особенно стр. 7—13, 142, 167). Собственное свое отношеніе къ вопросу г. Б. выражаетъ такъ: „принимая во вниманіе всевозможные факторы, вліяющіе на почву во время ея обработки и подготовленія къ посѣву, мы невольно останавливаемся на предположеніи, что хозяевамъ, несмотря на всѣ ихъ старанія, едва-ли когда-нибудь удавалось сохранить для своей земли столь благодѣтельную для нея и для растеній крупчатую структуру“; „намъ кажется мы въ правѣ предполагать, что хозяева, сами того не подозрѣвая,... шагъ за шагомъ.... ухудшаютъ первоначальное строеніе своей почвы“, отчего либо терпятъ неурожаи, либо „постоянно прибѣгаютъ къ искусственнымъ

удобреніямъ", неся въ послѣднемъ случаѣ двойные расходы: „на безполезную и даже вредную для растеній обработку почвы и на удобреніе ея...." (стр. 68—69). Букетъ достаточно очевидныхъ нелѣпостей для того, чтобы стоило ихъ опровергать.... Какъ это часто бываетъ съ людьми, находящимися въ положеніи г. Б., онъ, „несмотря на всѣ свои старанія", и „самъ того не подозрѣвая", оказывается большимъ либиховцемъ, чѣмъ всѣ тѣ либиховцы, съ которыми г. Б. ведетъ „борьбу". Во всѣхъ своихъ возраженіяхъ г. Б. остается на почвѣ либиховскаго „Ersatzlehre", давно уже оставленнаго агрикультурхимиками. „Неисторичность" и тутъ сдѣлала свое дѣло—помогла проглядѣть то измѣненіе въ содержаніи понятія „удобреніе", которое произошло со временъ Либиха. Подобнымъ же образомъ на стр. 53 г. Б. считаетъ заботу объ удобреніи почвы азотомъ, кали и P_2O_5 недостаточною: „der Papst noch nicht genug Papist, die Klerisei zu wenig pfäffisch": г. Б. полагаетъ, что „нельзя не заботиться и о возмѣщеніи почвѣ потерь также CaO, Mgo, SiO_3 и другихъ, такъ какъ эти вещества также въ изобиліи могутъ удаляться изъ почвы не только растеніями, но и дренажными водами". Это не мѣшаетъ ему 36-ю страницами позже (стр. 89) поучать читателя, что „весьма часто (даже почти постоянно) совмѣстно съ кали и P_2O_5 (съ удобреніями) въ почву поступаютъ SO_3, NaCl, MgO, $MgCl_2$ и т. п...."

Любопытны также разсужденія г. Б—го о „дѣйствіи гипса на почву", о дренажныхъ водахъ, о крупичатой структурѣ почвы. „Кольманъ и Беккеръ, изслѣдуя лабораторнымъ путемъ дѣйствіе на почву раствора гипса, пришли къ замѣчательнѣйшему выводу, что, вопреки Гейдену, почва *менѣе*[1]) поглощаетъ въ себя извести изъ раствора гипса, сравнительно съ основаніями, переходящими подъ его вліяніемъ въ растворъ... Если то же самое происходитъ съ почвой (хоть иногда) и при естественныхъ условіяхъ земледѣлія подъ вліяніемъ гипса, то примѣненіе послѣдняго едва-ли слѣдовало бы рекомендовать хозяевамъ съ точки зрѣнія сохраненія плодородія почвы". Опыты Кальманна и Бёккера не безукоризненны, недостаточны и чрезвычайно далеки отъ условій естественной почвы (г. Б. ихъ не описываетъ); производились они не съ почвой, а съ мелкоземомъ. Правда, они организованы были по одному типу съ опытами Гейдена и степень доказательности тѣхъ и другихъ приблизительно одинакова. Сами К. и Б. гораздо меньше вѣрятъ въ свой „замѣчательнѣйшій" выводъ, чѣмъ г. Б.: „количество поглощенной почвою извести -

[1]) Курсивъ г. Б—го.

говорятъ они — не эквивалентно количеству перешедшихъ въ растворъ основаній и, *какъ кажется*, совпаденіе того и другого, найденное Гейденомъ, основывается на случайности“ („C Bl.“ 1878, S. 570).

Но и сдѣланное еще задолго до Гейдена предположеніе о дѣйствіи гипса на почву, и опыты Гейдена пріобрѣтаютъ *вѣроятность* въ виду соотвѣтствія ихъ „господствующимъ“, ни К. и Б., ни г. Б—мъ не упраздненнымъ еще, взглядамъ на природу поглотительной способности почвъ. Или г. Б. и тутъ желаетъ вернуться къ точкѣ зрѣнія Либиха? Г. Б—му очень хочется, чтобы „хоть иногда“ и въ природѣ происходило тоже, что въ воронкѣ съ мелкоземомъ у К. и Б. Для чего ему это надо? Только затѣмъ, чтобы сказать, что примѣненіе гипса „едва ли слѣдовало бы рекомендовать . . . съ точки зрѣнія сохраненія плодородія почвы“. Но причемъ тогда опыты К. и Б.? Внося въ почву *непрямое* по преимуществу удобреніе, гипсъ, мы не „иногда“, а всегда переводимъ въ растворъ такое цѣнное питат. вещество, какъ кали, которое „слѣдовательно, легко можетъ удаляться изъ почвы“. Будетъ ли его (+Na_2O и др.) удалено изъ почвы больше, чѣмъ внесено въ нее съ удобреніями CaO или нѣтъ—не все ли это равно г. Б—му? Г. Б. обладаетъ очень короткою памятью; тремя страницами раньше онъ самъ же поучалъ насъ, что дренажныя воды не могутъ служить показателемъ истощенія почвы. Нижележащіе слои почвы поглощаютъ изъ нихъ питательныя вещества, которыя затѣмъ могутъ вновь выноситься („подниматься“) на верхъ. Вотъ почему, между прочимъ, почва не воронка и не колба К. и Б., вотъ почему ни опытъ Гейдена, ни „замѣчательнѣйшій“ выводъ протежируемыхъ г. Б—мъ изслѣдователей не даютъ еще права „не рекомендовать съ точки зрѣнія сохраненія плодородія“ примѣненіе гипса. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ гипсовать почву, можетъ рѣшаться опять-таки лишь для *каждаго* конкретнаго случая особо, — самое большее для однороднаго района—а не *огуломъ* на основаніи ничего не доказывающихъ опытовъ въ воронкахъ, опытовъ, способныхъ лишь вводить, и на самомъ дѣлѣ нерѣдко вводящихъ, въ заблужденіе практиковъ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи напомнить (не г. Б — му, конечно) золотыя слова нашего маститаго агронома, И. А. Стебута: „Изъ теоретическихъ изслѣдованій известкованія мы убѣждаемся, что для составленія себѣ яснаго понятія о дѣйствіи того или другого удобрительнаго средства, намъ недостаетъ знанія почвы и требованій растеній относительно почвы. Изученіе этихъ послѣднихъ должно предшествовать изученію удобренія, потому что удобреніе есть только по-

правленіе почвы, согласно требованію того или другого растенія; слѣдовательно, чтобы знать, чѣмъ поправить, нужно знать прежде то, что нужно поправить, а затѣмъ—какъ поправить, т. е. какихъ свойствъ почвы требуетъ такое растеніе, какое мы желаемъ получить“ [1]).

Если бы г. Б. хоть немного потрудился надъ ознакомленіемъ съ литературой затрагиваемыхъ имъ вопросовъ, онъ и теперь и еще ранѣе, при обсужденіи „клевероутомленія“ почвы, неминуемо долженъ былъ бы встрѣтиться съ работами Петерса, Буссенго, Гейдена, Геннеберга, Дегерена и др., изъ которыхъ узналъ бы, что удобреніе гипсомъ разсматривается какъ косвенное удобреніе каліемъ н и ж н и х ъ слоевъ почвы; что оно оказываетъ весьма хорошее вліяніе на глубокоукореняющійся клеверъ, что послѣдній, выросшій на гипсованной почвѣ, оказывается болѣе богатымъ, чѣмъ обыкновенно, каліемъ и пр.

Не останавливаясь въ подробностяхъ на отношеніи г. Б—го къ вопросу о „дренажныхъ водахъ“, отмѣчу только, что лишь „теперь“ изъ мало доказательныхъ самихъ по себѣ опытовъ Пухнера г. Б—му стало „ясно“, что „на основаніи состава дренажныхъ водъ . . . нельзя дѣлать никакихъ точныхъ расчетовъ о дѣйствительныхъ потеряхъ веществъ изъ почвы“. Всѣмъ, кромѣ г. Б—го, это извѣстно уже очень давно изъ учебниковъ „почвовѣдѣнія“ и „агрикультурхиміи“. (Ср. Detmer 1876, Mayer, Fleischer, Ramann и др.: ср. также „Педологія“ ч. I, стр. 105).

На стр. 57 г. Б. замѣчаетъ, что крупичатой структурѣ „кстати сказать, в ъ н а с т о я щ е е в р е м я даже агрикультурхимики придаютъ нѣкоторое значеніе въ практикѣ земледѣлія“; семью страницами дальше узнаемъ, что „Габерландтъ, опираясь г л а в н ы м ъ о б р а з о м ъ на опыты Шюблера (1838 г.! А. Я), Вольфа, Зенфта и др., ставитъ (1879 г.! А. Я.) сохраненіе крупичатой структуры почвы однимъ изъ первыхъ условій раціональной механической обработки ея“. На той же 57 стр. опытъ Durham'а приписывается Вольни. У самого г. Б—го какое то совершенно дикое представленіе о „крупичатомъ строеніи“. „Для культурныхъ опытовъ въ 1901 г. служила одна садовая (?) почва... Часть ея просѣивалась черезъ сито въ 2 mm., причемъ получалась п о ч в а (?) болѣе или менѣе (?) *пылеобразная* [2]). Другая

[1]) И з в е с т к о в а н і е п о ч в ы. Разсужденіе, представленное въ физико-математическій факультетъ Петерб. Унив. агрономомъ С т е б у т о м ъ, для пріобрѣтенія ученой степени магистра сельскаго хозяйства. Спб. 1865, стр. 215.

[2]) Курсивъ Б—го.

часть . . . послѣ отдѣленія отъ нея ситомъ частицъ менѣе 2 mm., просѣивалась черезъ сито въ 6 mm. Получалась почва (?) болѣе или менѣе (?) „*крупчатаго* строенія“ [1]). Таково представленіе о почвѣ у представителя докучаевской школы, т. Б—го! Ахъ, какъ ошибается проф. Вернадскій, говоря, что мы изслѣдуемъ почву „уже въ мертвомъ, вполнѣ чуждомъ состояніи, когда беремъ кусокъ ея въ нашу лабораторію“ („Научное Слово“ 1904, кн. VI, стр. 24). Этотъ „кусокъ“ „самостоятельнаго природнаго образованія“ — почвы не только не перестаетъ оставаться ею, но, путемъ просѣиванія черезъ сита, можетъ дать намъ цѣлую коллекцію новыхъ „тѣлъ природы“, новыхъ, различныхъ по своему структурному „строенію“ почвъ... Пёрсонъ сначала сушитъ почвы „до одинаковой степени влажности“, и затѣмъ „мелетъ ихъ и прогоняетъ черезъ сито, послѣ чего всыпаетъ въ трубки и равномѣрно плотно утрамбовываетъ“ („CBl.“ 1893, S. 77); Пассерини обливаетъ почвы „кипящей“ водой („CBl.“ 1895, S. 269); Туксенъ выдаетъ за почву искусственную смѣсь изъ „100 гр. воздушно-сухой, лишенной камней земли съ 100 гр. песка“; Пелле называетъ почвой песокъ и молотый известнякъ и т. д., а докучаевецъ, г. Б., только старательно подлакиваетъ и подбираетъ полученные въ результатѣ изслѣдованій съ такими почвами „замѣчательнѣйшіе выводы“ . . . На стр. 199 мы узнаемъ, что къ числу почвъ г. Б. относитъ даже „торфъ моховой“...

Почему въ отдѣлѣ, посвященномъ „вліянію нѣкоторыхъ искусственныхъ удобреній“ на почву, г. Б., почти не удѣляя вниманія, напр., калійнымъ или аммiачнымъ удобреніямъ, останавливается на поваренной соли — непонятно. Поваренная соль употребляется иногда въ качествѣ удобренія только при культурѣ кормовой свеклы, ячменя, конопли и льна, но какъ это выяснили опыты Вагнера, Герлаха, Фрейшера и др., во всѣхъ этихъ случаяхъ она, при соблюденіи извѣстныхъ условій, не оказываетъ плохого дѣйствія на названныя растенія, что NaCl можетъ оказывать неблагопріятное дѣйствіе на растенія, что на тяжелыхъ почвахъ она образуетъ вредную корку, что она можетъ вести къ обѣдненію верхнихъ слоевъ почвы известью и магнезіей и т. д. — все это достаточно выяснено громаднымъ количествомъ относящихся сюда работъ Несслера, Крауха, Петерса, Эйхгорна, Гейдена, Jones'а, Geubel'я, Velter'а, Пелиго и пр. и полевыми опытами Грувена, Фёлькера, Брейтшнейдера, Германа,

[1]) Богушевскій: О вліяніи структуры почвы на урожаи овса. Юрьевъ 1903, стр. 2. (Курсивъ г. Б—го).

Штекгардта, Дитриха, Гелльригеля, Кульмана и мн. др. Почему изъ всѣхъ изъ нихъ г. Б. выбралъ „лабораторную работу Стоода" — онъ и самъ, конечно, не съумѣетъ объяснить: попала подъ руку...

Стр. 59—61 подводятъ итоги названнаго выше отдѣла о „вліяніи искусств. удобреній" на почву. Вотъ каковы эти итоги. Всѣ рекомендуемыя „учебниками" и „журнальными статьями" мѣры, направленныя къ тому, чтобы „предупредить указанный вредъ отъ искусственныхъ удобреній, не изгоняя ихъ вовсе" „какъ несомнѣнно полезныя во многихъ отношеніяхъ" — „если даже ихъ (т. е. эти мѣры) примѣнять въ совокупности, отличаются столь одностороннимъ характеромъ, что никогда не могутъ предупредить" ухудшенія почвъ. Что же это за мѣры, рекомендуемыя учебниками и статьями, мѣры, даже въ своей совокупности „никогда" не спасающія почву отъ ухудшенія? Совѣтуется именно: 1) сообразоваться со временемъ года и погодой, 2) употреблять удобренія „въ извѣстной болѣе или менѣе сложной и хорошо обдуманной комбинаціи", 3) чаще известковать и мергелевать почву, 4) „иногда (?!) рекомендуется примѣнять искусственныя удобренія въ связи съ навозомъ". Почему эти мѣры „никогда" не спасаютъ? 1) Результаты удобренія зависятъ не только отъ настоящей, но и отъ будущей погоды. А „развѣ можно предсказать" погоду за 2—3 и болѣе недѣли? 2) Въ искусств. удобреніяхъ находятся вредныя для растеній примѣси, уменьшающія урожаи. А „развѣ можно утверждать", что хозяевамъ „всегда доступны по цѣнѣ" чистые „отъ постороннихъ примѣсей туки?" 3) „Развѣ извѣстно, что комбинированныя искусств. удобренія . . . менѣе одностороннихъ" выщелачиваютъ почву? 4) „Совѣтуя . . . известкованіе и мергелеваніе почвы, развѣ мы тѣмъ самымъ не признаемъ (!!!), что почва истощается относительно извести подъ вліяніемъ искусств. удобреній?" 5) „Развѣ известкованье не составляетъ новаго источника расходовъ (!) для земледѣльца?" 6) Наконецъ, известь, гипсъ, мергель „едва-ли могутъ въ извѣстномъ (?) отношеніи конкурировать (!) съ многолѣтними травами и навознымъ удобреніемъ (?!!)". Казалось бы, единственный выводъ изъ этой многогранной аргументаціи тотъ, что, несмотря на „несомнѣнную полезность во многихъ отношеніяхъ" искусственныхъ туковъ, ихъ все-же, скрѣпя сердце, приходится „изгнать" изъ хозяйственнаго обихода земледѣльца. Но нѣтъ. Г. Б. продолжаетъ аргументировать далѣе: „итакъ, говоритъ онъ, сохраненіе въ неприкосновенности (?) химическаго состава почвы, равно какъ и возстановленіе благопріятныхъ для растеній физическихъ

свойствъ ея при посредствѣ одн и х ъ (?!) искусственныхъ (въ особенности минеральныхъ) удобреній, по нашему мнѣнію, дѣло неосуществимое".

Противъ примѣненія ихъ совмѣстно съ навозомъ „теоретическихъ" возраженій не можетъ быть, но „въ сельскохозяйственную практику эта мѣра не вездѣ можетъ скоро войти". Мѣшають агрикультурхимики съ „П. Вагнеромъ, Штуцеромъ и др." во главѣ, „сомнѣвающіеся", чтобы навозъ былъ болѣе подходящимъ удобреніемъ, чѣмъ „растворимые" минеральные туки — селитра, суперфосфатъ, каинитъ. И тутъ, какъ вездѣ, толпа рада идти за кучкой злонамѣренныхъ людей, обладающихъ въ ея глазахъ „несравненно большимъ вѣсомъ", чѣмъ здравомыслящіе сторонники „физической школы"; поэтому „легко понять", что вслѣдъ за учеными и сельско-хоз. практика скоро осудитъ навозъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что запасы навоза въ хозяйствахъ годъ отъ году все болѣе и болѣе сокращаются (?), такъ что постепенный переходъ къ „безнавозному хозяйству" подготовляется, такъ сказать, самъ собою"...

Итакъ, по теоріи г. Б—го, слѣдовало бы вывести изъ употребленія искусств. туки и насадить навозъ, на практикѣ же, благодаря крикунамъ-агрикультурхимикамъ, происходитъ обратный процессъ, процессъ вытѣсненія навоза туками...

Въ оправданіе г. Б—го можно-бы сказать только одно: ultra posse nemo obligatur, въ опроверженіе же пришлось бы исписать десятки страницъ. Ограничусь лишь немногими словами. Г. Б. не читалъ ни Вагнера, ни Штуцера, или, если читалъ, то такимъ же способомъ, какъ Меркера. Сравнивая навозъ съ туками, агрикультурхимики имѣютъ въ виду лишь сравнимое, т. е. потребительныя стоимости того или другого вещества (главнымъ образомъ азота) въ формѣ, скажемъ, селитры, съ одной стороны, и навоза, съ другой. Говорить о „навозѣ" вообще столь же безплодно, какъ говорить „вообще" о почвѣ, „вообще" о гумусѣ и т. д. Навозъ есть вѣчто весьма сложное, измѣнчивое, разнородное и до сихъ поръ—исключая азота его—весьма мало изученное. Какъ панацея, онъ столь же мало пригоденъ, какъ и всякое другое „лекарство"—будутъ ли это туки, механич. обработка, бактеріальная прививка...

Какой бы ни взять изъ затронутыхъ г. Б—мъ вопросовъ, всюду васъ помимо всего прочаго — поражаетъ полнѣйшая неосвѣдомленность его въ литературѣ этого вопроса, совершенная неспособность хоть сколько-нибудь критически отнестись къ тому случайному и до крайности скудному научному аппарату, надъ которымъ онъ оперируетъ. Г. Б. спеціально дебатируетъ вопросъ

о дренажныхъ водахъ, и не подозрѣвая при этомъ, какая обширная литература имѣется по этому вопросу. Онъ даже не заглянулъ въ важнѣйшую сводную статью протежируемаго имъ Вольни (въ ней разсматриваются изслѣдованія Dalton, Dickinson, Charnock, v. Möllendorff, Maurice, Gasparin, Greaves, Risler, Pfaff, Woldrich, Ebermayer и приводятся результаты опытовъ самого Вольни). Работы Фрааса, Цёллера, Вольфа, Крокера, Кёнига, Уэ, Заломанова, Breunlin, Audoynaud и Chauzit, Фёлькера, Уаррингтона, Ад. Майера, Шлёзинга, Фогеля, Бертло, Шеффлера, Петермана, Такке, Sturtevant и др. не „попали подъ руку“ г. Б—му... Это не мѣшаетъ послѣднему говорить объ „интересахъ полноты“! (стр. 36). Г. Б. „останавливается на работахъ Пеллета и Пухнера, дающихъ намъ нѣкоторое представленіе о механизмѣ передвиженія, при посредствѣ почвенныхъ водъ, составныхъ частей почвы“, но даже и не упоминаетъ о томъ, что названныя работы далеко не единственныя по этому вопросу: Бабо, Жули (интерпретировавшій работы Пелле и создавшій термины „поднимающіяся“ и „опускающіяся“ соли), Мейстеръ, Полацци, Несслеръ, Нобе, Кингъ, Франкъ, Брейтшнейдеръ, Гейденъ, Sostegni, Snyder, Colemore и Гильгардъ и др. тоже, вѣдь, работали надъ улучшеніемъ „механизма передвиженія“ почвенныхъ водъ и солей. Къ отдѣлу „дѣйствіе атмосферныхъ водъ на физическія свойства почвъ“ относятся не затронутыя въ немъ работы Либиха, Бабо, Вольфа, Гельригеля, Мюллера, Гильберта, Раманна, Гавенштейна, Burr, Уатнея . . . Въ отдѣлѣ о „вліяніи искусственныхъ удобреній на химич. составъ и физич. свойства почвъ“ должны были-бы быть приняты въ разсчетъ изслѣдованія Storp, Уаррингтона, Франка, Гейдена, Jones, Эйхгорна, Рейндерса, Треугтлера, Саксе и Беккера, Гельрунга, Газельгоффа, Péchard, Buffum, Reynolds, Кинга, Польценіуса, Гильгарда, Вольни (1882) . . . Столь интересующая г. Б—го крупичатая структура почвы интересовала и Шюблера, Шумахера, Зейфта, Ад. Майера (1879), Вольфа, Шеерера, Шульце, Гильгарда, Эбермайера, Бодлендера, Уайнея, Раманна, Саксе; не мѣшало бы припомнить и кое кого изъ русскихъ изслѣдователей, принять во вниманіе участіе въ образованіи почвенной структуры видимыхъ и невидимыхъ почвенныхъ организмовъ, корневой системы растеній и пр. — Ограничусь приведенными указаніями, далеко, конечно, не претендующими на исчерпывающую полноту ихъ. Но г. Б. рѣшительно не въ состояніи сколько-нибудь разобраться даже и въ рамкахъ того случайно попавшаго ему на глаза матеріала, который онъ подвергаетъ „научной“ обработкѣ, точнѣе — искаженію. Возьмемъ, напр., литературу того-же самаго отдѣла о „вліяніи искусств. удобреній на

химич. и физич. свойства почвъ“ (стр. 51—58). Г. Б. не находитъ ничего возразить противъ лабораторныхъ опытовъ Кальмана и Бёкера, Фидлера, Тукена, Пастерини, Пёрсона; а между тѣмъ всѣ эти опыты, какъ вовсе не считающіеся съ факторомъ „поглощенія почвы“, оперирующіе не надъ почвой, а надъ манекеномъ ея—совершенно недоказательны и чрезвычайно далеки отъ условій естественной почвы. Въ тоже время, сравнительно хорошо обставленные полевые опыты Эммерлинга и Логеза удостаиваются порицанія и поученій со стороны г. Б—го...

Какъ мало можно строить какіе-либо окончательные выводы на основаніи литературы, использованной г. Б—мъ въ указанномъ отдѣлѣ—видно изъ того, что, напримѣръ, работа Фидлера оказывается вполнѣ пригодной и для защиты противоположныхъ взглядамъ г. Б—го воззрѣній на вліяніе на почву искусственныхъ туковъ. (Ср. Lemmermann O. Die Düngerlehre, S. 138).

Вышеприведенное изложеніе представляетъ лишь незначительную часть того, что можно было-бы сказать о стр. 27—61. Послѣднею страницею начинается отдѣлъ о „вліяніи на почву механической обработки почвы“, составленный на основаніи нѣсколькихъ страницъ, выхваченныхъ изъ Розенберга-Липинскаго, Габерланда и Вольни. Итоги этого отдѣла были уже отмѣчены нами выше. Страницы 69 и 100 занимаетъ „заключеніе“, вслѣдъ за коимъ идетъ „Глава II“, трактующая тѣ-же темы, что первая, только уже на основаніи русскихъ источниковъ. „Мы, русскіе, замѣчаетъ г. Б., и по сейчасъ имѣемъ очень мало собственнаго матеріала для сужденія (хотя бы ошибочнаго) о какихъ либо измѣненіяхъ въ химическомъ составѣ нашихъ почвъ“... „Расположить весь относящійся сюда (т. е. къ вопросу о неурожаяхъ и истощеніяхъ русскихъ почвъ. А. Я.) литерат. матеріалъ въ какомъ либо иномъ порядкѣ, кромѣ хронологическаго . . . мы находимъ въ настоящее время (?) еще невозможнымъ, вслѣдствіе крайняго изобилія точекъ зрѣнія и разнообразія оттѣнковъ въ воззрѣніяхъ русскихъ изслѣдователей“... Это разнообразіе взглядовъ „зависитъ отъ многочисленности у насъ (?) факторовъ урожайности, дѣйствующихъ къ тому же на огромной территоріи (!?)“. Русскимъ почвенникамъ „во многихъ отношеніяхъ не удалось достигнуть и того немногаго, что сдѣлано ихъ коллегами въ Зап. Европѣ“; они не совершили еще и „перваго шага для доказательства того, что въ неурожаяхъ или недородахъ повинна дѣйствительно почва“. „Единственно, что нашими почвенниками (не химиками, однако) на столько хорошо

разрабатывается, что *приноситъ большую практическую пользу*... это *способъ накопленія и сохраненія въ черноземной почвѣ влаги*, путемъ цѣлесообразн. механической обработки ея... Однако въ этомъ (?!) отношеніи, *какъ извѣстно*, нашихъ почвенниковъ *опередилъ иностранецъ*, а именно, Вольни". Только въ „изслѣдованіи грубаго строенія почвъ... Измаильскій превосходитъ даже Вольни" (стр. 109, 206, 208, 209). Таково отношеніе г. Б. къ русскимъ „почвенникамъ".

Страницы 203—214 составляютъ „заключеніе" ко второй главѣ. Заключительный аккордъ всей диссертаціи г. Б—го провозглашаетъ намъ то основоположеніе ея, которое „понудило къ перу" его, г. Б—го, „руки". „Нашему земледѣльцу — такъ гласитъ этотъ аккордъ — необходимо главнымъ образомъ оберегать крупичатое строеніе своей почвы; если же послѣднее утрачено, то земледѣльцу слѣдуетъ постараться возстановить его". Лунценная ins Blaue hinein, эта исходная точка и конечный результатъ работы г. Б—го имѣютъ столь же мало содержанія, теоретическаго интереса и практической пользы, какъ и всѣ остальныя подчиненныя ей, большія и малыя, положительныя и отрицательныя „мысли" г. Б—го...

Приступая къ разбору работы г. Б—го, мы предположили себя въ роли оцѣнщика ея, какъ ученой диссертаціи. Предъ нами лежало два пути: одинъ — путь самого г. Б—го; въ основу его положенъ своего рода argumentum baculinum, вполнѣ оправдывающій пословицу: палка о двухъ концахъ. Идя имъ, мнѣ слѣдовало бы на всѣ разсужденія г. Б—го отвѣчать въ тонъ ему: „а я, напротивъ, *думаю*"..., „а мнѣ, наоборотъ, *кажется*"... и т. д. Конечно г. Б., въ свою очередь, снова могъ бы сказку про бѣлаго бычка „начинать сначала", а я опять сначала... Такимъ именно образомъ, какъ говорилъ одинъ большой русскій писатель, „перебрасываются ловкіе акробаты шарами, потѣшая публику". Отъ степени „нашего діалектическаго и полемическаго искусства зависѣла-бы продолжительность и пряность этого препирательства"...

Однако, въ виду несвойственности означеннаго пути моей природѣ, я пошелъ своимъ обычнымъ, „публицистическимъ", какъ именуетъ его г. Б. Смѣю увѣрить г. Б—го, что этотъ путь много труднѣе, но зато онъ всегда приводитъ къ извѣстнымъ результатамъ и исключаетъ сказку про бѣлаго бычка. Позволительно надѣяться, что и на этотъ разъ читатель на основаніи всего приведеннаго выше матеріала получилъ возможность составить представленіе, 1) объ *авторитетности* г. Б—го въ томъ уголкѣ

обширной области его специальности, который всего ближе долженъ быть ему извѣстенъ, такъ какъ тутъ г. Б. является не только преподавателемъ, но и активнымъ научнымъ изслѣдователемъ; 2) о научности главнѣйшаго ученаго труда г. Б—го; 3) о „достойности“ послѣдняго, какъ диссертаціи на ученую степень. Чтобы избѣжать упрека въ искусственномъ подборѣ цитатъ и неудачныхъ мѣстъ изъ работы г. Б—го, въ „пристрастномъ“ сгущеніи красокъ, я не поддался соблазну собрать во едино всѣ наиболѣе слабыя мѣста работы, чтобы достичь такимъ путемъ наибольшаго эффекта. Не прибѣгалъ я и ни къ какимъ экстраординарнымъ мѣрамъ, пользуясь исключительно почти своею домашнею библіотечкой и выписками, и будучи въ состояніи удѣлить диссертаціи г. Б—го не болѣе 3—4 недѣль времени, въ значительной степени отнятого еще и другою работою. Не имѣя нужды и возможности разсматривать здѣсь всю работу г. Б—го, я, само собою разумѣется, принимаю на себя обязательство, въ случаѣ нужды, показать, что оставшаяся неразобранною часть этой работы ни мало не нарушаетъ того представленія объ авторитетности, научности и—если такъ можно выразиться—„диссертаціонности“ труда г. Б—го, какой долженъ былъ составиться у читателя на основаніи всего вышеприведеннаго.

VII

Сельскохозяйственныя науки, представителемъ которыхъ въ И. Юрьевскомъ Университетѣ является г. Б., представляютъ собою чрезвычайно обширную область; онѣ слагаются изъ комплекса дисциплинъ 1) естественно научныхъ, 2) экономическихъ, 3) техническихъ. Позволительно предположить, что, быть можетъ, въ какомъ нибудь изъ другихъ отдѣловъ сельско-хозяйственныхъ знаній г. Б. и „авторитетнѣе“ и „научнѣе“, чѣмъ въ томъ, къ которому относится его диссертаціонная работа. Говоря оффиціальнымъ языкомъ, послѣдняя представляетъ „разсужденіе“, относящееся къ первому изъ вышеназванныхъ комплексовъ с. хоз. дисциплинъ. Но у г. Б—го есть и другого рода работы изъ того же „естественнонаучнаго“ отдѣла. Въ концѣ своего „Отзыва“ г. Б., между прочимъ, говоритъ: „нечего и говорить о томъ, что въ „Педологіи“ не приводится никакихъ самостоятельныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій самого Я., по которымъ можно было-бы судить о его правѣ (?) на критическое отношеніе къ опытнымъ изслѣдованіямъ другихъ“. Въ отношеніи моей работы такое замѣчаніе было вполнѣ излишне, такъ какъ въ самомъ заглавіи работы стоитъ: „опытъ историко-методологическаго изслѣдованія“; но оно весьма умѣстно

по отношенію къ работѣ самого г. Б—го: „О вліяніи структуры почвы на урожаи овса и пр.“ („Ученыя записки Н. Ю. У.“ 1903 г.). „Въ своей книгѣ „Неурожаи и истощеніе земель“ — говорится вначалѣ этой работы — мы . . . опирались на опытныя данныя Вольни“. Такъ какъ послѣднія „казались въ свое время для нашихъ критиковъ недостаточными, причемъ они требовали отъ насъ непремѣнно самостоятельныхъ опытныхъ изслѣдованій, то поэтому мы считаемъ необходимымъ и съ своей стороны представить здѣсь нѣкоторыя цифры“. . . Изъ дальнѣйшаго изложенія обнаруживается что „самостоятельныя опытныя изслѣдованія“ г. Б—го произведены были . . . „А. Томсономъ“ и „І. Остроумовымъ“. Первымъ произведенъ механическій анализъ примѣнявшейся при опытахъ почвы (?), а вторымъ „всѣ анализы растеній, помѣщенные въ настоящей статьѣ“. На долю г. Б—го оставалось (?) надписываніе №№ на сосудахъ, счетъ „общаго числа стеблей“,—„числа метелокъ“ и другая столь же „экспериментальная“ работа . . . Тѣмъ не менѣе, нельзя не сознаться, что „изслѣдованіе“ г. Б—го и К°, умѣщаясь всего на 8 страничкахъ, таитъ въ себѣ цѣлый рядъ откровеній. Откровеніе 1-е: „Неурожаи и истощеніе земель“ г. Б—го „опираются“ на работу Вольни, помѣщенную въ XX томѣ его „Forschungen“, въ частности на стр. 235—244 этой работы. Штудируя диссертацію г. Б—го, мы объ этомъ обстоятельствѣ и не догадывались, ибо только въ примѣчаніи на стр. 66 своей книги г. Б. сообщаетъ намъ мелькомъ, что страницы 235—244 работы Вольни показываютъ, „какое благодѣтельное вліяніе оказываетъ крупнчатое строеніе почвы на урожай растеній и на использованіе ими удобрительныхъ веществъ“; больше о фундаментѣ, на которомъ строилась диссертація, ни слова . . . Откровеніе второе: г. Б., отрицающій въ своей диссертаціи вегетаціонный опытъ въ сосудахъ, для умилостивленія немилосердно настойчивыхъ „критиковъ“ которые „требовали отъ насъ непремѣнно самостоятельныхъ опытныхъ изслѣдованій“, оказывается готовымъ даже возстать противъ самого себя и приняться за . . . вегетаціонные опыты. Откровеніе третье: до знакомства съ разсматриваемымъ сейчасъ „самостоятельнымъ опытнымъ изслѣдованіемъ“ г. Б. и К°—я, сознаюсь, совершенно не понималъ значенія термина „нерастяжимость“ „собственнаго“ г. Б. „изобрѣтенія“ (въ приложеніи къ изслѣдованіямъ Лооза и Гильберта надъ „естественной почвой и при естественныхъ условіяхъ ея залеганія“ ср. „Неурожаи“, стр. 36). Теперь, когда г. Б. демонстрировалъ мнѣ ad oculos „растяжимость“ почвы, показалъ, какъ легко изъ одной „естественной почвы“ надѣлать любое коли-

чество „б. или м. пылеобразныхъ“ и „б. или м. крупичатыхъ“— я убѣдился въ его необыкновенномъ остроуміи — остроуміи не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

Общее между „почвами“ г. Б—го то, что всѣ онѣ не почвы; впрочемъ, и посѣянный на нихъ г. Б—мъ овесъ — не вполнѣ овесъ; овесъ г. Б—го не каждый годъ даетъ ему сѣмена; въ 1901 г. онъ не далъ ихъ вовсе, за то въ 1902 далъ „иногда (?) въ довольно (?) значительномъ количествѣ“. Каково это „довольно значит. количество“, каково это „иногда“, — г. Б. намъ не сообщаетъ; онъ взвѣшиваетъ и „стебель, и корни, и зерна“ въ общей массѣ, и въ результатѣ этого взвѣшиванія получаетъ, что „недоразвившійся“ и не давшій зеренъ овесъ 1901 г. далъ значительно болѣе богатую сухимъ веществомъ жатву, чѣмъ нормальный (?) овесъ 1902 г. — Г. Б. вѣритъ въ свою „почву“, въ свой „овесъ“, вѣритъ въ то, что опыты съ ними „отчасти подтверждаютъ выводы“ Вольни. Впрочемъ, говоритъ онъ, „мы должны сознаться, что предполагавшаяся нами на основаніи опытовъ Вольни, положительная зависимость урожаевъ овса отъ крупичатой структуры почвы, выражена, въ конечномъ результатѣ, слабо, такъ какъ она проявилась только въ трехъ случаяхъ изъ шести“. Въ остальныхъ трехъ „урожай овса на почвѣ пылеобразной оказался выше, чѣмъ на почвѣ крупичатой. Кромѣ того . . . и самый высокій урожай овса . . . падаетъ опять-таки на почву пылеобразную“. Отсюда „мы, казалось бы, могли сдѣлать такой выводъ, что пылеобразная почва . . . не препятствуетъ (!) полученію хорошихъ, даже отличныхъ урожаевъ, если растеніе на ней не нуждается во влагѣ и сама она провѣтривается. Однако, такъ какъ на практикѣ такое счастливое стеченіе обстоятельствъ представляетъ лишь рѣдкое исключеніе (?), то слѣдовательно (!?), *практически* (курсивъ г. Б.) пригоднымъ необходимо (!?) считать скорѣе обратный (!) вышеприведенному выводъ о значеніи пылеобразной почвы, а именно, что она вредитъ вслѣдствіе своего уплотненія (!) воздѣлыванію на ней культурныхъ растеній“ (стр. 3—4). Такъ ищетъ и находитъ свою „истину“ г. Б.! . . .

Боимся, не напрасно ли посѣкъ себя г. Б.: Вольни онъ даже и „отчасти“ не помогъ, да и „критиковъ“ своихъ . . . умилостивилъ-ли? Есть у г. Б—го и еще одна „экспериментальная“ работа: „Къ вопросу о методѣ изслѣдованія сопротивленія почвы раздавливанію“ (1898). Въ виду того, что „данныя разныхъ изслѣдователей поддаются сравненію ихъ между собою лишь (?) съ

большимъ трудомъ", г. Б—му „казалось необходимымъ установить . . . нѣкоторое единство метода, а если возможно, то и развить самое изученіе упомянутыхъ свойствъ почвъ. На это я и употребилъ свое стараніе . . . зимой, текущаго года". Результаты этихъ „своихъ стараній" г. Б. изложилъ на 9 страничкахъ „Ученыхъ записокъ И. Ю. У.". Изъ своихъ „предшественниковъ" г. Б. знаетъ только гг. Яковлева и Адамова, которыми г. Б. недоволенъ, потому что они не принимали въ разсчетъ механическ. состава почвъ и употребляли „матеріалъ черезчуръ (!) искусственно подготовленный". Упоминаетъ г. Б. еще нѣкоего Шварца, въ „правильности" опытовъ котораго онъ, г. Б., „имѣлъ нѣкоторыя основанія сомнѣваться". Такимъ образомъ, главнѣйшія, основныя работы по данному вопросу —Шюблера, Габерландта, Гейнриха, Пухнера, Шахбазіана — остались г. Б—му неизвѣстными, чѣмъ отчасти и объясняется то поразительное . . . „недоразумѣніе", то колоссальное . . . „высокомѣріе" („Отзывъ", стр. 12), которыя позволилъ себѣ г. Б. Въ результатѣ своихъ изслѣдованій г. Б. пришелъ къ выводу, что „чѣмъ влажнѣе почва, тѣмъ сильнѣе сцѣпленіе ея частицъ", тѣмъ труднѣе она поддается раздавливанію. У Шварца же получилось, наоборотъ, „чѣмъ суше почва тѣмъ больше груза требуется для ея раздавливанія". —Такъ какъ г. Б. всего болѣе довѣряетъ Раманну („Отзывъ", стр. 5), то развертываю учебникъ послѣдняго и читаю (стр. 316): „Содержащаяся въ почвѣ влага уменьшаетъ связность всѣхъ почвъ... Только у очень рыхлыхъ почвъ, каковы песокъ и пылеобразный гумусъ, при умѣренномъ увлажненіи ихъ выступаетъ насцену явленіе поверхностнаго натяженія воды и вызываетъ кажущуюся большую связность отдѣльныхъ почвенныхъ частицъ". Въ другомъ изданіи того же учебника говорится: „Увлажненность почвъ оказываетъ значительное вліяніе на сцѣпленіе частицъ почвы; у глинистыхъ почвъ сцѣпленіе уменьшается съ увеличеніемъ влажности ихъ" (113). Остается еще добавить, что Шварцъ имѣлъ „болотную почву, суглинокъ и глину", а г. Б. „черноземную почву тобольской губ. (?)".

Большой человѣкъ г. Б.: махнулъ шестью—всего только шестью (въ томъ числѣ одинъ нуль) -цифрами и, незамѣтно для самого себя, опять опрокинулъ цѣлое „господствующее ученіе" . . . И не мудрено: посмотрите, какую тщательность и „экзактность" вноситъ онъ въ свою „экспериментальную" работу. „Отвѣшанную почву . . . по возможности плотно утаскиваютъ опредѣленнымъ (!) числомъ ударовъ (опредѣленной силы? А. Я.) стакана о столъ, или же (?) почву оставляютъ нѣкоторое (?) время стоять и слеживаться (!) произ-

вольно (?)": почву, заключенную въ бумажный цилиндрикъ, вынимаютъ затѣмъ „изъ стакана, держась (!?) за бумажную трубку, кладутъ осторожно, очищаютъ проволочкой . . ., осторожно отдѣляютъ бумажку"... Потомъ сверху кладутъ „новую (предварительно взвѣшанную)" пластинку и т. д. Не находя у себя „сложныхъ и дорогихъ машинъ . . . Института Инженеровъ Путей Сообщенія", г. Б. „долго и тщетно обозрѣвалъ обстановку моей (г. Б—го) лабораторіи въ Юрьевѣ" и, наконецъ, остановилъ свой взоръ . . . на „обыкновенныхъ" лаборат. вѣсахъ. „Вотъ на эту самую пластинку моихъ (т. е. И. Ю. У—та. А. Я.) вѣсовъ я и помѣщалъ столбикъ почвы" . . . „Увлекаемый кажущеюся ему колоссальною" („Отзывъ", 12) удачею, г. Б. восклицаетъ: „Вотъ каковъ тотъ методъ изслѣдованія сопротивленія почвы раздавливанію, съ которымъ я выступаю на смѣну прежнему и вотъ также краткій анализъ его". Послѣднюю славу—насчетъ „анализа"—позволю ужъ присвоить себѣ. Впрочемъ, г. Б. словно предчувствовалъ, что судьба надъ нимъ зло подшутитъ, что „въ интересахъ накопленія въ нашей литературѣ обильнаго матеріала (хотя бы ошибочнаго?" А. Я.) по вопросу о сопротивленіи почвы раздавливанію" (стр. 9) ему, г. Б—му, а не Шварцу, суждено будетъ присоединить вызывающія „нѣкоторыя сомнѣнія" цифры. „Я согласенъ—предусмотрительно заявляетъ г. Б.—что въ вышеописанныхъ пріемахъ „не все обстоитъ благополучно; напр., наши бумажки, песочекъ, м. б. даже гладкія стеклянныя пластинки и т. п. не составляютъ верха совершенства (!!) конструкціи иностранныхъ (!) аппаратовъ; напротивъ, многое слѣдовало бы у насъ усовершенствовать". . . (7—8).

Допускаю, что когда состоится то примиреніе агрикультурхимиковъ съ агрикультурфизиками, о которомъ мечтаетъ въ своихъ „Неурожаяхъ" г. Б.—они совмѣстно и при участіи г. Б—го доведутъ методъ послѣдняго до „верха совершенства". Но, съ точки зрѣнія метода почвенной науки этотъ технически идеально „совершенный" методъ, оперирующій въ тиши лабораторіи надъ почвеннымъ трупомъ будетъ почти столь же не идеаленъ, какъ и современный не идеальный варіантъ его, „собственнаго" г. Б—го „изобрѣтенія".

Для всякаго „докучаевца" это должно быть само собою понятно и обязательно. Оно понятно и рекомендуемому г. Б—мъ Раманну: „Опредѣленіе силы сцѣпленія почвенныхъ частицъ — говоритъ Раманнъ—имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если оно производится съ задерненной почвой" (стр. 316). И еще 80 лѣтъ тому назадъ Фёлькеръ конструи-

ровалъ довольно сложный инструментъ для опредѣленія связности почвы на полѣ—прообразъ предложеннаго недавно A. I. van Schermbeck'омъ „почвеннаго зонда". — Отмѣчу еще грубое „недоразумѣніе" г. Б—го, полагающаго, что „до сихъ поръ никто не доказалъ, что сопротивленіе почвы раздавливанію зависитъ, между прочимъ, и отъ механич. ея состава и строенія" (стр. 2). Поскольку рѣчь идетъ о лабораторныхъ опытахъ—а г. Б. только ихъ и имѣетъ въ виду—Габерландтъ еще за двадцать лѣтъ до работы г. Б—го „доказалъ" то, что нужно этому послѣднему.

VIII

Таковы „теоретическія" и „экспериментальныя" изслѣдованія г. Б—го. Въ области техническихъ с. хоз. дисциплинъ г. Б. ничѣмъ не проявилъ себя, поэтому намъ остается хотя-бы въ немногихъ словахъ познакомиться еще лишь со взглядами г. Б—го, относящимися къ с. хоз. экономикѣ. Они выражены имъ во „Вступленіи" къ „Неурожаямъ" (стр. I—XXXVIII).

„Народы западн. Европы, говоритъ г. Б., уже пытавшіеся пойти по дорогѣ, указанной имъ изъ Англіи . . . всѣ пришли, въ концѣ концовъ, къ горькому сознанію о непоправимой ошибкѣ, совершенной ими въ далекомъ прошломъ". „Промышленность всего міра съ теченіемъ времени оказалась . . . въ экономическомъ (к. г. Б — го) рабствѣ у Англіи". А нѣкоторыя „націи уже находятся теперь (какъ, напр., Италія) на пути къ полному банкротству". Если же народы зап. Европы „тѣмъ не менѣе, продолжаютъ идти по пути индивидуализма и капитализма, то ихъ влекутъ по этому пути не сознательный коммерческій разсчетъ, а неумолимая экономическая инерція и безъисходное экономическое рабство у Англіи". „Англіи поэтому суждено расти, а другимъ западно-европейскимъ націямъ—умаляться. Вотъ тотъ непреложный историческій законъ, который и намъ можетъ когда-нибудь пригодиться". Г. Б. полагаетъ именно, что современемъ „и самый пульсъ экономической жизни Европы" „долженъ будетъ перемѣстится" въ Россію. „Иными словами, Россіи предстоитъ сдѣлаться единственнымъ и притомъ непосредственнымъ (?) поставщикомъ всякихъ пищевыхъ продуктовъ и всякаго сырья. . . . такъ какъ всѣ заокеанскіе источники . . . . несомнѣнно и скоро изсякнутъ". Поэтому „Россіи, если она намѣрена слушаться уроковъ исторіи, если она не совершила

никакихъ неисправимыхъ ошибокъ, если, наконецъ, ея политическое могущество есть несомнѣнный фактъ, суждено оставаться и впредь" „вѣрною своимъ древнимъ основамъ экономической жизни" „и выполнять свои экономическія задачи самостоятельно и самобытно". Россія должна помнить о „непреложномъ законѣ" г. Б—го и ни мало не бояться якобы „непреложнаго закона" „нѣкоторыхъ" экономистовъ. Не бояться, ибо „недоказано" что измѣненія экономическаго строя во времени „носятъ характеръ односторонняго (?) непрерывнаго развитія". По мнѣнію г. Б—го, совсѣмъ напротивъ: „на пространствѣ всей экономической исторіи человѣчества можно говорить не о непрерывномъ и одностороннемъ развитіи, а лишь о превратностяхъ судьбы". „Въ области народнаго хозяйства мысль выдающихся людей вѣка никогда не развивается съ безконечною послѣдовательностью, а скорѣе колеблется подобно маятнику", „центръ" котораго „издавна составляетъ вопросъ о причинахъ и источникахъ богатства". „Вслѣдъ за этой мыслью (выдающихся людей) движутся изъ стороны въ сторону и народныя массы . . , стараясь всѣми средствами оправдать на дѣлѣ вѣрованія и упованія своихъ вождей, коль скоро послѣдніе обѣщаютъ имъ большія матеріальныя выгоды".

„Для того, чтобы сохранить свою экономическую самостоятельность—разсуждаетъ далѣе г. Б.—мы должны прежде всего обладать извѣстной долей самостоятельности и въ области науки . . . , заниматься изысканіемъ и изученіемъ разнообразныхъ научныхъ (?) основъ нашей самобытности съ надлежащими рвеніемъ и любовью къ этому дѣлу . . . , избавиться отъ привычки итти и въ этомъ отношеніи въ хвостѣ у зап.-европейскихъ народовъ. Напротивъ того, мы должны самостоятельно добывать (?) матеріалъ для научныхъ изслѣдованій нашей родины и самостоятельно же (!) изобрѣтать соотвѣтствующіе (?) методы изслѣдованія (!). Главное же, намъ необходимо выучиться пріурочивать всякое наше научное изслѣдованіе къ пользамъ и нуждамъ Россіи".— Эти же, исповѣдуемые г. Б—имъ научно политическіе и экономическіе принципы, должны быть, по его мнѣнію, положены и въ основу всего сельско-хоз. образованія. Съ г. Б—мъ, какъ профессоромъ-педагогомъ, мы знакомимся въ его брошюрѣ: „Нѣсколько мыслей о системѣ сельско-хозяйств. образованія въ Россіи" (1898). Изъ опасенія, какъ бы „и нашъ всероссійскій экономическій строй не подвергся тому же серьезному и, кто знаетъ, можетъ быть, гибельному для человѣчества (!) пере-

вороту, который постигъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи нашихъ европ. сосѣдей" — „намъ слѣдовало-бы положить себѣ за правило: по возможности твердо стоять за незыблемость тысячелѣтняго строя крестьянскаго быта и міросозерцанія и положить все лучшее изъ ихъ состава", „наилучшія этическія воззрѣнія и вытекающія изъ нихъ (?!) хозяйственныя условія русской деревни", „въ основаніе низшаго с.-хоз. образованія". По отношенію къ средней с.-хоз. школѣ г. Б. полагаетъ, что „пестроту и неустойчивость" „религіозныхъ и политическихъ убѣжденій, нравственныхъ свойствъ и вообще всего міросозерцанія" „въ средѣ частныхъ владѣльцевъ непремѣнно слѣдовало-бы принять во вниманіе при воспитаніи ихъ грядущаго поколѣнія и постараться сгладить чѣмъ нибудь встрѣчающіяся неровности для общаго блага Россіи, напр. при посредствѣ горячаго патріотизма". „Чему же слѣдуетъ обучать въ среднихъ с.-хоз. школахъ дѣтей частныхъ владѣльцевъ? Намъ кажется, что важнѣйшей задачей с.-х. школы должно служить обученіе дѣтей, на ряду съ общеобразовательными предметами, самостоятельной и разумной хозяйственной дѣятельности, основанной на началахъ гуманности и общерусскаго патріотизма". Г. Б. не имѣлъ бы ничего противъ того, чтобы „сдѣлать среднюю с.-х. школу извѣстнымъ научно-практическимъ, просвѣтительнымъ и даже административнымъ (??) центромъ для всей с.-хоз. дѣятельности губерніи или области".—Наконецъ, „высшія, такъ сказать, задачи высшаго с.-хоз. учебн. заведенія, по нашему мнѣнію, суть слѣдующія: 1) приготовлять учителей для среднихъ с.-х. школъ, а также и чиновниковъ . . .; 2) Заниматься изученіемъ всероссійскихъ и даже (!) всемірныхъ с.-хоз. экономическихъ условій (?); 3) Составлять общіе и спеціальные курсы и учебники" русскаго с. хозяйства; 4) Сношенія съ русскими и иностранными с.-х. учебн. заведеніями и „*обязательная* (к. г. Б—го) провѣрка всѣхъ важнѣйшихъ опытовъ"; 5) „Самостоятельно [опытнымъ и экспедиціоннымъ путемъ] разрѣшать техническіе и экономическіе вопросы въ области с. хозяйства" (?). Г. Б. „склоненъ былъ бы совѣтовать раздѣлить физико-математ. факультетъ" на 2 отдѣленія: математическое и . . . сельскохозяйственное, причемъ въ такой реформѣ „не видитъ никакого ущерба для развитія естествознанія", ибо ему „думается", что съ большею „пользой для науки могутъ заниматься естествознаніемъ лица, спеціально знакомыя съ сельскимъ хозяйствомъ".

IX.

Предыдущее изложеніе представляетъ достаточно матеріала для сужденія о г. Б—мъ. какъ ученомъ. Мы видѣли, каковъ онъ даже въ своемъ „праздничномъ“, такъ сказать, одѣяніи, въ своей диссертаціонной работѣ. Мы видѣли, какъ смѣло обращается онъ въ ней даже съ тѣми, кого самъ признаетъ за „первѣйшіе“ авторитеты; какъ легко онъ справляется съ „методологіей“ даже Меркера. Надо ли говорить, что „домашній костюмъ“ г. Б—го еще проще: „на своей улочкѣ храбра и курочка“...

Само собой разумѣется, что, кромѣ представленной въ факультетъ въ качествѣ диссертаціи, г. Б. не заглядывалъ ни въ одну изъ другихъ работъ „испытуемаго“. Изъ 27 страницъ составленнаго г. Б—мъ „Отзыва“ о „Педологіи“ около 11 посвящено „изложенію“ 180 стр. моей работы; на остальныхъ 16 умѣщаются — сначала въ распространенномъ видѣ, а затѣмъ еще разъ въ видѣ резюме — всѣ тѣ упреки и обвиненія по моему адресу, перечень коихъ приведенъ въ началѣ настоящей статьи.

У насъ, конечно, нѣтъ ни малѣйшаго желанія, ни нужды исправлять и реставрировать исковерканную и непонятую г. Б—мъ „Педологію“; пришлось бы процитировать здѣсь большую часть послѣдней. Достаточно будетъ, если мы остановимся только на нѣкоторыхъ н а г л я д н ы х ъ, не требующихъ особыхъ разъясне-

ній „недоразумѣніяхъ“. Послѣднія начинаются, что называется, „съ мѣста въ карьеръ“, съ изложенія „Предисловія“. „Въ предисловіи — говоритъ г. Б. — авторъ выражаетъ намѣреніе доказать необходимость выдѣленія почвовѣдѣнія изъ состава агрикультурхиміи въ самостоятельную естественно-научную отрасль — педологію. Предстоящую ему задачу“ онъ намѣренъ выполнить въ „рядѣ трудовъ, распадающихся на группы: I. педологія, какъ самостоятельная теоретическая дисциплина... II. прикладное сельско-хозяйственное почвовѣдѣніе и его мѣсто въ ряду агрономическихъ дисциплинъ“ („Отзывъ“ стр. 1). Смѣю увѣрить читателя, что въ „выдѣленіи“ чего бы то ни было „изъ состава“ съ одновременнымъ оставленіемъ въ томъ-же „составѣ“ авторъ „Педологіи“ ни мало не повиненъ. Только колоссально небрежное отношеніе къ взятому на себя дѣлу или только исключительная неспособность усвоить себѣ чужую мысль могли породить это огромное „недоразумѣніе“ г. Б—го, окрасившее собою и сразу обезцѣнившее весь его „Отзывъ“...

„Ю. Либихъ — говорится на стр. 3 „Отзыва“ — очистивъ почву отъ призраковъ, превратилъ ее (почву!) въ лабораторію для агронома“. Устами г. Б—го да медъ-бы пить! Къ сожалѣнію, Либихъ не „превратилъ“ и нигдѣ въ „Педологіи“ не сказано, что онъ „превратилъ“, а то, что въ ней сказано, похоже на какъ разъ обратное тому, что приписываетъ автору „Педологіи“ г. Б....

„Вольни Яр—въ считаетъ отраднымъ исключеніемъ въ нынѣшнемъ почвовѣдѣніи... Этого лестнаго мнѣнія о Вольни Яр. держится, какъ самъ говоритъ, вопреки отзывамъ о его (?) работахъ, представляющихъ будто-бы незначительные результаты“ (?!!). Сколь ни „лестно“, что г. Б. приписываетъ мнѣ собственное свое отношеніе къ Вольни („Неурожай“, стр. 65, 209 и др.), но въ интересахъ истины приходится отказаться отъ этой чести. На мой взглядъ, Вольни не „отрадное исключеніе“, а одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ въ пользу устанавливаемыхъ мною „правилъ“. Въ своей работѣ я столько-же мало тяготѣю къ агрикультурфизикамъ, какъ и къ агрикультурхимикамъ, между которыми не вижу никакой рѣзкой грани („Педологія“, стр. 133).

Столь-же рѣшительно долженъ отклонить отъ себя цѣлый рядъ приписываемыхъ лично мнѣ г. Б—мъ „изслѣдованій“ и „мнѣній“ („по изслѣдованіямъ Яр—ва, Тэеръ и Соссюръ...“ „по мнѣнію Яр—ва Шпренгель, а не Либихъ“; „Деви, по мнѣнію Яр—ва...“ Ср. „Отзывъ“, стр. 6—7). Полагаю, что внимательный читатель текста „Педологіи“, не игнорирующій и примѣчаній къ нему, не запо-

дозрить меня въ присваиваніи не принадлежащихъ мнѣ заслугъ.

„На стр. 80 Яр. занимается опроверженіемъ гумусовой теоріи; причемъ особенно упираетъ на то...“ и т. д. На самомъ дѣлѣ, авторъ „Педологіи“ нигдѣ въ ней не „занимается опроверженіемъ“ ни „гумусовой теоріи“, ни неподвижности земли, ни осуществимости perpetuum mobile...

„До того времени Либихъ думалъ, что корни растеній не больше, какъ трубки, которыя всасываютъ питательныя вещества прямо изъ ихъ почвенныхъ растворовъ“. Не Либихъ, а г. Б. „думалъ“, что слово „губка“ („Педологія“, стр. 104) можно замѣнить, не измѣняя смысла и не выдавая себя, рифмующимъ съ нимъ словомъ „трубка“. Онъ ошибся, но авторъ „Педологіи“ тутъ опять-таки не при чемъ.

„Яр—въ, повидимому“, полагаетъ, „что химическій анализъ почвъ можетъ служить лишь для выясненія причинъ неплодородія ихъ“. Не полагаю и у г. Б—го нѣтъ никакихъ данныхъ полагать, что я полагаю.

„П. Вагнера Яр—въ выставляетъ, какъ будто, противникомъ примѣненія химическаго анализа при опредѣленіи плодо родія почвъ“. И тутъ г. Б. „какъ будто“ говоритъ неправду.

Столь же мало истины и много ея „антитезы“ въ увѣреніи г. Б го, будто я „какъ будто не причисляю методы почвенной бактеріологіи и физической химіи къ методамъ естественно-историческаго изслѣдованія почвъ“.

Совершенно въ стилѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ слѣдующій полемическій пріемъ г. Б—го: „въ „Педологіи“ не приводится никакихъ экспериментальныхъ изслѣдованій самого г. Яр—ва: неужели онъ въ принципѣ отрицаетъ и опытъ?“ [1]).

Утвержденіе, что я обвиняю агрикультурхимиковъ въ „негодности и тунеядствѣ“, „открыто“ сомнѣваюсь „въ цѣлесообразности существованія напр. Соссюра, Бертло, Буссенго, Нобба и др.!“ — свидѣтельствуетъ лишь о склонности г. Б—го къ самымъ грубымъ передержкамъ, „произвольному изобрѣтенію терминовъ“ и явной недобросовѣстности въ отношеніи къ противнику.

Сообщенія г. Б—го, будто я пытаюсь „показать логическимъ путемъ, что современный агрикультурхимикъ, вопреки стремленію, не можетъ пользоваться при своихъ опытахъ съ удобреніемъ въ полѣ статистическимъ методомъ, такъ какъ эксперименты его большею частью (!), такъ сказать (?), однократны (?!)“: будто, далѣе, „по мнѣнію Яр ва, полевые опыты безъ примѣненія статистическаго метода въ обработкѣ ихъ цифро-

---

[1]) Послѣдняя фраза у г. Б—го заключена въ скобки.

вого матеріала (!!!) не могутъ имѣть никакого значенія" (?!)—эти сообщенія г. Б—го освѣщаютъ гораздо больше тѣ „логическіе пути", какими бредетъ онъ самъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ онъ держитъ рѣчь предъ факультетомъ.

На стр. 21 г. Б. къ „путаницѣ", на которую указывается въ „Педологіи", присоединяетъ еще свою собственную, говоритъ о „компромиссѣ" между „бóльшею эказктностью" и „меньшею экзактностью"-же, о томъ, что „по мнѣнію Яр—ва,... компромисса достигнуть не удалось..." Я могъ говорить только о невозможности того „компромисса", о которомъ велъ рѣчь.

„По мнѣнію Яр—ва, даже пытаться согласить между собою требованія научной точности (лабораторныхъ опытовъ) съ случайностями (полевыхъ опытовъ) означаетъ вращаться въ заколдованномъ кругу. Однако — возмущается г. Б., прекрасно умѣющій совмѣщать несовмѣстимое — какое право имѣетъ Яр—въ не вѣрить въ возможность (усовершенствованія агрикультурхимиками культурныхъ опытовъ?)". Конечно, то, что говорю я, совсѣмъ не то, что говоритъ г. Б., но то, что говоритъ г. Б. прекрасно передаетъ намъ, какъ онъ мыслитъ [1]).

X.

Обратимся къ возраженіямъ по существу, направленнымъ г. Б—мъ по адресу „Педологіи".

Первое возраженіе состоитъ въ утвержденіи г. Б—го, что „естественно-историческое почвовѣдѣніе, въ качествѣ особой научной дисциплины, уже давно существуетъ; оно уже давно служитъ предметомъ академическихъ лекцій въ нѣкоторыхъ (?) высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ заграницей, такъ и у насъ. Заграницей представители его — Фаллу, Ортъ, Лоренцъ и др. (?). „У насъ... прочное начало положилъ... Докучаевъ", а Сибирцевъ (геологъ) недавно еще издалъ „курсъ" лекцій по естественно-историческому почвовѣдѣнію. „Ярилову могутъ замѣтить, что почва уже давнымъ давно — по Ярилову (sic!) даже съ 60-хъ годовъ — изучается сама по себѣ, т. е. съ естественно-исторической точки зрѣнія, а именно, особой группой ученыхъ, педологовъ или почвовѣдовъ, какъ заграницей, такъ и у насъ" [2]). „Такимъ образомъ надобность въ нарочитомъ обновленіи raison d'être самостоятельнаго почвовѣдѣнія не представляется, какъ видитъ читатель, неотлож-

[1]) Въ послѣдней цитатѣ скобки принадлежатъ мнѣ, у г. Б—го ихъ нѣтъ.
[2]) Поставленная между тире фраза у г. Б—го заключена въ скобки.

ной (?)". Въ концѣ „Отзыва" приведенное возраженіе еще разъ резюмируется г. Б—мъ такъ: „Необходимость выдѣленія ученія о почвѣ въ особую естественно-научную дисциплину недостаточно обоснована (!?). Единственной причиной... выставляется недостаточность знаній о почвѣ агрикультурхимиковъ. Будущее же новой науки о почвѣ, ея цѣли, задачи, польза... все это у Яр ва" невыяснено. Итакъ, необходимость выдѣленія въ настоящій моментъ уже „давнымъ давно" выдѣленной науки „недостаточно обоснована" и пока „не представляется неотложной"; новая наука очень стара, но „цѣли, задачи, польза отъ нея" и послѣ чтенія „Педологіи" продолжали оставаться для г. Б—го неясными.

Во всемъ этомъ букетѣ недоразумѣній вѣрно лишь то, что 50 лѣтъ тому назадъ Фаллу „пытался - какъ онъ самъ выражается — поднять почвовѣдѣніе до степени самостоятельной науки". Но этотъ „первый опытъ" оставался въ то же время и послѣднимъ - вплоть до Докучаева и Сибирцева. Покойный Н. М. дѣйствительно издалъ какъ извѣстно — курсъ своихъ лекцій въ Ново-Александрійскомъ Институтѣ, гдѣ имѣется единственная, „какъ заграницей, такъ и у насъ", каѳедра почвовѣдѣнія, какъ самостоятельной естественно-научной дисциплины. Уже одно то обстоятельство, что эта каѳедра замѣщается геологами и пріурочена къ спеціальному сельско-хозяйственному институту, а не занимаетъ равноправнаго съ остальными естественно-научными дисциплинами мѣста въ ряду каѳедръ физико-математическаго факультета университетовъ - достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о „прочности" положенія почвенной науки даже у насъ, на родинѣ В. В. Докучаева. Относительно „заграницы" и говорить нечего. Если бы г. Б. былъ хотя сколько-нибудь оріентированъ въ вопросахъ своей „спеціальности", онъ зналъ бы, что вся, безъ изъятія, литература запада — академическая, журнальная, учебниковъ, курсовъ, компендіумовъ и т. д. — причисляетъ почвовѣдѣніе либо къ вѣдомству агрономовъ и лѣсоводовъ, либо къ области геологовъ, либо, наконецъ, отдаетъ его въ вѣдѣніе культуртехниковъ; за самостоятельную естественно-научную дисциплину, вопреки легкомысленному утвержденію г. Б—го, никто почвововѣдѣнія не признаетъ. Ссылка г. Б—го на Орта и Лоренца удачна не болѣе, чѣмъ на любого изъ другихъ нѣмецкихъ агрономовъ и геологовъ. Объ Ортѣ г. Б. могъ узнать изъ разбираемой имъ книги, что онъ (Ортъ) „высказывался за выдѣленіе почвовѣдѣнія въ самостоятельную отрасль агрономіи" („Педологія", стр. 26). Послѣднихъ двухъ словъ г. Б.

не дочиталъ. Что же касается Лоренца, то его онъ, очевидно, и вовсе не читалъ! Лоренцъ ф. Либурнау составилъ свой курсъ „для потребностей сельскихъ хозяевъ и лѣсоводовъ" — какъ значится въ самомъ оглавленіи его „Die geologischen Verhältnisse von Grund und Boden". Авторъ самъ относитъ свою работу къ области прикладной или, даже точнѣе, „приспособленной (zugestutzte) науки" и дѣлитъ ее на два отдѣла: 1) сжатый обзоръ основныхъ ученій геологіи и 2) приложеніе геологіи къ агрономіи".

Какъ самостоятельная естественно-научная дисциплина о землѣ, педологія можетъ быть построена только на основѣ тѣхъ принциповъ, которые выработаны русскимъ почвовѣдѣніемъ; только это послѣднее научилось разсматривать почву какъ совершенно особое, оригинальное образованіе природы, подчиняющееся своимъ собственнымъ законамъ образованія, развитія и распространенія. На западѣ такой взглядъ на почву пока еще совершенно отсутствуетъ, отсутствуетъ поэтому и изученіе почвы „самой по себѣ". Тамъ есть, правда, „педологи", „педологическіе бюро, кабинеты, лабораторіи", „педологическія коллекціи", „педологическія карты" — короче, есть слово „педологія", но „педологіи, какъ самостоятельной естественно-научной дисциплины о землѣ" — нѣтъ. Пишущему настоящія строки довелось въ трехъ изъ „нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній" слушать „академическія лекціи по естественно-научному почвовѣдѣнію" — въ Дерптѣ Лемберга, въ Лейпцигѣ Саксе и въ Мюнхенѣ Раманна; это было три совершенно различныхъ курса почвовѣдѣнія, составленныхъ химикомъ-геологомъ, агрикультурхимикомъ и химикомъ-лѣсоводомъ. Всѣмъ имъ, въ особенности Лембергу, я очень многимъ обязанъ, но „педологіи" они меня не научили. Даже въ глазахъ Раманна, получившаго сильную прививку русскаго почвовѣдѣнія, почва все еще остается Берендтовской „корой вывѣтриванія", отъ которой близокъ былъ уже Фаллу [1]). Къ сожалѣнію, и у насъ, въ Россіи, почвовѣдѣнію все еще приходится вести борьбу за свое существованіе; гг. Бѣлецкіе полагаютъ, что педологія „или геологическое изученіе почвы" относится къ агрологіи, т. е. сельско-хозяйственному почвовѣдѣнію, „какъ часть къ цѣлому" (ср. „Педологія", стр. 21); гг. Набоковыхъ приглашаютъ русскихъ вернуться къ „западно-европейской точкѣ зрѣнія" на почву; гг. Богушевскіе творятъ новыя естественно-историческія

[1]) Мнѣ неоднократно уже приходилось въ особыхъ статьяхъ трактовать затронутые въ текстѣ вопросы. Ср. „Почвовѣдѣніе". 1901, № 2; 1902, № 1; 1903, № 1 и 4; „Землевѣдѣніе". 1901; 1903; „Хозяинъ" 1903; ср. также только что вышедшую вторую часть „Педологія".

тѣла природы" и различаютъ среди почвъ „садовыя", „торфъ моховой и пр.[1]), уличаютъ „нашихъ почвенниковъ", что имъ во многихъ отношеніяхъ не удалось достигнуть и того немногаго, что сдѣлано ихъ коллегами въ Зап. Европѣ": „наши почвенники не присмотрѣлись ближе къ нѣкоторымъ (!) работамъ Вольни" и т. д.[2])

Слѣдуетъ отмѣтить далѣе, что и въ средѣ самихъ русскихъ почвовѣдовъ не установилось еще полнаго единомыслія; одни изъ нихъ склонны причислять почвовѣдѣніе къ геологіи, другіе къ географіи, третьи къ біологіи... „Прочное начало" педологіи, какъ самостоятельной теоретической наукѣ о землѣ, будетъ положено только тогда, когда ея судьба и дальнѣйшее развитіе будетъ находиться въ рукахъ ея собственныхъ спеціалистовъ, когда она займетъ свое мѣсто въ ряду академическихъ естественно-научныхъ дисциплинъ, когда въ ея распоряженіи будутъ всѣ необходимыя средства для планомѣрной систематической работы. „Для естественныхъ наукъ, какъ прекрасно замѣчаетъ проф. Вернадскій, важно не одно только выдѣленіе новой научной дисциплины, важно признаніе этого факта въ общемъ сознаніи. Только оно дастъ необходимыя средства для созданія незамѣнимыхъ орудій научнаго прогресса, лабораторій и музеевъ. Такія учрежденія служатъ центрами, обезпечивающими непрерывно развитіе науки, создаютъ возможность научныхъ традицій и школъ" („Научное Слово", 1904 г.).

Для г. Б—го все это вопросы „неотложные", что ему Гекуба, что онъ ей, that he should weep for her?...

Впрочемъ, не совсѣмъ такъ; у г. Б—го есть свой взглядъ на то, чего недостаетъ естественно-научному почвовѣдѣнію. „Если чего приходится желать въ отношеніи названнаго почвовѣдѣнія, то:

либо тщательнаго изученія уже накопленныхъ въ немъ въ изобиліи занятій,

либо новой разработки неразрѣшенныхъ задачъ.

—

[1]) На стр. XXVII диссертаціи г. Б—го имѣется слѣдующее въ высокой степени замѣчательное примѣчаніе: „Въ Зап. Европѣ очень часты почвы лишенныя отъ природы одного или нѣсколькихъ питательныхъ для растеній веществъ, (это) такъ называемыя (?) „почвы вывѣтриванія" или (?) „перемытыя" (по классиф. Докучаева). Поэтому почвы такого происхожденія уже a priori (?) не могутъ самостоятельно давать... удовлетворительныхъ урожаевъ".

[2]) Со взглядами на почвовѣдѣніе нашихъ академическихъ сферъ знакомятъ насъ отзывы шести университетовъ по вопросу объ учрежденіи кафедры почвовѣдѣнія. Съ этими любопытными отзывами мы надѣемся впослѣдствіи познакомить читателя. Ред.

либо, наконецъ, появленіе новаго солиднаго курса почвовѣдѣнія на русскомъ языкѣ.

Признаемся, прибавляетъ г. Б., мы ожидали отъ г. Яр—ва научнаго труда именно въ указанныхъ „сейчасъ рамкахъ". Г. Б. надѣялся, „разумѣется, что нашъ авторъ прежде всего добросовѣстно и въ истинномъ свѣтѣ представитъ намъ полную картину развитія агрикультурхиміи".

„Къ сожалѣнію, мы ошиблись"—констатируетъ г. Б. „Приводимый въ сочиненіи г. Яр—ва обзоръ агрикультурхиміи способенъ ввести въ заблужденіе читателя неспеціалиста (напр., учащагося) относительно истиннаго хода развитія означенной отрасли знанія и въ частности относительно безспорно научной дѣятельности самыхъ выдающихся ученыхъ". Читатель „Педологіи"—повторяетъ г. Б. въ другомъ мѣстѣ „отзыва"—„лишается возможности вынести свое собственное сужденіе объ истинномъ положеніи почвовѣдѣнія у агрикультурхимиковъ.

Таково второе самое главное обвиненіе г. Б—го: „неистинность" освѣщенія трактуемыхъ въ „Педологіи" вопросовъ.

Что есть „истина" г. Б—го?

И въ самомъ „Отзывѣ" о диссертаціи, и въ остальныхъ трудахъ его содержится большое количество матеріала, дающаго въ совокупности своей исчерпывающій отвѣтъ на поставленный вопросъ. Въ особенности важна въ этомъ отношеніи диссертація г. Б—го. Посвященная политикѣ и экономіи часть ея („вступленіе") ставитъ своею цѣлью дать „читателю нѣкоторое представленіе объ истинномъ ходѣ экономической исторіи Зап. Европы" (стр. IV), а остальная часть диссертаціи представляетъ изъ себя „детальнѣйшее научное изслѣдованіе истинныхъ причинъ истощенія земель" (стр. XXXIII); г. Б—му удается, по его словамъ, установить тутъ хотя „конечно, не непосредственную связь" между „химическимъ составомъ почвы и урожаями растеній на ней", „но зато—истинную" (стр. 213).

Итакъ, въ чемъ же состоитъ „истина" науки г. Б—го?

„Истинная" научная работа должна опираться исключительно лишь на такіе неопровержимо-„экзактные" доводы, какъ: „кажется", „намъ кажется", „какъ кажется", „какъ намъ кажется", „намъ, по крайней мѣрѣ, кажется", „намъ же, напротивъ, кажется", „намъ кажется однако", „намъ опять-таки кажется", „тѣмъ не менѣе намъ кажется едва ли" („Неурожаи", стр. 201—209); „сомнительно", „невольно является сомнѣніе", „у насъ рождается сомнѣніе", „мы склонны сомнѣваться" (не черезчуръ-ли ужъ много „сомнѣній" для одной 87-й страницы? Яр.); „мы ду-

маемъ", „намъ представляется", „по нашему мнѣнію", „мы невольно останавливаемся на предположеніи", „напротивъ того, слѣдуетъ предполагать... повидимому", „невольно является вопросъ", „только допустивъ", „съ своей стороны, мы должны замѣтить", „отсюда не трудно вывести заключеніе", „нельзя-ли какъ-нибудь вполнѣ наглядно доказать", „нельзя-ли доказать какъ-нибудь", „а напротивъ того..." и т. п., и т. д.

Говоря словами проф. Богданова, г. Б. „только исповѣдываетъ только свое credo, но не можетъ привести въ сущности ни одного довода"; онъ не даетъ „никакихъ экспериментальныхъ доказательствъ въ пользу взглядовъ, защищаемыхъ" имъ; прежде чѣмъ осуждать агрикультурхимію, ему (г. Б—му) слѣдовало-бы добыть несомнѣнныя опытныя данныя въ пользу агрикультурфизики"; „прежде всего бросается въ глаза сопоставленіе имъ (г. Б—мъ) строго научныхъ работъ съ простыми заявленіями, мнѣніями, взглядами отдѣльныхъ лицъ... Нельзя-же ставить на одну доску научныя изслѣдованія Меркера или даже (?) И. Вагнера, также обоснованныя на статистическомъ методѣ изслѣдованія проф. Фортунатова съ высказаннымъ въ печати или въ бесѣдахъ В. Эк. Общ. мнѣніями, напр., г. Дедюлина... (или) земледѣльца г. Хвостова" („С. Хоз. и Лѣс." 1902, № 4, стр. 74—75).

Все это не мѣшаетъ, однако, „истинной наукѣ" отъ своихъ противниковъ требовать „самостоятельныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій..., по которымъ можно было-бы судить о его (противника) правѣ на критическое отношеніе къ опытнымъ изслѣдованіямъ другихъ" („Отзывъ", стр. 28); не мѣшаетъ поучать другихъ, что „въ естествознаніи безъ производства опытовъ невозможно правильное рѣшеніе многихъ вопросовъ жизни" (!) (стр. 19); не мѣшаетъ находить въ чужой работѣ „огульность" и „голословность"...

„Истинная" научная работа должна быть, далѣе, всесторонней, объективной, безъ предвзятостей и увлеченій. Г. Б. возмущается „крайне одностороннимъ освѣщеніемъ", „укоренившимся въ средѣ ученыхъ сельскихъ хозяевъ", согласно которому „А. Юнгъ, А. Тэеръ и др. знаменитые агрономы, содѣйствуя развитію науки сельскаго хозяйства", будто-бы „не принесли ни малѣйшаго вреда самому хозяйству народовъ... Часто вовсе не нужно дѣлать никакихъ историческихъ открытій (!!) для того, чтобы доказать неосновательность такихъ взглядовъ" — прибавляетъ г. Б. („Неурожаи", IV). Ко всякимъ уклоненіямъ отъ указанныхъ требованій „истинности" къ г. Б. поразительно чувствителенъ и отмѣнно строгъ. Уже въ „Предисловіи" „Педологіи", гдѣ кромѣ программы намѣченныхъ ра-

ботъ и ряда благодарностей ничего нѣтъ, опытный глазъ г. Б—го подмѣтилъ „проскользнувшую... тенденцію односторонняго разоблаченія и подчеркиванія недостатковъ агрикультурхимиковъ“. Автору „Педологіи“ жестоко достается и за „увлеченіе“, и за „предвзятость“, и за „большею частью односторонне подобранныя выдержки“, и за то, что „отзывы болѣе или менѣе благопріятные... большею частью игнорируются или дескредитируются, вслѣдствіе якобы неосновательности“.

Сколь далеко отстоитъ „истинная наука“ отъ просто науки, свидѣтельствуютъ слѣдующіе отзывы о первой представителя второй, проф. Богданова. „Главный недостатокъ“ диссертаціи г. Б—го составляютъ, по словамъ С. М. Богданова, „предвзятыя мнѣнія по вопросамъ, которые еще должны подвергнуться изслѣдованію. Подъ извѣстную теорію (??) подгоняются факты, которые, вслѣдствіе полнаго отсутствія объективности, часто получаютъ совершенно искусственное освѣщеніе и, познакомившись съ работою г. Б—го, рѣшительно нельзя составить такого же (какъ онъ самъ) взгляда на разбираемые имъ вопросы“. Агрикультурхимія „на каждомъ шагу заподозрѣвается имъ въ неправильныхъ выводахъ, въ недостаткахъ методовъ, въ преувеличеніяхъ, и представители химическаго направленія обвиняются въ односторонности, въ пристрастіи“. „Иронія выдаетъ то раздраженіе, которое испытываетъ“ г. Б. „уже отъ одного только желанія изслѣдователя быть объективнымъ и, не увлекаясь никакими теоріями, поставить научное изслѣдованіе достаточно широко и разносторонне“. Проф. Богдановъ усматриваетъ у г. Б—го „неосновательное увлеченіе агрикультурфизикой“ и полагаетъ, что оно „еще болѣе уродливое явленіе, чѣмъ увлеченіе одной агрикультурхиміей“. „Увлекаясь безъ достаточныхъ основаній агрикультурфизикой, легко можно допустить большія несправедливости въ отношеніи къ оцѣнкѣ работъ представителей химической школы въ почвовѣдѣніи, какъ это и дѣлаетъ“ г. Б. „Такихъ несправедливостей (въ диссертаціи г. Б—го) очень много“. (Тамъ-же, стр. 53, 70, 71, 73, 75, 77, 80).

„Истинно научный“ трудъ не требуетъ никакого другого матеріала, кромѣ энциклопедическаго словаря, реферирующаго журнала и нѣсколькихъ страницъ изъ 2—3 книжекъ; обращеніе къ подлинникамъ излишне, хотя-бы они были тутъ-же, подъ рукою у автора „истинно научнаго“ труда. Изъ реферирующихъ жур-

наловъ предпочтительнѣе тотъ, гдѣ рефераты короче; поэтому даже агрикультурфизикъ (г. Б. — по его собственному и проф. Богданова мнѣнію) долженъ прибѣгать не къ агрикультурфизическому журналу („Forschungen" Вольни), а къ враждебному ему, но болѣе „гуманному" въ отношеніи читателя „Centralblatt f. Agriculturchemie". Такъ какъ въ реферирующемъ журналѣ излагаются, обыкновенно, лишь результаты тѣхъ или другихъ опытовъ, безъ подробнаго описанія условій, при которыхъ они производились, то „истинно научный" трудъ принципіально отказывается отъ сколько-нибудь основательной оцѣнки достоинствъ и недостатковъ опыта.

Но, конечно, все сказанное не отнимаетъ у автора такого труда права упрекать другихъ въ „бѣдности матеріала"; не отнимаетъ права, на ряду съ отказомъ отъ „претензіи на полноту литературныхъ данныхъ", рекомендовать свой „истинно научный" трудъ въ качествѣ „детальнѣйшаго научнаго изслѣдованія истинныхъ причинъ истощенія земель"; не мѣшаетъ „исправлять (!!) невѣроятные" выводы П. Вагнера (!); брать на себя роль „судьи" (!) и „мирить между собою" различныхъ изслѣдователей („Неурожаи" XXXIII, XXXVI, 93, 205—206) и т. д., и т. д.

„Истинная наука" г. Б—го не различаетъ метода научной разработки вопроса отъ метода (способа) производства той или другой технической манипуляціи и потому полагаетъ, что „историко-методологическое изслѣдованіе" должно описывать всѣ методы (способы) производства полевыхъ, ящечныхъ, горшечныхъ и пр. опытовъ. Сопоставленіе стр. 20 „Отзыва" съ 28-й „Неурожаевъ" показываетъ, что „истинная наука" „естественно-научный методъ" противоставляетъ „опытному" (??) и считаетъ его „одностороннимъ"... На примѣрѣ „экспериментальнаго" труда „о методѣ изслѣдованія сопротивленія почвы раздавливанію" мы имѣли уже случай видѣть, какъ „истинная наука" сама рѣшаетъ положительные вопросы методологіи, а на примѣрѣ „методологической" критики Меркера — какъ понимаетъ она критику чужихъ „методовъ". Если бы „наука" гг. Б—хъ могла уяснить себѣ, что по методу разработки научныхъ вопросовъ русскіе почвовѣды стоятъ много выше „заграничныхъ" она должна была бы отнестись съ гораздо большимъ уваженіемъ къ „русскимъ почвенникамъ" и не имъ ставить въ примѣръ Вольни и агрикультурниковъ, а наоборотъ.

Для „истинной науки" не требуется понимать критикуемыхъ, обсуждаемыхъ и цитируемыхъ ею авторовъ; ей не нужно уяснять себѣ задачъ, методы и конструкціи такъ или иначе утилизируемыхъ ею чужихъ трудовъ. И это понятно: не все ли равно,

что „кажется“ и по какому поводу „представляется сомнительнымъ“. Если-бы г. Б—ій какъ-нибудь иначе — все равно, правильно или неправильно—понялъ Меркера, ему, быть можетъ, померещилось-бы что-нибудь другое, не „періодичность“, напримѣръ; но чѣмъ это новое было бы лучше? Если-бъ г. Б. понялъ, что „Педологія“ не отнимаетъ у агрономіи сельско-хозяйственнаго почвовѣдѣнія; если-бъ г. Б. понялъ что задачи I части „Педологіи“ показать лишь невозможность нормальнаго развитія какъ теоретическаго почвовѣдѣнія, такъ и агрономіи до тѣхъ поръ, пока патентъ на научную разработку перваго будетъ оставаться въ рукахъ послѣдней; если-бы г. Б. понялъ, что „Педологія“, несмотря на ея теоретическій характеръ, безконечно „экспериментальнѣе“ собственныхъ г. Б—го „экспериментальныхъ“ трудовъ; если-бы... да развѣ и тогда покинули бы г. Б—го его „видѣнія“ и „сомнѣнія“?

Даже въ своей собственной работѣ г. Б. чувствуетъ себя какъ въ лѣсу; поэтому онъ впадаетъ „въ противорѣчія съ самимъ собою“, поэтому излагаемые имъ „факты на самомъ дѣлѣ заставляютъ придти къ заключеніямъ прямо противоположнымъ“. (С. М. Богдановъ, тамъ-же, стр. 53, 82). Это не препятствуетъ внушать автору „Педологіи“, что ему „слѣдовало-бы вообще поподробнѣе вникнуть“, Меркеру, что и ему „слѣдовало бы вникнуть въ самую сущность“, русскимъ почвенникамъ, что и имъ слѣдовало бы „присмотрѣться поближе“...

„Истинная наука“ позволяетъ разрушать до основанія „всѣ господствующія теоріи“ и установившіеся въ наукѣ взгляды, стирать съ лица земли „первѣйшіе авторитеты“, не препятствуя въ тоже время не только, гдѣ надо, опираться на разрушенное и съ лица земли стертое, но и громко вопить о потрясеніи основъ другими; когда ей надо она утверждаетъ, когда требуется—отрицаетъ утверждаемое. Такимъ путемъ „истинная наука“, и не прибѣгая къ опытному доказательству, „не дѣлая никакихъ — историческихъ открытій“, не нуждаясь въ знакомствѣ съ литературой предмета, „легко приходитъ“ къ какимъ угодно рѣшеніямъ, теоріямъ и взглядамъ.

Отрицая, „истинная наука“ превращается въ чистѣйшей воды нигилиста, ибо не оставляетъ камня на камнѣ. Посмотрите, напр., что она дѣлаетъ съ агрикультурхимикомъ. Главные устои послѣдняго минеральная теорія, вообще, и законъ минимума, въ частности. „Едва-ли можно думать, что минеральная теорія — отрицаетъ „истинная наука“ даетъ представленіе объ истинномъ... способѣ питанія растеній“ („Отзывъ“, стр. 7—8). „Такъ, назыв., законъ минимума... отнюдь не имѣетъ того абсо-

лютнаго (?) значенія... какое ему придается". „Агрикультурхимики пользуются имъ черезъ-чуръ широко... и притомъ безъ достаточныхъ основаній. Въ дѣйствительности ихъ (курсивъ г. Б—го) законъ минимума имѣлъ-бы значеніе въ растеніеводствѣ", если-бы въ природѣ существовалъ рядъ такихъ условій, которыхъ „разумѣется, нѣтъ и быть не можетъ" („Неурожаи", 71—72). „Истинною наукою" отметается, признается негоднымъ безчисленное количество работъ—и статиковъ, и агрикультурхимиковъ—построенныхъ на предположеніи, отвергаемомъ теперь г. Б—мъ, что между потерей почвою питательныхъ веществъ и неурожаями есть будто-бы прямая причинная связь. „Потеря почвою питательныхъ веществъ сама по себѣ, а неурожаи—сами по себѣ", декретируетъ г. Б. (стр. 70).

Отрицаніемъ „среднихъ нормъ Вольфа" снова цѣлый сонмъ работъ какъ статиковъ, такъ и агрикультурхимиковъ объявляется „ничтожнымъ", напраснымъ... Далѣе, и „о дѣйствительномъ" (курсивъ г. Б—го) отношеніи растеній къ искусственнымъ удобреніямъ, „къ чему такъ давно стремятся агрикультурхимики" нельзя, по мнѣнію г. Б—го, судить на основаніи всего имѣющаго у послѣднихъ матеріала. „Полевые опыты Дрекслера, Ж. Билля, Либшера и многихъ ихъ последователей, вызывая постоянныя сомнѣнія въ наукѣ, не имѣли почти никакого значенія и въ с.-хоз. практикѣ". На стр. 92 говорится объ „очевидной безполезности для с.-хоз. практики, равно какъ и для науки, опытовъ съ удобреніями, производимыхъ въ полѣ" и о ихъ „крайней громоздкости и дороговизнѣ". Съ другой стороны, г. Б. „совершенно отвергаетъ... даже косвенное значеніе вегетаціонныхъ опытовъ въ сосудахъ". (С. М. Богдановъ, стр. 81). Результаты опытовъ въ сосудахъ не могутъ, по мнѣнію г. Б—го служить ни для уясненія потребностей растеній въ удобреніи, ни для анализа почвъ посредствомъ растеній" („Неурожаи", 208). Наконецъ, химическій анализъ, въ свою очередь, оказывается тоже недостаточнымъ для сужденія даже о неурожайности почвы (стр. 70).

Агрикультурфизика, во имя которой отрицается агрикультурхимія, находится, однако, въ еще болѣе печальномъ положеніи. По свидѣтельству г. Б—го, она еще „далеко менѣе разработана", чѣмъ агрикультурхимія. „Такъ, напр., методы физическаго изслѣдованія почвъ совсѣмъ не отличаются необходимымъ совершенствомъ, въ смыслѣ безыскусственности (?) и близости къ природѣ (!)". Г. Б. своимъ „методомъ сопротивленія почвъ раздавливанію" блестящимъ образомъ доказалъ это. Немудрено, поэтому, что агрикультурфизика не пользуется „никакимъ успѣхомъ".

Виновными въ отсталости агрикультурфизики оказываются, однако, не представители этой дисциплины, какъ могъ бы подумать наивный читатель, а все тѣ-же агрикультурхимики.

Они, эти послѣдніе, виноваты въ томъ, что у насъ нѣтъ сколько-нибудь ясныхъ представленій ни о вліяніи на почву и ея структуру самихъ растеній, ни о вліяніи удобреній, ни о вліяніи механической обработки, ни о связи между физикой почвы и урожаями, ни объ отношеніяхъ между химическимъ составомъ и физическими свойствами почвъ; они виноваты въ томъ, что „къ всестороннему изученію физическихъ свойствъ почвъ" вниманіе агрономовъ в с е б о л ѣ е и б о л ѣ е о с л а б ѣ в а е т ъ".

Должно быть, ихъ же, агрикультурхимиковъ, слѣдуетъ винить и за то, что е щ е и в ъ н а ш и д н и „излюбленные аргументы, украденные" у народной мудрости, замѣняютъ въ агрономіи научныя основанія (стр. 62, 73, 74, 202, 203 и др.).

Послѣ этого вполнѣ понятно, что г. Б. находитъ поведеніе агрикультурхимиковъ неправильнымъ и не цѣлесообразнымъ, а выводы ихъ считаетъ для себя н е о б я з а т е л ь н ы м и (стр. 99, 100).

По отношенію къ практикѣ сельскаго хозяйства агрикультурхимики обвиняются в ъ в о в л е ч е н і и с е л ь с к и х ъ х о з я е в ъ в ъ н е в ы г о д н у ю с д ѣ л к у, въ результатѣ которой являются „м н о г о м и л л і о н н ы я з а т р а т ы" на не только безполезное, но прямо таки вредное „искусственное удобреніе полей" (стр. 61—62, 92, 94 и др.).

Изъ отдѣльныхъ агрикультурхимиковъ въ особенности достается П. Вагнеру—еще гораздо больше, чѣмъ Меркеру. Онъ, Вагнеръ, помѣшалъ, оказывается, примиренію агрикультурхимиковъ съ агрикультурфизиками; онъ „еще сильнѣе" прикрѣпилъ практиковъ-земледѣльцевъ къ „заводчикамъ минеральныхъ удобреній"; выводы Вагнера изъ его о п ы т о в ъ настолько „н е в ѣ р о я т н ы", что г. Б. принужденъ г о л ы м и руками „исправлять" (!!) ихъ! и т. д.

Выше мы уже приводили указанія проф. Богданова на „несправедливое" отношеніе г. Б—го къ агрикультурхимикамъ. Въ отношеніи къ Вагнеровскому культурному методу г. Б. поступаетъ, по мнѣнію проф. Богданова, „не правильно, потому что, во-первыхъ, его (метода) особенности изображаетъ неправильно и, во-вторыхъ, объясненія даетъ существующимъ явленіямъ несоотвѣтствующія" (тамъ-же, стр. 83).

Вся диссертація г. Б—го полна несправедливыхъ упрековъ и клеветы на агрикультурхимиковъ. Возьмите для примѣра страницы 31—50: на стр. 34 и 35 потерпѣвшими оказываются Лоозъ и Гильбертъ, на стр. 35, кромѣ того, еще Рейзе, Вилль, Буссенго,

на стр. 36 опять Лоозъ и Гильбертъ, на стр. 37—Дегеренъ, на стр. 40—Дегеренъ, на стр. 41—Дегеренъ, на стр. 43—Prevost и Роусонъ, на стр. 45 Пелле и Вильморенъ, на стр. 50 Вольни...

Въ „Отзывѣ" г. Б. круто мѣняетъ свой фронтъ и выступаетъ неожиданнымъ защитникомъ обиженныхъ мною агрикультурхимиковъ. По его словамъ, „Педологія" представляетъ „почти сплошное порицаніе опытныхъ работъ агрикультурхимиковъ", съ „одностороннимъ разоблаченіемъ и подчеркиваніемъ недостатковъ", съ „замалчиваніемъ заслугъ". Ни въ какія дальнѣйшія объясненія по существу г. Б. не входитъ и никакихъ опредѣленныхъ ссылокъ на страницы „Педологіи" не дѣлаетъ. Для цѣлей, преслѣдуемыхъ „истинной наукой", это и не нужно. „Истинная наука" стремится лишь „всѣми силами не признавать" ничего хорошаго, ничего вѣрнаго, „истиннаго", научнаго въ работѣ противника. Поэтому, если послѣдній не совсѣмъ одобрительно отзывается объ агрикультурхимикѣ, „истинная наука" съ жаромъ вступается за агрикультурхимика, возноситъ его, отречется отъ всего, что недавно еще сама о немъ говорила, приписываетъ даже завѣдомо непринадлежащія агрикультурхимику заслуги (агрикультурхимикъ, какъ предтеча ботаника-физіолога! „Отзывъ", стр. 23).

Что дѣло тутъ не въ агрикультурхимикѣ самомъ по себѣ показываетъ отношеніе къ агрикультурхимику Ад. Майеру, на котораго, по словамъ г. Б—го, авторъ „Педологіи" „особенно" опирается въ своихъ нападкахъ на другихъ агрикультурхимиковъ; за это „почвовѣдѣніе" Ад. Майера объявляется „едва-ли не самымъ слабымъ сочиненіемъ изъ всего курса агрикультурхиміи и далеко ниже стоитъ даже въ послѣднемъ изданіи" учебника Детмера 1876 (!?) года, съ которымъ „можетъ соперничать развѣ извѣстный курсъ Раммана". Изъ примѣчаній узнаемъ, что г. Б. „послѣдняго изданія" Майера не знаетъ, такъ какъ ссылается на предпослѣднее (1895 г.), что онъ и по-нѣмецки фамилію протежируемаго имъ въ данный моментъ Раманна пишетъ—какъ и по-русски—неправильно.

Допустимъ, что — съ только что отмѣченными оговорками — не г. Б., а авторъ „Педологіи" утверждалъ-бы все указанное въ послѣднихъ цитатахъ. Тогда „истинная наука", предполагая, что она смогла-бы это сдѣлать — доложила-бы г.г. членамъ факультета, что утвержденіе относительно „почвовѣдѣнія" Майера голословно, ни на чемъ не основано; противъ него — авторитеты Вольни, Крафта, Томса и др. „первѣйшихъ" агрикультурхимиковъ и агрикультурфизиковъ, съ неизмѣннымъ удовольствіемъ встрѣчавшихъ и привѣтствовавшихъ каждое новое изданіе лекцій Майера; противъ него то обстоятельство, что за 30-лѣтіе съ

1871 г. успѣло выйти цѣлыхъ пять изданій Майера, тогда какъ 2-е изд. Раманна появилось въ переработанномъ видѣ—только на дняхъ, т. е. черезъ 12 лѣтъ. А развѣ „истинная наука“ не указала бы на заглавіе книги Раманна, предупреждающее, что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ сельско-хозяйственнымъ, а съ „лѣсоводственнымъ“ почвовѣдѣніемъ? А развѣ „истинная наука“ не „отвела“ бы Раманна, какъ не настоящаго агрикультурхимика, не характернаго представителя западноевропейской науки, въ значительной степени испытавшаго на себѣ вліяніе русской школы почвовѣдовъ? Въ подкрѣпленіе могла быть приведена соотвѣтствующая ссылка на г. Набокихъ. А развѣ „истинная наука“ не указала-бы на то, что со времени выхода въ свѣтъ учебника Детмера—за послѣднее 25–30-лѣтіе—наука агрикультурхимика ушла далеко впередъ; при этомъ „истинная наука“ не преминула-бы, конечно, въ благородномъ негодованіи воскликнуть: „какое основаніе имѣетъ Яр—въ не вѣрить“ въ прогрессъ агрикультурхиміи!..

Изъ всѣхъ „обиженныхъ“ мною агрикультурхимиковъ спеціальной защиты г. Б—го удостоился одинъ только проф. Томсъ. „Справедливость требуетъ указать, что критика работъ Томса (стр. 167—237) вышла (!) у Яр—ва наиболѣе обстоятельной изъ всѣхъ его критикъ“. Въ виду этого, очевидно, и г. Б. своей антикритикѣ отводитъ цѣлыхъ 2 страницы „Отзыва“. Здѣсь „истинной наукѣ“ предстояло справиться съ наиболѣе трудной задачей: съ одной стороны, Томсъ—обижаемый мною агрикультурхимикъ и, стало быть, требуетъ защиты; но, съ другой стороны, „критика работъ Томса наиболѣе обстоятельна“ и возразить на нее по существу „истинная наука“ не въ состояніи—стало быть, надо умалить цѣнность Томса какъ агрикультурхимика: конечно, онъ агрикультурхимикъ, но не изъ очень важныхъ...

И вотъ, изъ защитительной рѣчи г. Б—го узнаемъ, что Томсъ „хотя и отличался иногда... болѣзненнымъ самолюбіемъ и самомнѣніемъ, однако“ это „хоть отчасти уравновѣшивалось (?!) его многолѣтними и несовсѣмъ безплодными, какъ думаетъ (?) Яр—въ, трудами въ своей области. Такъ, Томсъ, на основаніи многочисленныхъ анализовъ... приходитъ къ выводу, положимъ, не новому, но... весьма важному“ и т. д. „Ободряемый неоднократно лестными отзывами товарищей по оружію за границей и постоянно раздражаемый“ дома, Томсъ „склоненъ былъ выставлять черезчуръ рѣзко свои заслуги передъ нашими (?) соотечественниками. Едва ли, однако, личныя слабости ученаго (и притомъ покойнаго уже) могутъ служить, на ряду (?) съ его несомнѣнными достоинствами,

предметомъ обсужденія (?) въ ученомъ трудѣ, представляемомъ для *соисканія ученой степени* (!). Противъ указываемыхъ мною „пріемовъ“ метода Томса, противъ отмѣчаемыхъ „несообразностей, противорѣчій и всевозможныхъ источниковъ ошибокъ“, противъ указаній „на пробѣлы“ въ его изслѣдованіяхъ—противъ всего этого г. защитникъ *не имѣетъ никакихъ возраженій.*

„Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ“ и отъ такихъ „услужливыхъ“ защитниковъ!..

Надо ли говорить, что психологіей Томса авторъ „Педологіи“ не занимался, на беззащитность его не расчитывалъ, такъ какъ во время составленія разбора трудовъ Томса послѣдній былъ еще живъ; наконецъ, работу свою не писалъ спеціально для „соисканія ученой степени“.

Обратимся теперь къ г. Б—му—*прокурору.*

„На ряду съ *нѣкоторою* (!) обстоятельностью критики Мр—ва работъ Томса... слѣдуетъ указать на чрезвычайную растянутость ея, *вовсе не соотвѣтствующую общему научному значенію означенныхъ работъ*, по сравненію со многими другими, напр. Меркера (!), П. Вагнера (!), Либшера и др., *гораздо болѣе важныхъ* для науки, чѣмъ труды Томса“.

Не могу не согласиться, что, по сравненію съ тою легкостью, съ какою „истинная наука“ расправляется даже съ „Меркеромъ, Вагнеромъ“ и другими „гораздо болѣе важными“ господами, моя критика Томса черезчуръ „растянута“. Объясняется это, конечно, „неистиннымъ“ взглядомъ моимъ на научную критику. Работа Томса—чтобы ни говорилъ г. Б.—несомнѣнно „первѣйшаго авторитета“—являясь „послѣднимъ словомъ“ агрикультурхимическаго „метода“, выдержавшимъ *опытную* провѣрку (Вольтманъ), удостоеннымъ блестящихъ похвалъ всего агрикультурхимическаго Олимпа и лишь слабыхъ возраженій со стороны немногихъ неолимпійцевъ (А. Р. Ферхминъ, проф. Шталь-Шрёдеръ). Я не могъ въ отношеніи ея, какъ въ отношеніи другихъ работъ, воспользоваться приговоромъ *самихъ* агрикультурхимиковъ. Выводы, къ которымъ привелъ меня мой разборъ работъ Томса, оказались очень „суровыми“ и потому я считалъ себя нравственно обязаннымъ обосновать ихъ въ полной мѣрѣ. Какъ показываетъ примѣч. 2 къ стр. 192 „Педологіи“, я склоненъ былъ считать свой разборъ скорѣе *недостаточнымъ*, чѣмъ черезчуръ „растянутымъ“, и мнѣ было бы весьма пріятно, если бы болѣе, разумѣется, компетентный, чѣмъ г. Б., критикъ оказался бы не согласнымъ со мной. Я и до сего времени не перестаю думать, что, произнося „суровый“ приговоръ надъ человѣкомъ, надлежитъ

принимать въ разсчетъ все содѣянное имъ, т. е. всѣ его работы, и подвергать послѣднія разбору безъ боязни наскучить читателю, но съ тревогой — не учинить несправедливости въ отношеніи обвиняемаго. Только этимъ объясняется и то обстоятельство, что г. Б—му по сравненію съ Томсомъ микроскопически малой величинѣ — я посвящаю, тѣмъ не менѣе, еще гораздо болѣе времени, безъ всякаго соотвѣтствія съ „научнымъ значеніемъ" его трудовъ, но **соотвѣтственно съ произносимымъ надъ ними приговоромъ**. Сознаюсь, я очень надѣялся, что среди соотечественниковъ Томса, среди агрикультурхимиковъ—его товарищей, учениковъ и почитателей, среди представителей мѣстной науки, среди преподавателей и оппонентовъ наградившаго его двумя учеными степенями университета — найдется кто-нибудь, кто укажетъ мнѣ, если я ошибаюсь въ своей оцѣнкѣ трудовъ покойнаго. Та защита, какую можетъ дать ему „истинная наука", конечно, гораздо оскорбительнѣе для его памяти, чѣмъ самая суровая научная критика...

Что „истинная наука" защищаетъ агрикультурхимію не самое по себѣ, а лишь для униженія „Педологіи" — показываютъ и стр. 7—8 „Отзыва". Тутъ г. Б—му **показалось**, будто я, въ **союзѣ** на этотъ разъ съ **агрикультурхиміей**, „занимаюсь опроверженіемъ гумусовой теоріи". Этого достаточно, чтобы „истинная наука" поспѣшила на помощь „**гумусовой теоріи**" (!) и на посрамленіе **минеральной**...

Какъ причисляющему себя къ сонму „докучаевцевъ", г-ну Б—му неудобно, конечно, выступать **прямо** противъ „самостоятельнаго естественнонаучнаго" почвовѣдѣнія, но онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы въ интересахъ одолѣнія „Педологіи", не набросить и на него хотя бы нѣкоторой тѣни. Хотя естественно-историческое почвовѣдѣніе существуетъ уже давнымъ давно, „тѣмъ не менѣе, полагаетъ г. Б., **никакъ еще нельзя сказать**, чтобы **вслѣдствіе этого**, при прочихъ равныхъ условіяхъ (?!), **практическое** сельское хозяйство **преуспѣвало больше**, чѣмъ прежде" (23).

Изъ предыдущаго достаточно выяснился „методъ" критики г. Б—го. Онъ трогательно наивенъ и не замысловатъ. Если противникъ говоритъ о чемъ нибудь **скорѣе** много, чѣмъ мало — упрекай въ растянутости; если наоборотъ — въ краткости, невыясненности; гдѣ можно — за „фантазію", гдѣ можно за бѣдность ею; ругай, когда представляется случай, но не позволяй, чтобы другихъ ругали; требуй, чтобы въ работѣ было сказано „обо всемъ и еще кое о чемъ", и отмѣчай, съ другой стороны, длинноты, ненужности, повторенія и т. д.; предполагай, гдѣ съумѣешь,

невѣжество у твоего противника, какъ на каменную гору опирайся, если имѣешь возможность, на невѣжество твоихъ читателей: гдѣ ужь вовсе ничего понять не можешь, пиши: „едва-ли достаточно выясняетъ“, а потому „намъ кажется мало относящимся къ дѣлу и слѣдовало бы выпустить“ („Отзывъ“, стр. 7); наконецъ, время отъ времени только разводи руками, изображая этотъ жестъ на бумагѣ при помощи одной только „истинной наукѣ“ понятныхъ знаковъ восклицательныхъ и вопросительныхъ или присоединяя къ нимъ еще маловразумительныя поясненія, вродѣ: „вотъ, кстати, образчикъ сужденій Яр—ва“, „вотъ, слѣдовательно, и образецъ сужденій Яр — ва“ (стр. 17—18, 19). Въ качествѣ послѣдняго аргумента — и его надо пускать въ ходъ!—остается еще ссылка на особыя ad hoc сочиненныя требованія къ работамъ, „представляемымъ на ученую степень“...

Совершенно естественно, что свое главное вниманіе „истинная наука“ обращаетъ на внѣшность критикуемой работы. Мы уже отмѣчали пристрастіе г. Б—го къ наикратчайшимъ источникамъ; немудрено, поэтому, что книга въ 480 стр. должна была показаться ему неимовѣрно „растянутой“. По поводу цѣлаго ряда соотвѣтствующихъ упрековъ невольно вспоминаются слова В. В. Докучаева по адресу неизмѣримо болѣе компетентнаго, чѣмъ г. Б., критика: „Я, конечно, не сомнѣваюсь, что въ моей работѣ имѣется много недосмотровъ и что человѣкъ болѣе меня талантливый и болѣе меня знающій по данному вопросу съумѣлъ бы мою книгу сократить на половину, а можетъ быть и больше, но не моему оппоненту толковать объ этомъ“.

Главную причину растянутости моей работы г. Б. усматриваетъ въ наполняющихъ ее „пространныхъ выдержкахъ“ изъ „многочисленныхъ сочиненій, бывшихъ въ рукахъ у автора“. „Означенныя цитаты лишь изрѣдка прерываются большею частью краткими заключеніями самого Яр—ва, представляющими, однако, большею частью простой перифразъ того, что заключалось въ рядѣ предшествующихъ цитатъ“. Если-бъ г. Б., упрекая меня за чрезмѣрную цитатность работы, понималъ весь смыслъ этой цитатности и слѣдующаго „за рядомъ цитатъ б. ч. краткаго перифраза“—онъ доставилъ-бы мнѣ своими упреками истинное удовольствіе. Но г. Б. способенъ только дивиться количеству приводимыхъ цитатъ; для него онѣ лишь „голословныя“ свидѣтельства старыхъ и новыхъ писателей, почерпнутыя изъ никогда не бывшихъ въ его собственныхъ рукахъ „многочисленныхъ сочиненій“. Онъ не видитъ за цитатами самаго важ-

наго: длинной вереницы толстыхъ фоліантовъ, частію уже покрытыхъ большимъ слоемъ пыли и основательно—къ сожалѣнію, не одними только г.г. Б—ми—позабытыхъ; эти фоліанты—сводъ отчетовъ объ опытныхъ и „экспериментальныхъ" работахъ цѣлаго ряда поколѣній агрономовъ и агрикультурхимиковъ. За каждой, по свидѣтельству г. Б—го, „искусно подобранной" цитатой стоятъ цѣлые легіоны опытовъ и анализовъ, цѣлые лѣса таблицъ, цѣлыя тучи цифръ. Заключающіеся въ цитатахъ выводы суть выводы изъ „экспериментальной", опытной работы „первѣйшихъ авторитетовъ", продолжавшейся иногда въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, цѣлыхъ десятилѣтій. Такимъ образомъ на сторонѣ моихъ „б. ч. краткихъ перифразъ" не только авторитетность „выдающихся агрикультурхимиковъ" и агрономовъ, но и весь ея ученый аппаратъ. Конечно, я могъ бы, не ограничиваясь цитатами, приводить всякій разъ и весь тотъ опытный матеріалъ, выводомъ изъ котораго онѣ являются; я могъ-бы, вмѣсто „высокомѣрнаго" анализа отложенныхъ уже въ архивахъ агрикультурхиміи напластованій, заняться ихъ дальнѣйшимъ приращеніемъ; я могъ-бы, подобно г. Б—му, „не вѣрить слѣпо" чужеземнымъ авторитетамъ и понуждать всѣхъ „истинно-русскихъ", „истинно-турецкихъ" и т. д. изслѣдователей къ тому, чтобы каждый изъ нихъ въ своемъ собственномъ отечествѣ „обязательно провѣрялъ всѣ важнѣйшіе опыты" и такимъ путемъ содѣйствовалъ образованію собственныхъ отечественныхъ залежей... Все это я могъ-бы и дѣлалъ-бы, если-бъ находилъ нужнымъ и правильнымъ. Но почти десятилѣтнее ознакомленіе съ „не бывшими въ рукахъ" г. Б—го „многочисленными сочиненіями" и посильно „тщательное изученіе уже накопленныхъ въ изобиліи знаній" „привело насъ, по крайней мѣрѣ къ совершенно инымъ воззрѣніямъ, а именно", къ заключенію о необходимости остановить на моментъ „неустанную дѣятельность накопленія и подумать надъ тѣмъ, что̀ сдѣлано и ка̀къ дѣлалось. Не черезчуръ ли много было хлопотъ о немедленной и наибольшей пользѣ; не черезчуръ-ли ужъ много химіи; не черезчуръ-ли много „эксперимента", не черезчуръ-ли много анализовъ, таблицъ, цифръ; не черезчуръ-ли много рутины; не черезчуръ-ли дорого обходится малѣйшій шагъ впередъ?

И не черезчуръ-ли мало вниманія къ „brodlose" истинѣ; не черезчуръ-ли мало теоретической и критической мысли; не черезчуръ-ли мало преемственной связи между отдѣльными работами и поколѣніями работниковъ; не черезчуръ-ли

мало интереса къ научному методу; не черезчуръ-ли мало вниманія къ предметамъ и явленіямъ какъ они есть; не черезчуръ-ли мало наблюденія надъ неперенесенной въ стѣны лабораторіи, незаключенной въ реторту природой?

Если моя работа, „по мѣрѣ ея выполненія“, все болѣе и болѣе получала характеръ обвинительнаго акта противъ агрикультурхимиковъ, какъ теоретиковъ почвовѣдѣнія, то только потому, что къ этому приводитъ коллективный опытъ многихъ поколѣній самихъ агрикультурхимиковъ; обвинительный актъ составленъ самими обвиняемыми, основанъ не на спекулятивныхъ построеніяхъ и, тѣмъ болѣе, не на „кажется“ и „сомнѣваюсь“, а на опытномъ, „эксперементальномъ“ матеріалѣ.

Работѣ, поставившей своею цѣлью собрать во едино, привести въ связь отдѣльные пункты этого обвинительнаго акта, всего менѣе можетъ быть сдѣланъ упрекъ, что „la critique est aisée...“; не критика ради критики, не униженіе агрикультурхиміи и агрикультурхимика, а желаніе возстановить въ памяти агронома, реставрировать и расширить на западѣ поросшія уже травой забвенія развалины неоконченныхъ еще палатъ новой научной дисциплины, въ которыхъ онъ, агрономъ, только и можетъ найти давно разыскиваемый ключъ отъ лабиринтовъ своей науки—вотъ въ чемъ конечная задача намѣченной авторомъ „Педологіи“ серіи работъ. Я ни мало не сомнѣваюсь, что „Педологія“ будетъ использована — да уже и используется!—какъ своего рода „Citatenschatz“; хотѣлось-бы, однако, вѣрить, что и тотъ „geistige Band“, который объединяетъ, претворяетъ въ одно цѣлое всѣ эти цитаты и стоящіе за ними вороха таблицъ и цифръ, выдвигаетъ изъ-за нихъ старые и новые научные вопросы и проблеммы—также не останется не замѣченнымъ и сослужитъ какую ни на есть службу на пользу почвенной науки и агрономіи.

Слѣдуетъ замѣтить еще, что „истинная наука“ вообще не любитъ цитатъ, или вѣрнѣе, ковычекъ, въ которыя принято въ „журнальной“ „публицистической“ литературѣ заключать чужія слова. „Истинная наука“, выписывая даже „цѣлыя страницы“ изъ другихъ авторовъ, забываетъ про ковычки (для примѣра ср. стр. XIV—XIV „Неурожаевъ“); впрочемъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ, читая „цитаты“ г. Б—го, можно догадаться объ ихъ цитатности: чужія слова и мысли отъ одного только соприкосновенія съ „истинной наукой“ совершенно теряютъ — какъ мы имѣли случай убѣдиться — свою индивидуальность и пріобрѣтаютъ одинъ общій, „истинно-самобытный“ характеръ...

Непріятенъ, далѣе, г. Б—му и вообще весь стиль и тонъ моей работы. Въ ней нѣтъ того олимпійскаго спокойствія, той

величавой безстрастности и внѣшней корректности, какія, повидимому, требуются статутами „истинной науки“ отъ работъ, „представляемыхъ на ученую степень“. „Вмѣсто солиднаго научнаго труда, мы имѣемъ передъ собою длинный рядъ бойкихъ публицистическихъ замѣтокъ“—говоритъ г. Б. про „Педологію“. Любопытно, что другой—весьма доброжелательный ко мнѣ -критикъ усмотрѣлъ въ той же работѣ совершенно противоположный недостатокъ: трудную „переваримость“ вслѣдствіе „конгломерато-“ и „брекчіеобразности“ ея. Хочу думать, что истина и на этотъ разъ посрединѣ.

Въ противность „истинной наукѣ“, авторъ „Педологіи“ давно уже усвоилъ себѣ взглядъ, что наука есть часть жизни, а не оторванный отъ послѣдней островъ съ населенной небожителями—гг. Б—ми!—горою Олимпомъ. Ученый не можетъ не быть человѣкомъ, съ присущимъ всякому человѣку темпераментомъ и индивидуальностью, и всюду тамъ, гдѣ онъ проявляетъ ихъ, не причиняя вреда дѣлу или лицамъ—это вполнѣ нормально, простительно и позволительно. Какъ трудно выдержать роль небожителя, показываетъ примѣръ самого г. Б—го: даже проф. Богдановъ подмѣтилъ въ „Неурожаяхъ“ и „иронію“, и „раздраженіе“, вызываемыя, притомъ — какъ это ни странно — „объективностью“, свободою отъ „увлеченій“, „широтою“ и „разностороннюстью“ концепцій противника!..

Я могъ-бы еще замѣтить, что тѣмъ хуже для науки „небожителей“, если эта послѣдняя, оказывается, не въ силахъ даже противъ „публицистическихъ замѣтокъ“ привести болѣе вѣскіе аргументы, чѣмъ „ату его!“ и „сомнѣваюсь чтобъ“.

На стр. 28 своего „Отзыва“ г. Б., отмѣчая „склонность“ автора „Педологіи“ къ „журнальной работѣ“, прибавляетъ въ скобкахъ: „если только въ данномъ случаѣ (?) это можно поставить ему въ похвалу“. Опасаясь, какъ бы члены факультета и читатели г. Б—го не подумали, что журнальная дѣятельность автора „Педологіи“ сводится къ чему-нибудь вродѣ рѣшенія ребусовъ на премію въ журналѣ „Нива“ спѣшу пояснить, что онъ, дѣйствительно, за послѣднее пятилѣтіе помѣстилъ значительное число статей научнаго содержанія—частію этюдовъ къ „Педологіи“, частію выводовъ изъ нея въ научныхъ журналахъ - „Почвовѣдѣніи“, „Землевѣдѣніи“ и др.—и вправѣ бы, казалось, ожидать за это отъ г. Б—го именно „похвалы“; вмѣсто того, г. Б. и тутъ „ставитъ въ упрекъ“ автору „Педологіи“ „его же несомнѣнныя заслуги“.

Не смотря на объективность и безстрастность „истинной науки“ г. Б—го, къ послѣднему, какъ ни къ кому, приложима

поговорка „le style c'est l'homme". Гармонія между формой и содержаніемъ полная. Его „кажется", „отчасти", „болѣе или менѣе", „повидимому" —суть и особенности стиля и сама аргументація. „Истина" г. Б—го особа необычайной скромности, поразительной предусмотрительности, съ удивительнымъ искусствомъ умѣющая избѣгать всякой „односторонности": она ничего опредѣленно не утверждаетъ, но и ничего прямо не отрицаетъ, вмѣсто „да" говоритъ „болѣе или менѣе да", вмѣсто „нѣтъ"—„едва-ли не нѣтъ". Словно все ея занятіе только въ томъ и состоитъ, чтобы прокладывать отъ „истины" къ „не истинѣ" мостики, по которымъ, въ случаѣ надобности, можно было-бы „отступить въ порядкѣ". Такъ какъ точность всегда „односторонняя", то „истинная наука" всюду, гдѣ можетъ, избѣгаетъ ея характеризуя, напр., испытуемую почву какъ „садовую", а другую, одновременно съ нею употребляемую, какъ „несущественно (?) отличающуюся отъ садовой", прецизируя примѣняемый ею способъ химическаго анализа, какъ „обыкновенный" и т. д., незабывая, однако, другихъ (г. Вагина, напр.) укорять при случаѣ за обозначенія „маловато", „довольно" и пр.

Недурнымъ „образчикомъ" стиля и „сужденій" г. Б—го можетъ служить, напр., стр. 203 его „Неурожаевъ". „Первый рядъ" изслѣдователей — говорится тутъ — состоитъ „такъ сказать изъ почвенниковъ". Одна изъ группъ послѣднихъ слагается „главнымъ образомъ, изъ хозяевъ-практиковъ". О нихъ узнаемъ въ дальнѣйшемъ, что они „тѣмъ не менѣе" и „главнымъ образомъ въ виду того, что", „по ихъ убѣжденію", „по большей части", и еще разъ „по большей части" „съ одной стороны" и „съ другой стороны", „гдѣ можно". „Самымъ излюбленнымъ аргументомъ ихъ въ пользу навоза служитъ то, что послѣдній, по народному выраженію, „и у Бога крадетъ", т. е. имѣетъ свойство (?) отражать (!) отъ полей земледѣльца посылаемыя на нихъ Господомъ Богомъ стихійныя бѣдствія" (!!). Далѣе идетъ рѣчь уже о „другой группѣ почвенниковъ"; но и она „главнымъ образомъ", „отчасти", „болѣе или менѣе", „по большей части", „большею частью" и „чаще всего"... И все это собрано на пространствѣ всего лишь 32 строкъ! „Богатый русскій языкъ загрязняется и обезличивается на нашихъ глазахъ" — повторилъ бы свои слова Н. В. Бугаевъ. И кѣмъ-же? „Истинною русскою наукою"!

Вмѣсто того, чтобы гордиться русскимъ почвовѣдѣніемъ, „русская наука" предлагаетъ ему „поступить на выучку" къ „нѣмцу". При оцѣнкѣ русской работы „русская наука" прежде всего блюдетъ, какъ бы эта работа не потрясла

„нѣмецкіе“ авторитеты. Распинаясь на словахъ за „самостоятельность“, „самобытность“, „русская наука“ на дѣлѣ —въ силу „неумолимой инерціи“ и невѣжества — оказывается въ полнѣйшемъ и „безъисходномъ рабствѣ“ у „нѣмцевъ“. И разбивая въ пухъ и прахъ агрикультурхимиковъ, и отстаивая ихъ отъ злого ворога — „русская наука“ всегда оказывается агрикультурхимичнѣе самихъ агрикультурхимиковъ. Безъ опыта, безъ анализа, безъ цифръ, безъ „руля и вѣтрилъ“, не научаясь ничему, что есть у нихъ хорошаго, „русская наука“ умѣетъ въ совершенствѣ перенять всѣ недостатки, всѣ слабыя стороны нѣмецкой агрономіи...

Лучшаго союзника для „Педологіи“, чѣмъ „истинная наука“ г. Б—го, трудно себѣ представить. Каждое слово, каждое движеніе „русской“ и „истинной науки“ сильнѣйшій аргументъ въ пользу безусловной необходимости и своевременности постановки на очередь всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые выдвинуты въ „Педологіи“.

Не менѣе цѣннаго союзника пріобрѣла „Педологія“ въ лицѣ еще другого „спеціалиста“, тоже давшаго по порученію физико-математическаго факультета Имп. Юр. Унив. свой „Отзывъ“ о забракованномъ „истинною русскою наукою“ трудѣ.

XI.

Непосредственно за „Отзывомъ“ г. Б—го напечатанъ, какъ гласитъ заглавіе, „Отзывъ“, составленный доцентомъ А. Н. Томсономъ, по порученію физико-математическаго факультета Имп. Юр. Унив., о работѣ А. А. Яр—ва „Педологія“ и т. д.

„Въ виду того — начинаетъ свой „Отзывъ“ г. Т—нъ — что профессоръ С. К. Богушевскій представилъ факультету весьма подробный (sic!) отзывъ... я счелъ возможнымъ ограничиться замѣчаніями общаго характера“.

Эти „замѣчанія“, скрѣпленныя въ концѣ ихъ еще разъ подписью: „Доцентъ А. Томсонъ“, занимаютъ всего на всего двѣ полныхъ страницы.

Всѣ они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ пунктамъ:

1. „Описывается развитіе исключительно химическаго направленія“ (11, 23).

2. „Естественно-историческое почвовѣдѣніе въ качествѣ особой научной дисциплины уже давно существуетъ“ (2, 23).

3. Только критика работъ Томса сдѣлана „обстоятельнѣе“, такъ какъ только тутъ имѣется „самостоятельная разработка“ данныхъ Томса (11, 14).

4. Работа соткана изъ „неосновательныхъ упрековъ" и „порицаній" агрикультурхиміи и агрикультурхимиковъ (2, 4, 10, 11. 12, 14, 21, 23, 24, 25, 26, 27).

5. „Методы изслѣдованія не находятъ надлежащаго описанія и характеристики" (10, 16, 27 и др.).

6. „Прошлое агрикультурхиміи представляется въ неправильномъ освѣщеніи" (3, 4, 12, 27 и др.).

7. „Неумѣстная насмѣшливость" и пр. (2, 4, 12, 14, 18, 21, 27).

Въ приведенномъ перечнѣ „замѣчанія" г. Т—на резюмированы словами г. Б—го и цифры, указанныя въ каждомъ изъ пунктовъ, обозначаютъ соотвѣтствующія страницы „Отзыва" г. Б—го. Другими словами, „Отзывъ", именующій себя „Отзывомъ, составленнымъ доцентомъ А. Н. Томсономъ", представляетъ на самомъ дѣлѣ второе резюме (первое сдѣлано на стр. 26—28 самимъ г. Б—мъ) отзыва г. Б—го.

Какъ и этотъ послѣдній, г. Т. не составилъ себѣ сколько-нибудь яснаго представленія о бракуемой имъ работѣ. Онъ полагаетъ, что вся задача автора „Педологіи" сводится къ выдѣленію почвовѣдѣнія изъ агрикультурхиміи, „агрикультурфизики и другихъ естественнонаучныхъ дисциплинъ о землѣ" (!) и онъ, г. Т., подобно своему патрону, г. Б—му, не прочиталъ внимательно даже „Предисловія" къ работѣ, въ которомъ указываются подлинныя „естественнонаучныя дисциплины о землѣ"—географія и геологія; и онъ, г. Т., не замѣтилъ, что вся „Педологія" какъ разъ и стремится показать, насколько не „естественнонаучны" агрикультурхимія, „агрикультурфизика и др. естественнонаучныя дисциплины" и насколько необходимо для нихъ стать естественнонаучными. Какъ и г. Б., г. Т. не различаетъ метода научнаго отъ „методовъ" Грувена, Вагнера и др., и на этомъ основаніи (!) утверждаетъ, будто авторъ „Педологіи" считаетъ, что „методы, примѣняемые изслѣдователями различныхъ временъ, будто-бы (!) нисколько не отличаются другъ отъ друга, въ чемъ онъ—прибавляетъ г. Т.—сильно ошибается. Подобно г. Б—му, утверждавшему, будто я занимаюсь опроверженіемъ давно опровергнутой гумусовой теоріи—г. Т. подозрѣваетъ меня въ отрицаніи никѣмъ не отрицаемаго „способа опредѣленія азота по Кьельдалю". Послѣдній, говоритъ г. Т., даетъ возможность производить опредѣленіе азота съ незначительною затратой времени и матеріала, что ясно для всѣхъ доказала Меркеровская лабораторія". Способомъ Кьельдаля пользуются въ настоящее время всѣ агрикультурхимическія лабораторіи и всѣ онѣ съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ Меркеровская, могутъ разсказать о его достоинствахъ и недостаткахъ. У

Меркеровской лабораторіи есть другая, болѣе ей принадлежащая — быть можетъ, неизвѣстная г. Т—ну—заслуга; заслуга, краснорѣчиво свидѣтельствующая въ пользу тѣхъ положеній „Педологіи“, которыми недоволенъ г. Т. Эта, на мой взглядъ крупная, заслуга состоитъ въ томъ, что Меркеровская лабораторія „ясно для всѣхъ доказала“ возможность производства механическаго анализа почвъ, безъ ущерба для науки и съ наинезначительной „затратой времени“ и силъ... сторожами.

Какъ и г. Б—му, г. Т—ну не нравится, далѣе, моего „собственнаго изобрѣтенія терминъ“ „кризисъ“. Онъ „долженъ замѣтить, что какъ разъ“ съ конца 70-хъ годовъ „агрикультурхимія подвинулась на много (!) шаговъ впередъ и получила болѣе прочное основаніе, благодаря развитію прочихъ естественныхъ наукъ“ (!).

„Неужели Яр—въ отрицаетъ въ принципѣ и развитіе естественныхъ наукъ“—оставалось только прибавить г. Т—ну...

Въ другихъ случаяхъ и на самомъ дѣлѣ „стиль“ г. Т—на чрезвычайно близокъ къ „подлиннику“. „Педологія, или почвовѣдѣніе (?) давно представляетъ предметъ особыхъ академическихъ лекцій и учебниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые (?) достойны (!) серьезнаго вниманія. Почему авторъ („Педологіи“) не разсматриваетъ ихъ (?!) къ сожалѣнію не указывается (!). Вмѣсто нихъ (?!) авторъ критикуетъ нѣкоторыя (?!!) книги (?) о почвѣ, которымъ (?) обыкновенно (!!) не придаютъ (?) большого (!) значенія“.

Неужели въ средѣ физико-математич. факультета Имп. Юр. Унив. это называется „научной критикой“?

Въ „Педологіи“ приводится свыше 400 авторовъ и еще гораздо большее число работъ. Кого-бы изъ этихъ авторовъ, какія-бы изъ отмѣченныхъ тамъ работъ желалъ г. Т. изъять, кого и какія желалъ бы онъ привлечь на мѣсто изъятыхъ?

Эта тайна г. Т—на, надо думать, и умретъ съ нимъ. Въ силу короткой памяти и малого интереса агрономіи къ своему прошлому, вѣдь почти всѣ „герои“ не сегодняшняго дня переходятъ въ разрядъ тѣхъ, „которымъ, обыкновенно, не придаютъ большого значенія“...

Что касается, г. Т—на, то онъ „не придаетъ большого значенія“ даже собственнымъ своимъ словамъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія невѣроятныя по своему содержанію строки (стр. 3 „Отзыва“). „Въ чемъ можно согласиться съ авторомъ („Педологіи“), это то, что агрикультурхимія не съ той же энергіей принялась за рѣшеніе научныхъ вопросовъ изъ области агрономіи, какъ за рѣшеніе вопросовъ, связанныхъ

съ утилитарными цѣлями практическаго сельскаго хозяйства. Это явленіе *обусловлено причинами, изложеніе которыхъ отвлекло-бы насъ слишкомъ далеко*".

Если-бы г. Т. придалъ надлежащее значеніе своему признанію, онъ долженъ былъ бы отказаться отъ соучастія со своимъ патрономъ, г. Б—мъ, въ „покушеніи съ негодными средствами" на „Отзывъ" о „Педологіи".

Онъ долженъ былъ бы понять, что, отказываясь отъ „изложенія причинъ", онъ *тѣмъ самымъ отказывается отъ исполненія даннаго ему факультетомъ порученія*— составить *научный* „Отзывъ" о „Педологіи". Смыслъ послѣдней и состоитъ *въ раскрытіи „причинъ"*, отмѣченнаго г. Т—мъ въ приведенныхъ строкахъ явленія: если эти причины указаны неправильно — дѣло критика показать это и противопоставить имъ тѣ, которыя онъ, въ свою очередь, считаетъ за правильныя. Но, какимъ образомъ, можно браковать работу, основное положеніе которой признаешь правильнымъ, отъ анализа же приводимыхъ въ пользу его аргументовъ и объясненій отказываешься?

Справедливости ради слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что авторскія права и на это, только что разсмотрѣнное признаніе г. Т—на принадлежатъ не ему, а опять таки г. Б—му (ср. „Отзывъ" г. Б—го, стр. 19). Надо думать, что лишь въ интересахъ „раздѣленія труда" на долю г. Т—на выпала задача болѣе опредѣленной формулировки этого признанія.

Кстати о раздѣленіи труда. На стр. 27—28 своего „Отзыва" г. Б. подозрѣваетъ меня въ какихъ то „крайне своеобразныхъ воззрѣніяхъ" на принципъ „раздѣленія труда" въ наукѣ и утверждаетъ, что авторъ „Педологіи" „*какъ-бы* не допускаетъ возможности мирной совмѣстной работы ученыхъ разнаго направленія въ естествознаніи". Мои „воззрѣнія", *представляющія исходный пунктъ „Педологіи"*, съ достаточною ясностью выражены во „Введеніи" къ ней. Никого изъ представителей „естествознанія" они не могутъ поразить ни своей оригинальностью, ни „крайнею своей своеобразностью" — и потому что по существу вошли уже въ плоть и кровь современнаго естествознанія, и потому еще, что формулированы они были *словами одного изъ крупнѣйшихъ натуралистовъ* нашихъ дней Вантъ Гоффа. Задача автора „Педологіи" состояла лишь въ приложеніи этихъ „воззрѣній" къ области далеко отставшей отъ естествознанія агрономіи. За то никто не откажетъ въ „крайней своеобразности воззрѣній" на раздѣленіе труда самихъ гг. Б—го и Т—на. Эти „воззрѣнія" напоминаютъ старинные нѣмецкіе стихи:

„Der Blinde zuerst den Hasen sah, der Stumme rief dem Lahmen zu; da fasst' ihn der beim Kragen“...

Почему защиту *агрикультурхимиковъ* взялъ на себя, главнымъ образомъ, *противникъ* ихъ г. Б., а не единомышленникъ, самъ агрикультурхимикъ, г. Т.?

Почему защиту *нѣмецкой* науки взялъ на себя, главнымъ образомъ, „самобытный ученый“ г. Б., а не *воспитанный исключительно на ней* г. Т.?

Почему *защиту Томса* принялъ на себя вовсе, вѣроятно, не знакомый съ подлинниками работъ послѣдняго г. Б., а не спеціально изучавшій ихъ *оппонентъ на докторскомъ диспутѣ* Томса г. Т.?

Почему „*истинно-русскій* человѣкъ“, г. Б., выступаетъ на защиту истинно *балтійскаго* Томса, а истинный *балтъ*, г. Т., отмѣчаетъ, что авторъ „Педологіи“ — во всякомъ случаѣ болѣе его, г. Т—на, освѣдомленный въ русской литературѣ — „упоминаетъ изъ русскихъ ученыхъ лишь немногихъ“?

„Der Blinde zuerst den Hasen sah“...

Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе причинъ, побудившихъ г. Т—на подписать свое имя подъ резюме результатовъ труда и „мыслей“ г. Б—го, и въ квалификацію такого рода ученыхъ пріемовъ... Думается, что и *въ его собственныхъ интересахъ* было—разъ онъ не могъ или не умѣлъ составить своего собственнаго отношенія къ разбираемой работѣ—отказаться отъ порученія факультета или, полагаясь на авторитетъ г. Б—го, ограничиться заявленіемъ своей полной съ нимъ солидарности. Выдавъ резюме „Отзыва“ г. Б—го за свой *самостоятельный* „Отзывъ“, г. Т. ввелъ въ большое заблужденіе довѣрившійся ему и его научному авторитету факультетъ, не прибавивъ ни на іоту убѣдительности доводамъ и обвиненіямъ г. Б—го; непониманіе и не желаніе понять чужія мысли, извращеніе ихъ, туманныя подозрѣнія и намеки, огульное порицаніе и брань — останутся таковыми, сколько бы разъ не повторяли, сколько бы разъ ихъ ни „утверждали“ и ни „скрѣпляли“ своею подписью нарочитые спеціалисты и „авторитеты“.

Въ теченіе болѣе чѣмъ цѣлаго года съ нетерпѣніемъ ожидалъ я отзывовъ спеціалистовъ о „Педологіи“. Съ самымъ искреннимъ желаніемъ найти какое-нибудь существенное возраженіе, поводъ для провѣрки справедливости своихъ мыслей, съ довѣріемъ, по крайней мѣрѣ, къ одному изъ санкціонированныхъ факультетомъ авторитетовъ, приступилъ я къ чтенію „Отзывовъ“!.. Въ особенности по отношенію къ Томсу, результаты разбора работъ котораго временами самому мнѣ казались почти невѣроят-

ными—ожидалъ я услышать серьезныя возраженія отъ агрикультурхимика, оппонента и, какъ мнѣ казалось, почитателя покойнаго, г. Т—на...

Почему гг. „авторитеты" не указали мнѣ *хотя-бы на одинъ какой-нибудь фактическій* дефектъ, недосмотръ, ошибку на пространствѣ всѣхъ 180 стр. „Педологіи". Вѣдь они есть, эти дефекты, ошибки, недосмотры... Неполнота литературы, недостаточно ясное отношеніе къ суммарнымъ опытамъ, неправильныя ссылки на источники (напр., стр. 69—на Либиха, стр. 124 — на Детмера и пр.) и т. д., и т. д. Неужели русская наука дошла уже до того, что сами авторы научныхъ работъ должны принимать на себя обязанности своихъ критиковъ? Вѣдь „Педологія" затрагиваетъ обширную область всевозможныхъ вопросовъ и всякій, кто хоть надъ однимъ изъ нихъ работалъ научно, долженъ былъ бы, казалось, съумѣть возразить не одними лишь „замѣчаніями общаго характера", а и по существу. Неужели г. Т. не понимаетъ, что, оставляя безъ отвѣта разборъ *близко знакомыхъ* ему работъ Томса, онъ тѣмъ самымъ въ гораздо большей степени убиваетъ агрикультурхимиковъ, чѣмъ защищаетъ ихъ всѣми своими аргументами, направленными противъ автора „Педологіи"?

Не допуская, чтобы при оцѣнкѣ „Педологіи" г. Б—мъ руководили *одни только* личные мотивы, мы за полнымъ отсутствіемъ оцѣнки *по существу* и за совершенною къ ней неспособностью г. Б—го, естественнѣе всего должны предположить, что важнѣйшимъ въ глазахъ г. Б—го доводомъ противъ автора „Педологіи" было отсутствіе у послѣдняго тѣхъ специфическихъ качествъ, которыми обязаны обладать исполнители „высшихъ задачъ высшаго сельско-хозяйственнаго заведенія"... Они должны быть „патріотами" и не просто „патріотами", а „горячими" и притомъ „всероссійскими". Они должны обнаруживать „надлежащее рвеніе и любовь къ изысканію и изученію разнообразныхъ научныхъ основъ нашей самобытности". Они „должны пріурочивать всякое научное изслѣдованіе къ *пользамъ* и нуждамъ Россіи". Ихъ наука должна быть не просто наукой, а „*истинною*" наукой. Она не должна быть ни „односторонной", ни „пристрастной" [1]) и т. д.

Словомъ, „исполнитель высшихъ задачъ высшей школы обязанъ быть прежде всего *политикомъ*" и брать примѣръ съ самого г. Б—го. Мы видѣли, что послѣдній даже къ своей по

[1]) По недавнему компетентному разъясненію одного изъ членовъ совѣщанія о печати (подъ предсѣд. Кобеко) „всѣ статьи и сочиненія, имѣющія *одностороннее* и *пристрастное* направленіе подходятъ подъ понятіе *вреднаго направленія*". „Русск. Вѣд." 1905, № 95.

задачамъ чисто естественно-научной работѣ счелъ нужнымъ примѣшать букетъ „политики“ („Вступленіе“ къ „Неурожаямъ“) что и въ основу всего сельско-хозяйственнаго образованія онъ положилъ ту-же „политику“: что и въ первый пунктъ „высшихъ задачъ“ высшей школы онъ поставилъ удовлетвореніе потребности государства въ чиновникѣ...

Право г. Б—го на политическую оцѣнку научной работы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Современный русскій университетъ страдаетъ тѣмъ же кореннымъ недостаткомъ, что и современная агрономическая наука: онъ тоже стремится совмѣстить служеніе „истинѣ“ со служеніемъ „пользѣ“— истинѣ научной и пользѣ „государственной“; въ немъ тоже истина, въ концѣ концовъ, оказывается поселенною на задворкахъ, исповѣдуемою далеко „не съ тою-же энергіей“, какъ „польза“... Въ интересахъ послѣдней Университетъ окруженъ денно и нощно цѣлымъ рядомъ „внутреннихъ“ и „наружныхъ“ фортовъ, бдительною цѣпью аргусовъ, строго охраняющихъ академическую молодежь отъ всякой возможности прегрѣшить словомъ или дѣломъ, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ. Каждый изъ студентовъ, пока онъ находится въ стѣнахъ Университета, содержится какъ бы въ „одиночномъ заключеніи“, разсматривается какъ „отдѣльный посѣтитель“ аудиторій... Между нимъ и профессоромъ, какъ на свиданіи въ тюрьмѣ—бдительное око и желѣзная рѣшетка, охлаждающія, преломляющія, а частію и поглощающія научную истину. Истина, какъ она есть, не приспособленная къ требованіямъ „пользы“, часто можетъ проникать въ Университетъ лишь воровскимъ, контрабаднымъ путемъ. Исповѣдующій ее профессоръ и жаждущій ея студентъ тѣмъ самымъ превращаются уже въ „государственныхъ“ преступниковъ, заговорщиковъ...

Плохой ученый, но искренно преданный интересамъ „пользы“ обладатель „истинно русской души“ въ Университетѣ, преслѣдующемъ, кромѣ исканія истины, еще и насажденіе „патріотизма“, столь же или еще болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ Менделѣевъ. Но, конечно: Wenn die Rose selbst sich schmückt, schmückt sie auch den Garten. Вмѣстѣ съ „патріотами“ въ Университетъ неизбѣжнымъ образомъ проникаетъ чуждая храму науки, какъ таковому, атмосфера канцеляріи, департамента, управы благочинія... Она даетъ себя знать въ отношеніяхъ къ дѣлу также, какъ и въ отношеніяхъ къ лицамъ, въ отношеніяхъ къ наукѣ, къ учащейся молодежи, къ „младшимъ“ преподавателямъ и пр.

Инцидентъ съ „Педологіей“ какъ нельзя болѣе краснорѣчиво показываетъ, какимъ тяжелымъ испытаніямъ подвергаются при двойственномъ служеніи Университета достоинство науки и честь

ученой—университетской, вообще, и факультетской, въ частности — корпораціи. Г. Б. ввелъ въ очень большое заблужденіе факультетъ, довѣрившійся его ученому авторитету и поручившій ему научную оцѣнку „Педологіи". Больше того: онъ поставилъ факультетъ въ крайне неудобное положеніе. Въ то самое время, когда г. Б., въ сотрудничествѣ съ г. Т—мъ, трудился надъ своимъ „Отзывомъ", вся мыслящая и чувствующая Россія и въ томъ числѣ, вѣроятно, и коллеги г. Б—го, члены факультета — были потрясены происшедшимъ на югѣ событіемъ. Сознаніе власти, желаніе свести личные счеты, а, быть можетъ, также и „горячій патріотизмъ" или близкое къ нему представленіе о прерогативахъ своей касты соединились вмѣстѣ, что бы произнести своеобразную „оцѣнку" надъ врачемъ, явившимся для выполненія своего долга! Въ такое время какъ наше, когда все болѣе и болѣе учащаются подобныя — расправы имѣющихъ власть обладателей „патріотизма" съ неправящимися имъ обывателями—не можетъ-ли кому-нибудь показаться, что и факультетъ выпустилъ на автора „Педологіи" своего рода „казаковъ" или „хулигановъ", вооруженныхъ одни мъ только „патріотизмомъ" да личнымъ недружелюбіемъ... Конечно, отъ ихъ ударовъ не остается видимыхъ знаковъ насилія, но не способны-ли самолюбіе, честь и доброе имя истязуемыхъ страдать не менѣе чѣмъ ихъ тѣло? Приговоръ г.г. Б—го и Т—на, санкціонированный факультетомъ, безапелляціоненъ, тогда какъ даже надъ генераломъ-истязателемъ есть судъ... И не подумаетъ-ли кто нибудь, что не одна только полиція способна превращаться въ „свою противоположность" — вмѣсто защиты гражданъ и охраненія спокойствія становится орудіемъ насилія и террора — а и университеты, вмѣщающіе въ себѣ г.г. Б—хъ, вмѣсто защиты науки и ея насажденія, могущіе неожиданно выступить въ роли оплотовъ невѣжества, гонителей научной мысли, цензоровъ свободы научнаго изслѣдованія? И не придетъ-ли кому нибудь въ голову, что факультетъ, „die hohe Fakultät", какъ именуютъ его нѣмцы, становится орудіемъ сведенія личныхъ счетовъ и участникомъ въ борьбѣ темныхъ силъ съ „врагомъ внутреннимъ"? Въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто повѣритъ авторитету г.г. Б—го, Т—на и ихъ факультета, будетъ унижена научная репутація автора „Педологіи": для тѣхъ-же, кто усумнится въ правильности оцѣнки, даваемой „Отзывами"—поколеблется престижъ ученой корпораціи. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ совершается неправда, страдаютъ честь и достоинство— личныя или цѣлой корпораціи—терпятъ честь и достоинство науки.

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что г. Б. исключеніе, „уродъ" и въ семьѣ агрономовъ, и въ факультетской корпораціи; что ни-

цидентъ съ „Педологіей" весьма печальное, но совершенно исключительное въ факультетской жизни событіе.

Къ сожалѣнію, ни съ тѣмъ, ни съ другимъ предположеніемъ никакъ нельзя согласится.

Г. Б. отнюдь не принадлежитъ къ числу первыхъ попавшихся, осчастливленныхъ лишь вниманіемъ начальства, распоряжающагося назначеніемъ гг. „исправляющихъ должность" жрецовъ науки.

Г. Б. одинъ „изъ славной стаи" учениковъ „первѣйшихъ" галльскихъ авторитетовъ (Ю. Кюнъ, М. Меркеръ!, I. Конрадъ и др.); въ тоже время онъ принадлежитъ и къ другой тоже „славной стаѣ" докучаевцевъ, „русскихъ почвенниковъ" (!): онъ ученикъ и сотрудникъ В. В. Докучаева. Онъ кромѣ того еще и ученикъ и ставленникъ покойнаго А. В. Совѣтова... Вотъ уже цѣлое 10-лѣтіе занимаетъ онъ кафедру агрономіи; его имя украшаетъ перечень сотрудниковъ единственнаго у насъ органа „опытной" научной агрономіи; изложенію его взглядовъ, критикѣ и популяризаціи ихъ первѣйшій русскій авторитетъ посвящаетъ три печатныхъ листа въ оффиціальномъ органѣ Минист. Земледѣлія; ему довѣряется производство—„примѣнительно къ пользамъ и нуждамъ Россіи"—„научно-практическихъ сельско-хозяйственныхъ опытовъ" (!) и т. д., и т. д....

Съ другой стороны, и по своимъ литературно-научнымъ воззрѣніямъ и пріемамъ г. Б., связанъ самыми тѣсными узами со всей остальной семьей современныхъ агрикультурхимиковъ и агрикультурфизиковъ.

Онъ представляетъ собою продуктъ не только нашей общественной и академической неурядицы, но и той поразительной научной отсталости, которая характерна для всѣхъ соприкасающихся съ почвовѣдѣніемъ агрономическихъ знаній. Подобно Австраліи, все еще переживающей эпоху Beutheltierzeit—указанный отдѣлъ агрономіи не съумѣлъ еще выйти изъ періода, давно уже пережитаго естествознаніемъ.

Мы согласны признать, что большинство современныхъ агрономовъ—„почвенниковъ" не г.г. Б—іе, но они и не Томсы. Ибо, какъ бы ни унижали Томса защищающіе его г.г. Б—іе, онъ на голову выше среднихъ, рядовыхъ агрикультурхимиковъ [1]), хоро-

[1]) „Нельзя не удивляться его (Томса) настойчивости и усердію въ выполненіи разъ поставленной себѣ цѣли, его необыкновенной энергіи и умѣнью вселить въ другихъ интересъ къ своему дѣлу, заставить и ихъ работать вмѣстѣ съ собой, нельзя не быть благодарнымъ за тѣ фактическія свѣдѣнія о почвахъ балтійскаго края, которыя добыты изслѣдованіями проф. Томса и его помощниковъ". „Педологія", стр. 225.

шимъ представителемъ которыхъ можетъ служить сотрудникъ и ассистентъ г. Б—го, г. Томсонъ.

Но, какъ уже вышесказано, не смотря на громадное разстояніе, отдѣляющее г.г. Б—хъ отъ Томса, семейное родство между ними не подлежитъ сомнѣнію. Отмѣченное нами въ „Педологіи“ у Томса (и у другихъ агрикультурхимиковъ) забвеніе предшествующей литературы, невниманіе и неуваженіе къ прошлому своей науки выливаются у г. Б—го въ полное литературное невѣжество: голыми руками онъ пытается стереть съ лица земли самыя основы своей науки. Пренебреженіе къ методу научнаго изслѣдованія получаетъ у г. Б—го форму совершеннаго непониманія того, что такое этотъ методъ и къ чему онъ. Мы видѣли далѣе, что г. Б. отличается крайнимъ пристрастіемъ къ факту и новѣйшимъ игнорированіемъ какого бы то ни было его объясненія. Но въ „Педологіи“ намъ уже приходилось констатировать общую тенденцію ученыхъ агрономовъ и агрикультурхимиковъ оставлять лежать нетронутыми несмѣтныя богатства, накопленныя ихъ литературой, и стремиться все къ большему и большему ихъ умноженію, не взирая на то, что „рѣка временъ“ мало по малу смываетъ и уноситъ съ „дренажемъ“ ихъ неиспользованныя еще сокровища... Отмѣченный тамъ-же, въ „Педологіи“, „минимумъ мысли“ вырождается у г. Б-го въ совершенно своеобразную, вполнѣ „самобытную“ форму мышленія, порождающую на свѣтъ уже не однѣ только логическія ошибки (какъ у Томса), но и цѣлый рядъ вполнѣ „наглядныхъ несообразностей“ („періодичность“, „кривыя“ и пр.). А поразительныя представленія о почвѣ, „своеобразное“ обращеніе съ нею въ лабораторіяхъ, пренебреженіе къ наблюденію ея in situ—развѣ все это не повторяется на всемъ протяженіи отдѣляющемъ г.г. Б-хъ отъ Томса? А противоестественное увлеченіе химизмомъ и слѣпая—въ самомъ полномъ смыслѣ слѣпая!—вѣра въ единоспасаемость эксперимента —развѣ они не сказались особенно ярко на отрицающемъ ихъ, но тѣмъ не менѣе порабощенномъ ими г. Б-мъ? А общая неестественно-историчность, смѣшеніе „пользы“ и „истины“, предпочтеніе первой предъ второю, отсутствіе правильнаго „раздѣленія труда“—все это развѣ не наложило своей печати и не отлилось въ особую, опять таки совершенно „самобытную“ форму въ трудахъ г. Б-го?

Вполнѣ естественно, что многое въ изображеніи г. Б-го пріобрѣтаетъ карикатурный, комичный характеръ; онъ взялъ у агрикультурхимика лишь то, что ему было доступно, что онъ могъ взять; говоря словами Шиллеровскаго охотника: „wie er räuspert und wie er spuckt — das habt ihr glücklich abgeguckt“...

Это не мѣшаетъ, однако, г. Б-му оставаться вполнѣ естественнымъ продуктомъ тѣхъ самыхъ условій, въ которыхъ и до сего времени еще формируются всѣ свѣжіе кадры агрономовъ.

Посмотримъ теперь, насколько вѣрно второе предположеніе, будто эпизодъ съ „Педологіей" лишь печальное, но вполнѣ исключительное въ жизни русскихъ факультетовъ событіе.

Мы уже знаемъ, что русскому университету вмѣняется двойная задача—искать истину и проводить въ жизнь опредѣленныя политическіе и „патріотическіе" взгляды. Мы видѣли также — на примѣрѣ самого г. Б-го — что даже самый „горячій" и самый „всероссійскій патріотизмъ" не всегда совпадаетъ съ талантами ученаго, съ наличностью необходимой для него суммы спеціальныхъ знаній. Но, какъ бы ни былъ малосвѣдущъ въ вопросахъ своей спеціальности такой „спеціалистъ", какъ г. Б. — все же всѣ остальные члены факультета освѣдомлены въ нихъ еще менѣе. Отсюда ясно, что факультеты далеко не всегда бываютъ въ состояніи контролировать правильность и добросовѣстность оцѣнки диссертацій, производимой отдѣльными его членами, спеціалистами въ той или другой области науки. Казалось-бы г. Б. сдѣлалъ со своей стороны рѣшительно все возможное для выясненія своей научной физіономіи. Достаточно лишь бѣгло заглянуть въ его работы. Что это за „Vollny" (—Wollny, „Неурожай" стр. 49, 50, 56, 57, 58... 1904, стр. 1), „Meyer" (= Ad. Mayer, „Неурожай" стр. 56, 58...), „Volf" (— Em. Wolff, такъ-же, стр. 8, 18, 19, 22, 23...), „Пеллетъ" (= Пелле), „Рейзетъ" (— Рейзе), „Хильгардтъ", „Райсонъ", „Пеарсонъ"...?

Что это за вещества съ химическими формулами „Ca_3PO_4" („Неурожай", стр. 55, дважды!). „$NaCO_3$" (стр. 48)? Что это за процессъ аналогичный соленію соли, намасливанію масла -процессъ „нитрифицированія азота" (стр. 31, 35, 55, 58...) и пр. и пр.? Изъ общаго хаоса „самобытной" учености г.г. Б-хъ, при всемъ желаніи, нѣтъ никакихъ силъ и никакой возможности выдѣлить опечатку или „недоразумѣніе", ибо, какъ мы уже видѣли, весь этотъ хаосъ, вся эта такъ наз. „истинная" ученость есть одна сплошная грубая опечатка, одно сплошное наивно откровенное „недоразумѣніе"...

Но, несмотря на всѣ съ его стороны старанія, г. Б., очевидно, не былъ оцѣненъ въ полной мѣрѣ своими коллегами по факультету. Иначе, какъ бы можно было объяснить даваемыя ему отъ имени факультета порученія, какъ примирить-бы чрезвычайно строгій искусъ предъявляемый факультетомъ къ постороннимъ съ поразительнымъ попустительствомъ къ своему сочлену, какъ понять снисходительное и поощрительное отношеніе факультета

къ тому роду литературы, который г. Б. именуетъ „истинно научной...“?

Вѣдь для всякаго очевидно, что если-бы г. Б. не сочинялъ ученыя диссертаціи, „экспериментальныя“ работы и „отзывы“, а съ тѣмъ же самымъ успѣхомъ точалъ сапоги, или изготовлялъ колбасы, онъ не имѣлъ-бы никакого спроса на продукты своего труда: неужели же въ качествѣ „и. д. профессора“ онъ воленъ сколько ему угодно кормить своихъ юныхъ слушателелей недоброкачественной колбасою и наряжать въ сапоги съ картонными подошвами?

Нѣтъ, конечно, факультетъ не составилъ полнаго и надлежащаго представленія о своемъ коллегѣ, „спеціалистѣ“ по всѣмъ сельскохозяйственнымъ наукамъ.

А разъ такъ, разъ даже столь легкая оцѣнка своего ближайшаго сочлена оказалась не по плечу факультету — нечего и говорить, что въ отношеніи къ постороннему факультетъ безусловно долженъ былъ положиться на оцѣнку, данную „спеціалистомъ“, г. Б-мъ — и потому, что этомъ послѣдній остался не понятымъ въ должной мѣрѣ, и потому, что понять чужую и, во всякомъ случаѣ, не столь откровенную, какъ труды г. Б-го, работу представлялось бы для факультета дѣломъ еще во много разъ болѣе труднымъ, чтобы не сказать невозможнымъ.

Итакъ, факультетъ долженъ былъ поступить такъ, какъ онъ поступилъ, а г. Б., въ свою очередь, не въ состояніи былъ-бы оцѣнивать диссертацію съ иной, чѣмъ его „истинно научная“ точки зрѣнія.

Отсюда, принимая въ расчетъ естественность г.г. Б-хъ какъ явленія, слѣдуетъ, что инциденты, схожіе съ постигшимъ „Педологію“, при схожихъ условіяхъ могутъ и должны повторяться во всѣхъ украшенныхъ г.г. Б-ми факультетахъ.

О ненормальности такого положенія вещей нечего и говорить. Ненормально состояніе науки, колеблющейся между Томсомъ и г. Б-мъ. Не нормально состояніе университетовъ, удовлетворяющихся, вмѣсто науки, „истинною наукою“. Ненормальны общія условія, отдающія предпочтенія г.г. Б-мъ предъ Эрисманами, М. Ковалевскими, П. Виноградовыми...

Ненормально состояніе науки, при которомъ г.г. Б-іе и Томсы представляютъ ея крайніе полюсы, дѣлаютъ агрономическую науку, распоряжаются ея судьбами, роютъ и направляютъ ея русло, по своему образу и подобію уготовляютъ кадры ея будущихъ работниковъ. Показать эту ненормальность, указать ея причины, намѣтить выходъ на правую дорогу—цѣль „историко-методологическаго“ экскурса автора „Педологіи“. Этотъ экскурсъ

представлялся намъ необходимымъ, какъ предпосылка для созданія „мѣховъ новыхъ", въ которыхъ агрономическая мысль и опытъ перестанутъ уже отливаться въ уродливыя формы то „естественно-научно-статистическихъ методовъ", то „богушевщины". И неужели нужно еще болѣе яркое доказательство необходимости коренного переустройства смежнаго съ почвовѣдѣніемъ отдѣла агрономіи, чѣмъ то, какое даютъ намъ результаты патолого-анатомическаго вскрытія зараженныхъ одною и тою болѣзнью работъ, взятыхъ съ противоположныхъ полюсовъ? Неужели нужно еще болѣе убѣдительное оправданіе положенныхъ авторомъ „Педологіи" въ основу своей работы взглядовъ?[1])

Только когда агрономія войдетъ, наконецъ, въ новое русло, указываемое ей исторіей всѣхъ естественнонаучныхъ дисциплинъ и ея собственною исторіей, только тогда исчезнетъ возможность появленія въ области сельскохозяйственныхъ наукъ г.г. Б-хъ и признанія ихъ „истинной науки".

Ненормально положеніе факультетовъ, принужденныхъ оказывать довѣріе г.г. Б-мъ, аппелировать къ ихъ „авторитету", отдавать въ руки ихъ защиту интересовъ истины, науки, строительство послѣдней, свое собственное достоинство, честь, доброе имя и судьбу тѣхъ, кто стремится въ ряды служителей науки. Ненормально, чтобы искажающіе Меркеровъ, Вагнеровъ и др., клевещущіе на нихъ выступали въ роли защитниковъ ихъ; авторы „экспериментальныхъ работъ" о раздавливаніи почвы и о выращиваніи не вполнѣ овса на не вполнѣ почвѣ — въ роли апологетовъ „эксперимента"; апостолы „истинно русской самобытной науки", „горячіе всероссійскіе патріоты", сами „русскіе почвенники" — въ роли хулителей русскаго почвовѣдѣнія; авторы „детальнѣйшихъ" разсужденій о „Неурожаяхъ" — въ роли оцѣнщиковъ чужихъ научныхъ трудовъ; составители не принятыхъ диссертацій — въ роли предписывающихъ требованія для принятія чужихъ диссертацій; лишь по „энциклопедическому словарю" знакомые съ исторіей своей науки — въ роли критиковъ „историческихъ" изслѣдованій; не составившіе себѣ ни малѣйшаго

[1]) Отмѣчая то значеніе „Педологіи", которое принадлежитъ ей, по мнѣнію ея автора, я ни мало не касаюсь вопроса о пригодности или непригодности ея въ качествѣ диссертаціи. Пусть она, какъ утверждаетъ г. Б., не годится даже въ качествѣ работы pro venio legendi, пусть авторъ ея даже въ качествѣ привать-доцента не достоинъ излагать тѣ науки, которыя въ качествѣ „и. д. профессора" излагаетъ г. Б. Единственно, что я считаю себя вправѣ утверждать, это то, что и тутъ о достоинствахъ и недостаткахъ „Педологіи", какъ диссертаціи, г. Б. судить не компетентенъ.

представленія о „научномъ методѣ“ въ роли судій „методологическихъ“ работъ; полные импотенты въ наукѣ — въ роли кормчихъ, жрецовъ и распорядителей ея судьбами; невѣжды — въ роли учителей и воспитателей университетской молодежи.

Во что превращается тотъ придѣлъ храма науки, которымъ завѣдуютъ подобные священнослужители? Во что превращается преподаваніе обширнѣйшихъ областей агрономіи — техники, естествознанія, экономики — въ рукахъ такихъ „спеціалистовъ“? Чему они могутъ обучить юношество, „не рискуя подпасть подъ снисходительную (?) критику своихъ-же, между нами будь сказано“ (!), учениковъ. (С. К. Богушевскій. „Мысли о сельск. хоз. образованіи“, стр. 9)? Можно-ли допустить, чтобы къ нимъ стекались жаждущіе знаній, чтобы вокругъ нихъ создавалась атмосфера умственной работы, чтобы у нихъ возникала своя научная школа, чтобы съ ними сотрудничали живые, самостоятельные, уважающіе науку и себя люди? Можно-ли допустить, чтобы факультетъ, принужденный подчиняться ихъ „авторитету“, не рисковалъ постоянно очутиться въ некрасивомъ, смѣшномъ или недостойномъ положеніи?

Бѣдные юноши, пришедшіе съ жаждой знанія, съ довѣріемъ къ авторитету учителя, съ вѣрой во всемогущество науки.

Бѣдный факультетъ, принужденный видѣть въ г.г. Б-хъ „спеціалистовъ“, товарищей, жрецовъ и судій въ дѣлахъ науки, прикрывать своимъ авторитетомъ ихъ невѣжество, „патріотическія“ вылазки и личные счеты.

Бѣдный Университетъ, обязанный укрывать подъ своею кровлею „истинную науку“ и „горячую“ политику.

Бѣдная наука, отданная въ полное распоряженія г.г. Б-хъ.

Бѣдное сельское хозяйство обширнѣйшей земледѣльческой страны, руководимое такими представителями „теоріи“.

Бѣдная родина, въ которой патентъ на патріотизмъ принадлежитъ г.г. Б-мъ, гдѣ послѣдніе причисляются къ передовымъ позиціямъ „всероссійской“ интеллигенціи, къ „мозгу“ народнаго организма.

Оторопь беретъ, когда подумаешь, что г.г. Б-іе цѣлыми десятилѣтіями могутъ удерживать свои „позиціи“.

Для того, чтобы г.г. Б-іе сдѣлались невозможными и на университетскихъ кафедрахъ, мало еще одной реформы въ области агрономическихъ наукъ. Необходимо, чтобы была, наконецъ, ясно сознана невозможность нормальнаго отправленія Университетомъ своихъ функцій при наличности въ немъ подобныхъ жрецовъ науки.

Когда шесть лѣтъ тому назадъ авторъ „Недологіи“ былъ

занятъ составленіемъ работы „Въ защиту науки"[1]), благоразумные и житейски опытные люди укоряли его за „безполезную" трату времени и силъ. Развѣ тѣхъ — говорили они — кто въ занятіи наукой видитъ средство для осуществленія „практическихъ" цѣлей, тѣхъ, кто фальсифицируетъ и извращаетъ науку — развѣ можно ихъ исправить или убавить?

Съ тѣхъ поръ житейски опытные люди стали еще опытнѣе и еще съ бо́льшимъ правомъ могутъ повторять вновь всѣ свои правоученія.

Но и авторъ „Педологіи" сталъ еще яснѣе ощущать необходимость „защиты науки" со стороны всѣхъ, кто ей служитъ. Наклонная плоскость, по которой катится русская наука, становится все круче и круче. Число „случайныхъ лишь посѣтителей" науки и лишь „исправляющихъ должность" жрецовъ ея все болѣе и болѣе возрастаетъ, число добровольныхъ и искреннихъ служителей ея рѣдѣетъ... Тѣмъ гуще, тѣмъ громче долженъ раздаваться набатный колоколъ, предостерегающій ищущаго путь къ храму путника. Тѣмъ чаще надлежитъ напоминать, что въ храмѣ науки не можетъ быть допустимо никакое кощунство, никакая торговля фальшивыми монетами, продуктами фальсификаторскаго искусства.

Наука вовсе на рядъ куплетовъ изъ того или иного цикла учебниковъ, нужныхъ студенту ради полученія диплома, а одна изъ сторонъ умственной и духовной культуры націи, необходимая ей не менѣе хлѣба насущнаго, часть жизни — личной, національной, общечеловѣческой. Кто служитъ ей, долженъ не только выполнять внѣшніе ритуалы: занимать каѳедру, имѣть слушателей, пользоваться благами 20-го числа и пр.; онъ долженъ служить ей всѣмъ своимъ существомъ, какъ священникъ Богу и ближнимъ, какъ врачъ страждущимъ. Онъ долженъ бить въ набатъ, не можетъ не болѣть душой и не возмущаться, не защищать грудью то, что ему дорого, чему онъ служитъ — какъ бы благоразумные и житейски опытные люди ни осуждали за это.

Ненормальны — сказали мы — общія условія, отдающія предпочтеніе „патріотамъ" г.г. Б-мъ предъ людьми науки. Г. г. Б-іе — тяжелая проблемма, стоящая не передъ одной только агрономической наукой, не передъ одними только Университетами, а передъ всей русской жизнью.

Какъ исключеніе, г.г. Б-іе вездѣ возможны; вездѣ возможно, что человѣкъ безъ знаній, безъ влеченія къ наукѣ, безъ

[1]) Ярилова А. Въ защиту науки и приговоренныхъ къ смерти, Юрьевъ, 1900.

научной добросовѣстности и работоспособности, въ силу какихъ нибудь исключительныхъ условій, получить кафедру, слушателей, извѣстный авторитетъ; возможно даже, что его наивная стряпня — такъ же мало похожая на научную работу, какъ баба изъ снѣга на художественное произведеніе скульптора — будетъ признана достойной какой нибудь „искомой степени“.

Но только при тѣхъ исключительныхъ общихъ условіяхъ, въ какихъ мы живемъ, возможны г.г. Б-іе не какъ исключеніе, а какъ правило.

Что даетъ г.г. Б-мъ — какъ правилу, а не какъ исключенію — силу, право и авторитетъ?

Всего только двѣ буквы, стоящія впереди ихъ званія: „и. д.“ Въ такомъ сочетаніи это, несомнѣнно, самыя краснорѣчивыя буквы во всемъ алфавитѣ; въ нихъ микрокосмъ русской жизни, онѣ могли бы быть превосходной эмблемой современной русской общественности. Отнимая ихъ отъ г.г. Б-хъ, вы стираете послѣднихъ съ лица земли. Ученымъ, профессоромъ, педагогомъ, администраторомъ, воиномъ, носильщикомъ, судьею и т. д., и т. д. — можетъ быть не всякій; но „исправлять должность“ ученаго, администратора, политика и т. д. — можетъ кто угодно.

Въ послѣднее время русская литература открыла цѣлый міръ, населенный особою „своеобразною“ породой нашихъ соотечественниковъ. „Паркетные адмиралы“ („Н. Д.“, № 30), „представительствующіе“ дипломаты („С. О.“ 1905, № 18), „усѣченные земцы“, „какъ будто земцы“, „façon de земецъ“, „земецъ въ ковычкахъ“, „земецъ съ другой стороны“ („Хоз.“ 1904, № 43); „профессора по назначенію“, „профессора чиновники“, „профессора попустители“, „профессора пособники“ (проф. Ломшаковъ, „Н. Д.“ № 12), „священники по приказу“. („Спб. Вѣд.“ 1905, 26 Янв.), „слѣдователи по назначенію“ („Р. Вѣд.“ 1905, № 25) и т. д. и т. д. — все это до „не въ родѣ арестанта“ включительно — разновидности одной и той же породы людей — „исправляющихъ должность“.

Одинъ „исправляетъ должность“ „пасущаго телятъ“, а тотъ-кому, быть можетъ, безъ аллегоріи надлежало бы пасти послѣднихъ, „пасетъ овцы моя“. И такъ всѣ и повсюду: дѣло одного дѣлаетъ другой въ качествѣ „и. д.“, а тотъ первый, въ свою очередь, „исправляетъ должность“ дѣлающаго дѣла третьяго и т. д.

У насъ есть „и. д.“ науки, „и. д.“ самоуправленія, „и. д.“ провосудія, прессы, школъ, больницъ, просвѣтительныхъ, научныхъ и литературныхъ обществъ.

У насъ есть „якобы права“, „якобы патріоты“, „якобы консерваторы“ и пр.

У насъ есть „декоративныя опытныя станціи" („Хоз." 1905, № 3), есть „и. д." солдатскаго сапога, полушубка, консервовъ...

Вся наша жизнь есть въ значительной степени лишь „и. д." настоящей сознательной общественно-гражданской жизни. Только полиція у насъ — явная и тайная, служилая и добровольная — настоящая, не „усѣченная"; только въ ней, какъ нигдѣ, поощряются таланты, творческая мысль, инипіатива...

Вѣдь это она, „и. д." культуры побѣждается на Ялу, на поляхъ Ляояна, Мукдена, въ Портъ-Артурѣ, побѣждается настоящей культурой настоящею, полною жизнью живущаго народа... И та-же самая борьба между всѣмъ тѣмъ, что лишь „и. д." культурныхъ элементовъ и элементами настоящей культуры происходитъ на нашихъ глазахъ и внутри самого общественнаго организма; и тутъ идетъ борьба, только еще болѣе тяжелая, мучительная, невидимая, микроскопическая, борьба лейкоцитовъ съ болѣзнотворными началами, гнѣздящимися въ организмѣ. Она становится все болѣе и болѣе зримой, эта борьба все болѣе выходитъ изъ подъ спуда на свѣтъ Божій, и міазмы все болѣе и болѣе выдаютъ себя своимъ запахомъ и видомъ...

Порожденіе всей нашей общественной жизни, г.г. Б-іе, и изъ Университетовъ не могутъ быть выметены путемъ однихъ только академическихъ реформъ. Университетъ лишь часть общественно-государственнаго организма. Только осушивъ болото, можно вывести плѣсень и грибокъ изъ стоящихъ на болотѣ зданій. Новая жизнь должна дать Университету возможность служить одному только Богу. Университетъ долженъ стать либо тѣмъ, чѣмъ онъ является всюду въ Зап. Европѣ и другихъ цивилизованныхъ странахъ, и служить только наукѣ, либо — „истинно русскимъ", „самобытнымъ" учрежденіемъ, приспособленнымъ спеціально къ воспитанію „истинно русскихъ людей", съ членами „Русскаго собранія" въ качествѣ профессоровъ, со „свобододѣйствующими"—въ качествѣ студентовъ.

Выступающая на борьбу за новый Университетъ академическая ассоціація есть, по необходимости, общественно-политическій союзъ.

Тотъ свободный Университетъ, о которомъ она мечтаетъ, возможенъ только въ свободной странѣ [1]). Предстоитъ долгая, упорная, систематическая борьба. Ближайшими этапами ея должны быть: возвращеніе въ Университетъ всѣхъ бывшихъ его пре-

[1]) „Не можетъ Университетъ быть самоуправляющеюся свободною общиною въ политически безправной странѣ"—писали еще въ 1882 г. Петербургскіе студенты.

подавателей, людей науки, пострадавшихъ за невыдержаніе экзамена въ „патріотизмѣ“; пріобрѣтеніе гарантій, обезпечивающихъ самооздоровленіе и саморазвитіе Университета; установленіе болѣе нормальныхъ отношеній между профессорской корпораціей и институтомъ приватъ-доцентовъ и ассистентовъ; коренное измѣненіе взгляда на студентовъ, давно заслужившихъ „почетную капитуляцію“, долженствующихъ быть выведенными изъ невыдержавшей испытаній „крѣпости“ и пріобщенными къ полной академической свободѣ......

И когда настанетъ тотъ желанный день, въ который солнце „правды-истины“ и „правды-справедливости“ засіяетъ, наконецъ, надъ изстрадавшейся родиной, отогрѣетъ всѣхъ закоченѣвшихъ отъ долгой стужи, широко распахнетъ двери таланту, мысли, общественной и личной энергіи, труду и иниціативѣ—велика тогда будетъ честь всѣмъ борцамъ за свободную родину, свободный Университетъ, свободную науку, велика будетъ благодарность освободившагося отъ духовнаго рабства народа за понесенные борцами тяжелые труды.

Юрьевъ (Дерптъ), Май 1905 г.

2007051195